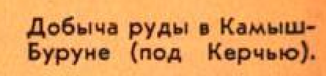

ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СССР

Добыча руды в Камыш-Буруне (под Керчью).

На первой странице обложки: Молодая ленинградская спортсменка Галина Попова.
Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Вертолет над виноградниками совхоза «Коктебель» в Крыму.
Фото И. Тункеля.

МИССИЯ МИРА И ДРУЖБЫ

15 сентября
Н. С. Хрущев
прибыл в США

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 39 (1684)

20 СЕНТЯБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Отъезд Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки. На снимках: проводы на Внуковском аэродроме.
Фото Я. Рюмкина и С. Смирнова.

АМЕРИКА РУКОПЛЕЩЕТ МИР

Борис ИВАНОВ

Фото Андрея НОВИКОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр.

Н. С. Хрущев: «Мы с Вами на Земле должны жить в мире и дружбе, как должны жить в мире и дружбе все народы».

НАД ВАШИНГТОНОМ ЯСНОЕ НЕБО

Два цвета господствуют сейчас в столице Соединенных Штатов — голубой и зеленый. Это особенно отчетливо видишь, когда поднимаешься на обелиск, воздвигнутый в честь Джорджа Вашингтона, или, как его называют американцы, «карандаш Вашингтона». Огромный лифт за несколько минут подымает вас на высоту в 550 футов, на главную площадку, откуда через смотровые окна открывается чудесный вид на город.

Собственно, сам город скорее угадывается по прямым асфальтовым дорогам, бегущим во все стороны от обелиска, как спицы велосипедного колеса. В Вашингтоне нет небоскребов, как, скажем, в Нью-Йорке или Чикаго. Жилые дома, а они здесь больше двухэтажные, прячутся под раскидистыми кронами вековых вязов и кленов. Многочисленные министерства, ведомства, банки и отели возвышаются, словно гранитные глыбы, в плотном кольце деревьев. С северной стороны обелиска, на зеленом холме, виден в окружении фонтанов Белый дом — резиденция президента Соединенных Штатов Америки. Капитолий высоко вознес над городом свой купол в ажурной сетке стальных лесов. Здание конгресса Соединенных Штатов ремонтируется.

Впечатление от Вашингтона как от города-парка будет особенно сильным, если вы пройдетесь по столице пешком. Лучше всего это сделать в воскресенье, когда жители, в основном чиновники государственных учреждений, уезжают за город. Тогда улицы не так забиты машинами, прогулка доставит вам удовольствие, а не превратится в надоедливую цепь остановок на перекрестках в ожидании зеленого светофора.

Невдалеке от Капитолия на широкой лужайке теннисные корты. Их много, и на каждом идет горячая борьба. Негр играет с негром, белый — с белым. Обширные площадки города залиты асфальтом, на них растут деревья, резвятся дети. Зеленые берега реки Потомак спускаются к самой воде.

Над городом Вашингтоном, с которого начался во вторник визит в США Никиты Сергеевича Хрущева, раскинулось ясное небо.

Америка радушно встречает главу Советского правительства. Интерес к этому историческому визиту огромен. В стране нет равнодушных, нет нейтралов. Сенаторы и рядовые служащие учреждений, ученые, фермеры и мойщики окон — все так или иначе высказывают свое отношение к встрече глав правительств двух величайших государств на земле. «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Ивнинг стар» и сотни других газет и журналов полны материалов, посвященных визиту Н. С. Хрущева. Печатаются не только различные высказывания и прогнозы, статьи и заметки ученых, читателей, журналистов, но и программа пребывания Н. С. Хрущева в стране, карты маршрута его поездки по Штатам.

В тот день, когда мы совершали прогулку по городу, на Шестнадцатой улице к нам подошел, услышав русскую речь, высокий молодой человек в очках, одетый в красную рубашку и серый легкий пиджак, карманы которого оттопыривались от пачек газет.

ВЫСОКОМУ ГОСТЮ

ШАГАЕТ ЗА ОКЕАН

— Можно с вами поговорить? — осторожно спросил он.

— Конечно, пожалуйста!

— Ричард Койн, служащий в коммерческой конторе,— представился прохожий.— Мы ждем добрых вестей от визита премьера вашего государства. Передайте ему спасибо через советскую печать. Лично я сделать это вряд ли смогу: уж очень много желающих...

А чуть раньше, при осмотре города с обелиска Вашингтона, у меня произошел такой разговор.

К северному смотровому окошку, из которого хорошо виден Белый дом, прильнула молодая чета. Он среднего роста, в клетчатой рубашке с закатанными по локоть рукавами, она в синем платье, с дочкой на руках.

— Смотри, дорогая,— сказал муж,— вон дом, где завтра состоится эта встреча. Что-то она принесет нам?

Я не удержался и попросил разрешения поговорить.

— О, с удовольствием и даже очень! — сказал глава семьи на ломаном русском языке.— Это моя жена Камилла,— продолжал он.— Я Джон Харвиц, учитель из Джорджии. Изучаю русский язык. Это в Штатах стало модным.— Он немного подумал, потом поднял вверх руку.— Видите, я голосую «за»! Нам всем нужно, чтобы небо было всегда голубым, как сегодня. У меня растет дочь, а в школе я воспитываю мальчиков. Они шалуны, но вырастут хорошими парнями. Уж я об этом позабочусь. Ваша дружба нам очень, очень нужна...

Передо мной пачка писем, пришедших за последнюю неделю в советское посольство.

«Дорогой господин Хрущев! Несомненно, Вы получили много приглашений посетить американские семьи. Я представляю, как будет перегружена Ваша программа, но, тем не менее, я от всей души приглашаю Вас. Наш дом открыт для Вас, и нам принесет огромную радость Ваше посещение.

Дурлин, Сан-Леандро, Калифорния».

Встреча Н. С. Хрущева и сопровождающих его лиц на военном аэродроме Эндрюс.

А вот что пишет советскому послу М. А. Меньшикову писатель Фредерик Памфред из города Миннеаполис, штат Миннесота:

«Как, по-Вашему, захочет ли премьер-министр Хрущев побывать в нашей семье во время своего посещения Соединенных Штатов? Вся наша семья: я, моя жена Марианн, дочери Фрея и Мария, сын Фредерик — все мы очень хотим, чтобы он посетил нашу семью. Моя семья едва-едва сводит концы с концами на тот доход, который я получаю за свои романы. Но у меня хороший садик. Моя жена — экономная хозяйка. А главное, у нас в семье большой стол, за ним всегда весело».

Конечно, есть в Соединенных Штатах люди, которые не хотели этого визита. Больше всего на свете они боятся возрастающей популярности Советского Союза среди американского народа. Много стараний прилагают церковники: совет американских церквей даже организовал антисоветские сборища. Есть среди противников встречи и влиятельные персоны. Они готовы включить все существующие в Соединенных Штатах установки кондиционирования воздуха, чтобы понизить температуру встречи. Но, как известно, эти установки могут действовать только там, где есть стены и двери. А в Вашингтоне сегодня тепло, над ним раскинулось беспредельное голубое небо...

«НЕЙТРАЛЬНОЕ» ВРЕМЯ

Незадолго до визита Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки помощник руководителя центра международных исследований Гарвардского университета Генри Киссингер опубликовал статью «Визит Хрущева — опасности и надежды». Различные прогнозы высказывал автор. В частности, он писал: «Время нейтрально. Оно помогает только тем, кто полон энергии и решимости использовать его правильно».

Я вспомнил эту статью в тот момент, когда по всему миру разнеслась весть о запуске второй советской ракеты на Луну. Мне привелось быть в Соединенных Штатах, когда советские ученые запустили первый спутник. Тогда эта весть ошеломила не только американских инженеров и ученых, но и тех, кто занимается политикой. Больше нельзя уже было говорить о том, что СССР — отсталая страна. Сразу обнаружилось, что антисоветская пропаганда построена на песке.

С тех пор минуло два года. Нельзя сказать, что соотечественники Генри Киссингера не были полны решимости правильно использовать время, чтобы обогнать Советский Союз на втором этапе исследования космоса и запуска ракет на Луну. Американские ученые кое в чем здесь преуспели. Они удачно запустили несколько спутников, делали попытки забросить ракету на Луну. Однако первой достигла Луны советская ракета. «Нейтральное» время? Нет, время не нейтрально, оно работает на тех, кто руководствуется в государственных делах и в жизни правильно понятыми законами исторического развития.

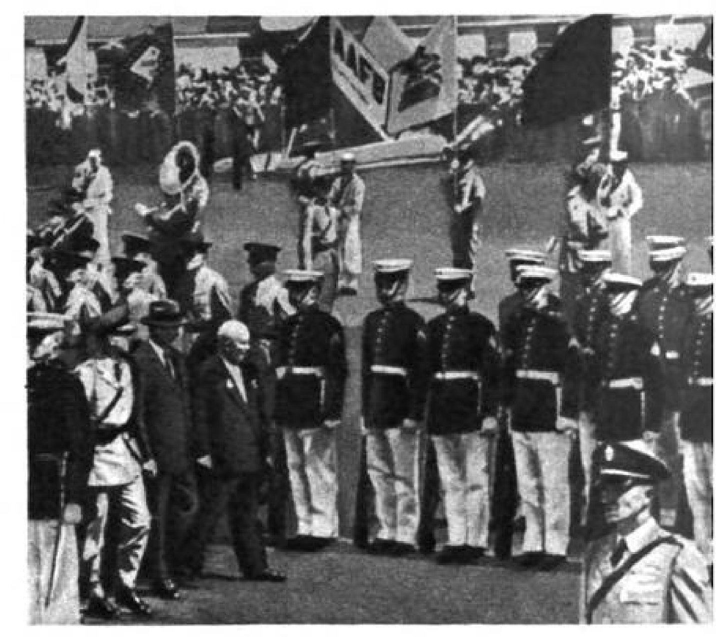
Как только в Вашингтоне стало известно о том, что наша ракета достигла Луны, группа советских корреспондентов попросила разрешения посетить крупнейшую в США обсерваторию военно-морского флота. Разрешение было получено. Представителей прессы любезно встретил заместитель начальника обсерватории командор Робинсон, бывший командир американского миноносца. Он сказал, что обсерватория оборудована новейшей электронной аппаратурой. У мистера Робинсона спросили, как он расценивает замечательную победу советских ученых. Был получен лаконичный ответ:

— Тот, кто первый, есть первый.

Командор Робинсон показал нам службу времени — часы, по которым исчисляется время в стране.

— Точность часов мы проверяем по звездам,— сказал нам хозяин.

Конечно, бой часов можно проверять по звездам. Но время определяется сейчас не только положением светил на небосклоне. Какое время ждет человечество — спокойное или тревожное,— во многом зависит от взаимоотношений двух стран: Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Обмен визитами между руководителями этих государств — Н. С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром — предвестник хорошего времени.

Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр обходят строй почетного караула.

Советские гости проезжают по улицам Вашингтона, направляясь в резиденцию «Блэйр-хауз».

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, президент США Д. Эйзенхауэр, Н. П. Хрущева и А. А. Громыко у резиденции «Блэйр-хауз».

В Белом доме. Президент Д. Эйзенхауэр рассматривает преподнесенную ему Н. С. Хрущевым копию вымпела, доставленного на Луну в советской ракете.
Слева направо: вице-президент США Р. Никсон, постоянный представитель США в ООН Г. Лодж, Д. Эйзенхауэр, государственный секретарь США К. Гертер, Н. С. Хрущев, А. А. Громыко, посол СССР в США М. А. Меньшиков.

СОТНИ ТЫСЯЧ ВАШИНГТОНЦЕВ ПРИВЕТСТВУЮТ Н. С. ХРУЩЕВА

Долго не изгладится в памяти жителей Вашингтона день 15 сентября. Это был день не только тепла и солнца, это был день торжественной встречи Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева.

Более трехсот тысяч горожан вышли на улицы города, чтобы приветствовать главу Советского государства. Горожане запрудили все улицы на пути следования вереницы машин с гостями. Те, кто не смог занять место на тротуаре, устроились на балконах, забрались на крыши домов, прильнули к окнам своих квартир...

«Блэйр-хауз» — резиденция Н. С. Хрущева в Вашингтоне.

Еще за несколько часов до прибытия самолета «ТУ-114» на военно-воздушную базу Эндрюс, в 24 километрах от Вашингтона, начали собираться встречающие. Первыми, как всегда, прибыли журналисты — их не сотня, не две, а больше четырехсот человек. Для представителей прессы всего мира были сооружены два специальных помоста. Кинооператоры, фоторепортеры и телеоператоры расположились на четырехэтажном помосте, остальные журналисты — чуть ниже, на площадке, разделенной на 12 ступенек. У здания командования базы, на фасаде которого вывешены государственные флаги Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, разместилось более двух тысяч американцев, пришедших на аэродром приветствовать гостей.

Прямо передо мной — невысокая трибуна. От нее к месту, куда должен подрулить самолет, положена красная ковровая дорожка. Справа выстроился почетный караул. Солдаты в френчах цвета хаки с золотыми галунами, в высоких черных ботинках, с карабинами на плечах. За почетным караулом тихо полощутся знамена всех штатов. Вдалеке, на взлетном поле,— четыре орудия. Из них был дан салют — 21 залп в честь высокого советского гостя.

На аэродроме пока тихо. Неслышно подходят машины с государственными деятелями, дипломатами. Но вот духовой оркестр заиграл марш. Встретить Никиту Сергеевича Хрущева прибыл президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр. На горизонте показалась огромная серебристая птица. Самолет не делает над аэродромом обычного разворота и сразу совершает посадку. Я слышу вокруг себя восторженные возгласы. Добрые слова относятся не только к красавцу — могучему турбовинтовому самолету, но и к его экипажу, сумевшему так мастерски приземлить огромную машину.

Смолк гул моторов. Президент США Дуайт Эйзенхауэр направляется к трапу самолета, чтобы встретить Никиту Сергеевича Хрущева и сопровождающих его лиц на американской земле.

Дети сотрудников советского посольства преподносят гостям цветы. Главы двух великих государств поднимаются на трибуну. Исполняются государственные гимны Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр обходят почетный караул.

Главы правительств СССР и США снова поднимаются на возвышение. Свою приветственную речь, обращенную к Н. С. Хрущеву, президент Эйзенхауэр заканчивает словами:

«В конце концов, нашей совместной целью всегда должен быть справедливый всеобщий и прочный мир. Именно в этом духе, г-н председатель, я приветствую Вас и говорю Вам — добро пожаловать в Вашингтон и Соединенные Штаты».

В ответной речи Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев говорит:

«Мы приехали к вам с открытой душой и добрыми намерениями. Советский народ хочет жить в мире и дружбе с американским народом. Нет никаких препятствий к тому, чтобы отношения между нашими странами строились как отношения добрых соседей».

Н. С. Хрущев передает сердечный привет и самые наилучшие пожелания американскому народу от имени народа Советского Союза, Советского правительства и от себя лично.

Президент Эйзенхауэр приглашает Н. С. Хрущева в открытый черный лимузин. Машины в сопровождении эскорта мотоциклистов направляются в Вашингтон.

Дорога вьется по лесистым холмам. Чем ближе к городу, тем меньше скорость автомашин, тем плотнее толпа встречающих. Улицы словно стали у́же. Со всех сторон несутся приветственные возгласы: «Хрущев!», «Хрущев!», «Добро пожаловать!», «Лунник!», «Лунник!», «Лунник!» — так нарекли американцы советскую ракету, доставившую на Луну вымпел, который с удовольствием будет приветствовать там появление американского собрата.

Десятки духовых оркестров армии США исполняют марши. Город заполнен музыкой, теплыми улыбками, веселыми возгласами.

Автомашины достигли «Блэйр-хауза», резиденции Н. С. Хрущева. Этот трехэтажный дом с зелеными ставнями, воздвигнутый в 1924 году, стоит напротив Белого дома. В нем всегда останавливаются самые почетные гости Америки.

Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр поднимаются по ступеням здания и оттуда приветствуют огромную толпу горожан, запрудивших сквер и прилегающую к дому улицу.

Возвращаясь от «Блэйр-хауза» в гостиницу, я нагнал двух пожилых женщин, живо разговаривавших между собой. Я спросил: каково их мнение о сегодняшнем дне?

— О, восхитительно! — сказала одна.

— Я не помню, чтобы наш город встречал кого-либо так тепло,— добавила другая.

А в номере гостиницы меня уже ожидал экстренный выпуск газеты, на первой полосе которой было напечатано по-русски: «Здравствуйте, господин Хрущев!» — и помещена фотография Н. С. Хрущева, приветствующего вашингтонцев.

Время приближается к двум часам. Солнце печет по-летнему. На небе ни облачка.

Вашингтон, 16 сентября.

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОЙ НАУКИ!

Желанные свершались сроки.
Все веселей дышала грудь...

В те дни,
Когда Хрущев в далекий,
В свой трудный
Собирался путь,—

Вперед,
В космические дали,
Высоких помыслов полны,
Мы всем народом запускали
Ракету в сторону Луны

Совсем не для того,
Чтоб бойко
Сверкнуть
В нарядах дорогих,
Чтоб побахвалиться,
Насколько
Мы в силе
Превзошли других,

А для того, чтоб осторожно,
И нетревожно намекнуть,
Что в наше время
Все возможно
На дело мира обернуть.

И вот свершилось!..

Бесконечно
Сердечно, от души вполне,
Все языки и все наречья
Честь воздают моей стране.

Отныне утвержден навечно
Советский вымпел на Луне!

Такая решена задача!
И не напрасно мы в пути,
Товарищ, говорим:
— Удача
Должна другую привести!

И не напрасно,
Не напрасно,
Подобные живым цветам,
Все наши помыслы
Всечасно
Сегодня в Белом доме —
Там,
Где перед целым
Белым светом,
Веленью разума верны,
Наш Председатель
С Президентом —
Два человека, две страны.

И верить хочется,
Что скоро
Над благодатью всех полей,
И всех морей,
И всех просторов
Мир утвердится на Земле.

Желанные приблизив сроки,
Он явится тебе и мне,
Как этот гордый и высокий
Наш мирный вымпел на Луне.

Василий ЖУРАВЛЕВ

Фотоэтюд Ю. Кривоносова.

МЕЖПЛАНЕТНАЯ ТРАССА ПРОЛОЖЕНА...

Ю. КРЫЛОВ,
кандидат технических наук

Из глуби веков идет стремление человека оторваться от Земли, парить, как птица, разорвать цепи тяготения и устремиться в космос. Сирано де Бержерак и Джордано Бруно, Кибальчич и Циолковский, тысячи известных и безвестных ученых и фантастов направляли силы своего ума и творческой фантазии к этой цели.

4 октября 1957 года запуском первого советского ис-

кусственного спутника Земли началась эра прямого освоения космоса. «Per aspera ad astra» — «Через трудности к звездам» — эта латинская пословица приобрела буквальный смысл.

К настоящему времени двумя странами, СССР и США, успешно запущено 11 искусственных спутников Земли и осуществлены полеты космических ракет (США предприняли четыре таких попытки, из них лишь одна закончилась, и то полууспешно).

Вес аппаратуры, средств питания и контейнеров американских спутников составляет от 1,6 до 59 килограммов; суммарный вес искусственных спутников Земли, запущенных в США, достигает 150 килограммов. Веса советских искусственных спутников (без веса по-

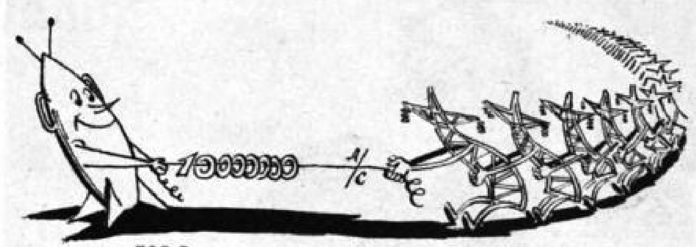

На астрономической площадке планетария собрались москвичи в ожидании момента встречи космической ракеты с Луной.

В МОСКОВСКОМ ПЛАНЕТАРИИ В НОЧЬ НА 14 СЕНТЯБРЯ.

Фото Галины Санько.

следней ступени ракеты-носителя) составляют: 83,6 ки-

лограмма, 508,3 килограмма и 1 327 килограммов (суммарный вес — 1 918,9 килограмма).

Вес аппаратуры на последней ступени американской космической ракеты «Пионер IV» равнялся 6 килограммам; полный вес последней ступени ракеты — 30 килограммов. Вес аппаратуры на первой советской космической ракете — 361,3 килограмма; полный вес последней ступени ракеты — 1 472 килограмма; на второй космической ракете, достигнувшей Луны,— соответственно: 390,2 килограмма и 1 511 килограммов, то есть в 50 с лишним раз больше, чем у американцев.

Через громадные трудности пришлось пройти энтузиастам ракетостроения на пути от первых пороховых ракет до космических аппаратов. Чтобы отчетливо представить себе это, попытаемся описать, разумеется, в самых общих штрихах, основные черты конструкции современных мощных ракет.

Космическая ракета, предназначенная для полетов со скоростями вблизи Земли 8—11 километров в секунду, приводится в движение мощными жидкостными реактивными двигателями. В главной части такого двигателя — камере сгорания — непрерывно сжигается специальное топливо, а образующиеся при этом газы выбрасываются наружу, развивая силу отдачи — тягу двигателя. Для достижения космических скоростей двигатель должен развивать возможно большую тягу, а вес самой ракеты должен быть по возможности меньше. Этого можно достичь в многоступенчатых ракетах, предложенных еще К. Э. Циолковским, где устанавливается несколько двигателей с отдельными баками (несколько ступеней); и по мере расходования топлива эти ступени последовательно отбрасываются. Остающаяся после отброса ракетная система (вторая, затем третья, иногда четвертая ступень) продолжает полет с работающим двигателем, набирая скорость. После выключения последнего двигателя, что происходит уже в первые минуты полета, ракета продолжает движение в космосе по инерции.

Все современные космические ракеты являются многоступенчатыми. При этом полный вес ракеты перед запуском (всех ступеней) весьма велик. Так, например, американская межконтинентальная ракета «Атлас», с помощью которой был осуществлен запуск спутника «Дзета 1958», имеет стартовый вес 95 тысяч килограммов (тяга первой ступени — 180 тысяч килограммов), а контейнер спутника с приборами весит лишь 59 килограммов. Для запуска более тяжелых спутников необходимы еще более мощные ракеты.

Ракетостроители в своей практике не используют обычное понятие мощности двигателя, так как у ракеты мощность зависит от скорости полета. Но легко подсчитать, что ракета с полетным весом в 100 тонн, достигнув первой космической скорости, будет развивать мощность свыше 10 миллионов лошадиных сил.

В связи с установкой на ракете нескольких двигателей возникают большие трудности при обеспечении их работы по заданной программе. Особенно важно добиться точного выключения двигателей каждой ступени, так как от правильности значения скорости и направления полета в момент прекращения работы двигателей зависит попадание ракеты в цель. Ошибка в несколько процентов привела при запуске на Луну американской ракеты «Пионер IV» к «промаху»... в 59 тысяч километров. Вторая советская космическая ракета достигла поверхности видимого диска Луны на расстоянии одной четверти лунного радиуса от его центра. Известно, что Луна видна с Земли под углом в одну вторую градуса. Таким образом, контейнер с аппаратурой отклонился от центра видимой поверхности Лучы лишь на одну шестнадцатую градуса, или на 4,5 угловых минуты. Если так же тщательно наводить обычное артиллерийское орудие, то конец его ствола надо установить в пространстве с точностью до миллиметра.

Запуски искусственных спутников в СССР могли быть произведены после постройки межконтинентальной ракеты. Как известно, Советский Союз в этом отношении опередил США на несколько лет, создав мощную межконтинентальную ракету, неоднократные испытания которой подтвердили надежность ее работы и точность выведения в район цели. Дальнейшие успехи советских ракетостроителей привели к созданию космических ракет.

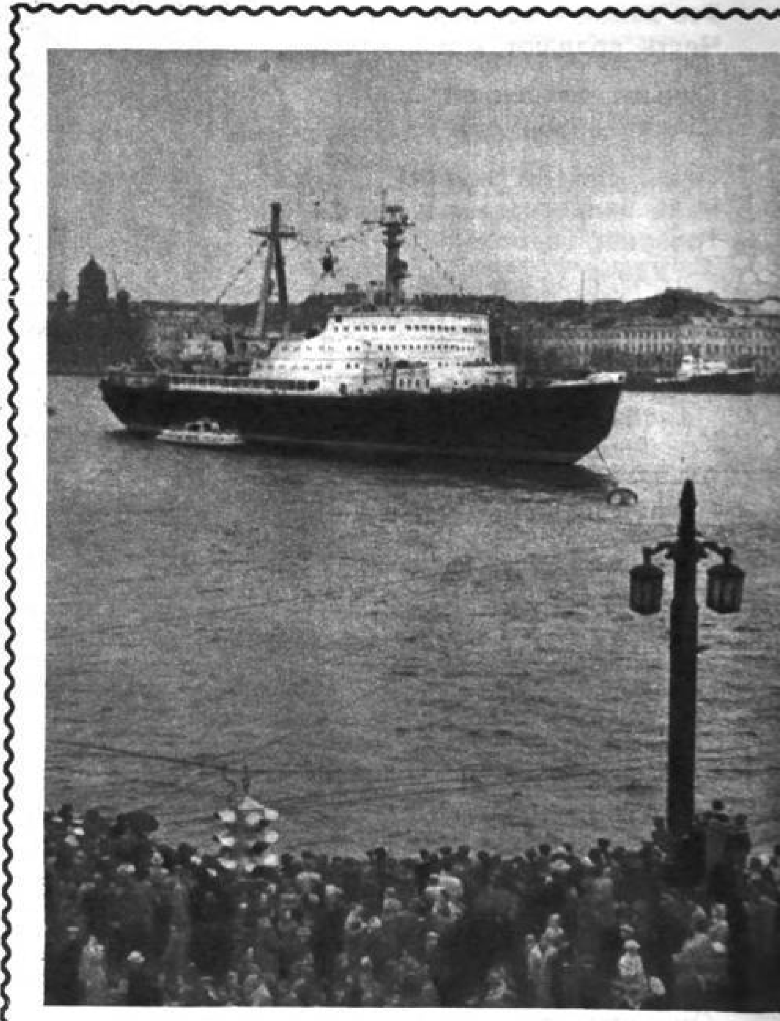
После 12—14 сентября 1959 года, когда впервые в истории человечества осуществлен космический перелет с Земли на другое небесное тело, открываются новые, поистине необозримые перспективы исследований Вселенной. В то время как вторая советская космическая ракета достигла Луны, первая движется в районе орбиты Марса. Смысл этого факта не всегда уясняется сразу. А ведь, по существу, это означает, что мы уже достигли района, близкого к Марсу. Значит, уже сейчас технической реальностью является посылка летающей лаборатории в районы других планет солнечной системы.

Впереди еще много трудностей. Одной из наиболее существенных является разработка средств возвращения на Землю и благополучного приземления. Для этого контейнер с аппаратурой должен быть также снабжен двигателями, то есть он превратится в ракету. Кроме того, нужно обеспечить защиту его от аэродинамического нагрева при вхождении в плотные слои земной атмосферы. Решение этих вопросов позволит вплотную подойти к посылке в космос человека.

Одновременно с этим можно мыслить запуски новых искусственных спутников Земли с большим весом и людьми на борту. Такие летающие лаборатории будут новым, доселе невиданным средством активного изучения Вселенной.

В СОВЕТСКОЙ космической ракете, которая достигла поверхности Луны, были помещены три вымпела: два в контейнере с научной аппаратурой и один — в последней ступени ракеты. На снимках: 1. Пятиугольные элементы шарового вымпела. 2. Вымпел-лента.

АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ «ЛЕНИН» НА НЕВЕ.

Фото М. Трахмана.

В космической ракете имелась специальная аппаратура для создания натриевого облака — искусственной кометы. На снимке: начальная фаза развития искусственной натриевой кометы.

Снимок сделан работниками Астрофизического института Академии наук Казахской ССР.

Директор планетария В. В. Базыкин (слева) беседует с американскими гостями: Виктором Анфузо, председателем подкомитета Конгресса США по использованию космического пространства в мирных целях, Эндрю Хейли, бывшим президентом Международной федерации астронавтов, Генри Оуэном, вице-президентом радиотелевизионной компании.

В ЛУННЫХ УСЛОВИЯХ

Академик Академии наук УССР Н. БАРАБАШОВ, директор Астрономической обсерватории Харьковского государственного университета

Н. П. Барабашов и кандидат физико-математических наук И. К. Коваль рассматривают один из негативов, полученных во время съемок искусственной кометы.

Фото Е. Андреева.

14 сентября 1959 года в ноль часов две минуты двадцать четыре секунды московского времени вторая советская космическая ракета достигла поверхности Луны... Это не строки из научно-фантастического романа, а скупые сообщения ТАСС. Достижения советской науки позволили вплотную подойти к решению задачи исключительной важности — осуществлению космических перелетов. И, по всей вероятности, первым небесным телом, на которое ступит нога человека, будет Луна.

Что же встретит человека на Луне?

Уже сейчас астрономы достаточно изучили Луну и в основном могут рассказать об этом.

Масса Луны почти в 81 раз меньше массы Земли, и человек, высадившийся на Луне, сразу превратится в силача. Он сможет один поднять предмет, который на Земле с трудом поднимали шесть человек! Он сможет легко перепрыгивать через широкие трещины и даже значительные возвышенности, и легонько подброшенный им камень полетит чрезвычайно далеко. Происходит это потому, что сила тяжести на поверхности Луны в 6 раз меньше, чем на поверхности Земли.

Другая особенность Луны, с которой встретится высадившийся там человек,— почти полное отсутствие атмосферы. Рассматривая поверхность Луны в телескоп, мы замечаем, что все подробности видны всегда ясно и отчетливо: ни облачко, ни дымка никогда не скрывают их. Когда Луна, совершая свой путь вокруг Земли, проходит перед какой-нибудь звездой и покрывает ее, звезда сразу исчезает, а не гаснет за лунным краем постепенно, как это должно было бы быть, если бы свет ее ослаблялся, проходя через все более и более плотные слои лунной атмосферы. Почему же Луна почти полностью лишена атмосферы и водяного пара?

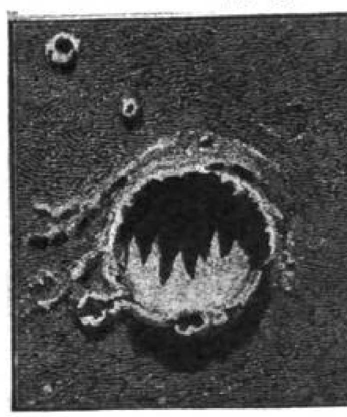
Кинетическая теория газов устанавливает, что частички, из которых состоит газ, его молекулы, находятся всегда в быстром и непрерывном движении, вследствие чего они разлетаются в разные стороны. Помешать этому разлетанию молекул можно сжатием газа, увеличением притяжения той поверхности, над которой он находится, или охлаждением.

Оказывается, что поверхности каждой планеты соответствует определенная, так называемая «критическая» скорость движения молекул расположенного над ней газа. Если молекула газа имеет скорость большую, чем эта «критическая» скорость, то она навсегда покинет планету и уйдет из ее атмосферы в межпланетное пространство.

Вычисления показывают, что Земля способна удержать в своей атмосфере все газы, в том числе и наиболее легкий из них — водород. Аналогичные условия имеются и на Венере. Меркурий не способен удерживать атмосферу и, по-видимому, почти полностью лишен газовой оболочки. Луна, так же как и Меркурий, не может удерживать газовую оболочку, а следовательно, и воду и водяной пар.

Поэтому человек, высадившийся на Луне, должен быть снабжен специальными приборами для дыхания и одет в скафандр с терморегулирующим устройством. Колебания температуры на Луне очень сильны, и человек, не предохраненный от них, несомненно, погибнет от жары или холода.

Из-за почти полного отсутствия атмосферы на Луне нет ни сумерек, ни рассвета. Вот после почти двухнедельной лунной ночи из-за горной цепи появился край Солнца, и мгновенно все осветилось — наступил день. Примерно через час Солнце полностью выходит из-за гор, и его ослепительные лучи, не смягченные атмосферной дымкой, заливают лунную поверхность. Если вы зайдете в тень, отбрасываемую лунной возвышенностью, то станете совершенно невидимыми для человека, стоящего рядом с вами, но на солнце. После долгого лунного дня, продолжающегося почти полмесяца, Солнце так же постепенно спрячется за горами, и наступит темная холодная лунная ночь.

Тени на Луне всегда резки и отчетливы.

Небо на Луне даже днем кажется совершенно черным; там нет голубого фона освещаемой солнечными лучами атмосферы. И на черном небе ослепительно ярко светит Солнце. Ни одно облако не уменьшает этого ослепительного блеска. Даже днем все небо на Луне усеяно яркими немерцающими звездами: ведь мерцание звезд вызывается различным преломлением света в воздушных волнах. Ярким голубоватым шаром, занимающим на небе площадь почти в 13,7 раза большую, чем для нас, жителей Земли, занимает Луна, покажется нам с Луны наша Земля.

Большие и малые метеоры свободно достигают поверхности Луны и со страшной силой ударяются в нее. Они не распыляются в атмосфере, как это бывает на Земле. Изо дня в день на протяжении миллионов лет метеоры и космическая пыль долбят и плавят лунную поверхность. Поэтому она, кроме пористых лавообразных образований, должна быть в значительной степени покрыта слоем шлаков, что делает ее еще более шероховатой, пятнистой и неровной.

Несмотря на то, что поверхность Луны мертва и безжизненна, несмотря на то, что вокруг Луны нет плотной атмосферы, на ней все же могут быть следы чрезвычайно разреженных туманоподобных образований и газов, стелющихся на дне некоторых кратеров и в глубоких впадинах. Эти газы могут вызывать на поверхности Луны некоторые изменения отдельных объектов.

Весьма интересен, например, район кратера Альхазен, лежащий к западу от «моря Кризисов» — огромной плоской равнины. На снимках Парижской обсерватории в этом районе отчетливо виден кратер с узким валом. Сейчас, по утверждению астрономов, этого кратера не видно. Ясно, что исчезновение кратера с поперечником в 30 километров не могло не сопровождаться переменами в его окрестностях.

Интереснейшие изменения замечены в кратере Линней, который лежит среди равнины — «моря Ясности». В 1837 году Юлиус Шмидт нашел в белом пятне, окружавшем Линней, маленький кратер, диаметром в полкилометра. В 1866 — 1900 годах диаметр этого кратера неоднократно измерялся различными астрономами при помощи микрометра.

4 апреля 1918 года А. В. Марков во время наблюдений нашел здесь только горку с поперечником в два километра, а в 1950 году А. В. Марков и А. В. Хабаков при заходе Солнца над этой местностью видели лишь западную половину низкого вала кратера (с тенью от него) диаметром около восьми километров.

В последнее время наблюдатель Захаров и автор этих строк видели здесь кратер с внутренним диаметром в один и внешним в два — три километра.

Здесь, несомненно, совершаются изменения. Возможно, что в этой местности из трещин в лунной поверхности поднимаются какие-то туманоподобные образования, скрывающие от глаза наблюдателя некоторые части кратера, а иногда и закрывающие его целиком. Возможно, что здесь проявляется действие остатков вулканизма на Луне.

А теперь напомним еще о темных пятнах дымчатого, а иногда и зеленоватого цвета на лунной поверхности. Они периодически появляются и затем исчезают.

Некоторые соображения наталкивают на мысль, что на дне кратера Альфонс возможно наличие небольшого количества каких-то газов. Если бы на лунной поверхности имелись радиоактивные элементы в достаточном количестве, то при радиоактивном распаде урана должны были бы выделяться газы криптон и ксенон, которые благодаря большому атомному весу даже в условиях Луны улетучиваются очень медленно. Однако поскольку эти газы на Луне не обнаруживаются, то можно считать, что в лунных горных породах должно содержаться не более одного процента того количества урана, которое содержится в земной коре. Некоторыми исследователями Луны, в том числе и автором, было замечено, что во время лунных затмений отдельные кратеры и области поверхности продолжают там светиться ярче, чем это должно было бы быть после погружения Луны в земную тень. Кроме того, возрастание яркости этих областей идет быстрее, чем этого следовало бы ожидать на основании закона отражения света от лунной поверхности. Эти наблюдения дают основание предполагать, что в некоторых местах лунной поверхности существует люминесценция, вызванная интенсивной ультрафиолетовой радиацией, особенно сильной на Луне вследствие того, что на ней нет плотной атмосферы, которая могла бы в значительной степени поглощать эту радиацию, как это имеет место на Земле.

А какая бы замечательная астрономическая станция для изучения космоса могла быть устроена на Луне! Ведь с помощью сравнительно скромных приборов можно будет наблюдать такие явления, которые вовсе невозможно изучать с Земли или для изучения которых требуются исключительно мощные инструменты.

Для того, чтобы отправиться в космический рейс с Луны, достаточно развить скорость, почти равную скорости снаряда, выходящего из дула современного орудия. Поэтому для старта огромных космических кораблей с людьми, направляющихся на планеты, Луна была бы и весьма удобной станцией отправления.

Вид Земли с поверхности Луны.

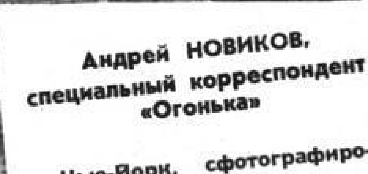

ЭТО УВИДЕЛ ФОТО-ОБЪЕКТИВ

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Нью-Йорк, сфотографированный с воздуха...

Его не сравнить, конечно, с тем «Новым Амстердамом», который в 1626 году заложили голландцы на острове Манхеттен, купленном за бесценок у индейского племени.

Теперь в огромном городе занят каждый клочок земли. Под Гудзоном тянется длинный тоннель, по которому мчатся автомобили, по воде плывут товарные вагоны, а в воздухе парят полицейские вертолеты.

Вашингтон. За оградой Белый дом — резиденция президента США.

Сан-Франциско. Оклендский мост. Вдали город, его достопримечательности: рыболовная набережная, башня Конт, русская гора.

Фото А. НОВИКОВА.

В летний день на одной из улиц города.

Можно оступиться и оказаться в подземелье чикагского метро.

«Огонек».

Воскресный день. Народные танцы на лужайке.

Нью-Йорк. Бродвей ночью.

На международной торговой выставке под стеклянным колпаком экспонируется один миллион долларов. Гиды объясняют: «Это сделано для того, чтобы американец мог помечтать».

Бастуют докеры Сан-Франциско. Безжизненно застыли стрелы кранов на стоящем у причала корабле.

У человека, посетившего США, надолго останется в памяти приветливость американцев, их теплое отношение к русским. Быть может, эти две нации, как никто в мире, имеют много общих черт.

«Мы не хотим, и вы не хотите войны,— частенько говорят простые американцы.— В чем же дело? Надо договориться».

«Мы давно это предлагаем. Пора наконец договориться», — с готовностью отвечаем мы.

ОДНИМ РЕЙСОМ

Рассказ

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

На палубе небольшого пароходика, идущего из Гагры в Сочи, полно всякого курортного и другого люда: дремлют в лоснящихся деревянных креслах, жуют яблоки и виноград, прислонившись к поручням, смотрят на воду, курят, переговариваются, смеются. Солнце перевалило на последнюю четверть дня; море гонит небольшие гладкие, словно отполированные волны, колет глаза белыми бликами. Свет, горячий ветер, косо скользящие чайки, ровный шум винта, взбивающего зеленую пену, создают ощущение предпраздничного покоя. Но где покой при человеке?

— Столпотворение было,— бубнит пожилой, лет за шестьдесят, пассажир с удлиненным, дынеобразным лицом в тени соломенной шляпы.— Когда башню вавилонскую строили... Теперь же толповерчение. Не то что чемодан, а самого на посадке чуть в море не вбухали — несутся, давят... Чего ради?

Высказавшись, он отирает уже мокрым платком морщинистые, в порезах от бритья щеки, настороженно ощупывает выцветшими глазками соседей. И непонятно, осуждает ли их за какие вины, ищет ли сочувствия.

— Истинно! — соглашается его сосед, щупленький дедок с удочками в чехле.— На земле ли, на море ли,— едино...

— А для чего? — допытывается пассажир в шляпе.

И, не дождавшись ответа, определяет сам:

— Вкручивает.

— Сиди на печи, не вкрутит,— ехидно улыбается не старая, с красивым еще лицом, но непомерно растолстевшая женщина.— А соскочил — не скрипи.

— Не соскочил, а вкручивает,— стоит на своем пассажир в соломенной шляпе.— Я в молодости погулял сабелькой по белякам, покопытил разные края, так-то к поре и силе. Комиссар же и внушал: «Сыпь, Алексей Коробков, разворачивайся, пока порох не выгорел. Потом заживешь на покое, как у того Христа за пазухой!..» Пазуха, да? Что на станции, что на пристани — бегут, чемоданами ноги себе и другим обивают, оглянуться некогда, повернуться негде. Дома к вечеру, под прохладу, отдохнуть в саду сядешь, а над головой: трр! грр! — реактивные и всякие прочие. Носятся по всей необъятности...

— В малолетстве дети глину едят,— раздумчиво вступает в разговор бухгалтер, ездивший на ревизию.— Значит, для роста надо, организм требует. А человек себе по росту места ищет.

— Да где ему, черту, место! — белозубо смеется бригадир с Кубани, могучий мужчина в белой рубашке, сквозь которую просвечивает тугое, загорелое тело.— Ну, мне, например?

— Там и место, где платят побольше! — решительно утверждает расползшаяся женщина.

Сквозь ситцевое платье ее обозначаются бугры жира на бедрах, складки на боках, а обвисшие плечи подрагивают при каждом крене пароходика. Бухгалтер почти с отвращением косится на ее потные оголенные руки, поросшие редкими волосками, но возражает уважительно:

— Деньги — это фактор, конечно... Соблазн! Но и при наличии их иные в петлю лезут...

— Петля — это уж дело особое, а соображение правильное,— подтверждает бригадир с Кубани.— У меня денег куры не клюют потому, что я им не даю, но десятка за десятку заходит. При таком положении ехал я в санаторий, как в рай, даже крылышки за спиной вроде отрастать стали. Теперь же домой тянет. И море, вода эта немереная, только в тоску вгоняет, у нас там дождей нету, подсолнух чахнет... Это как согласуется?

— Всякому свое,— примирительно кивает дедок с удочками на парочку у борта. (Она, милая, застенчивая, в белом, чуть еще не подростковом платьице, по-мальчишески худощавая и коротко, по-мальчишески остриженная, вспыхивает краской, шепчет: «Да люди же!»,— но, тем не менее, не имеет сил отвернуться, когда, тоже смущаясь и воровато оглядываясь, паренек в ковбойке наклоняется к ней и неловко целует где-то около уха.) — Им вот тут сейчас лучше. А на берег выйдут или, скажем, в космос тот занесет — и тоже слава тебе, господи!

При воспоминании о всевышнем подключается к разговору и едущий из Нового Афона дьякон с неправдоподобно белым для юга лицом, словно ходил он в парандже:

— И сотворил бог радость всякую...

— Ну-ну, сотворил! — обрывает излияния дьякона инженер из Якутии, курортник, до того относившийся к разговору безучастно.— В тайге от гнуса не продохнуть — это чья же работа, в таком случае?

Дьякон, которому подобными вопросами досаждали не единожды, бормочет заученно:

— Он же человеку разум вложил для преодоления... Антикомарина побольше делать надо!

— Все ж таки лишних хлопот можно было и не прибавлять,— насмешливо щурится дедок с удочками.— Если всемогущий всевидящий — для чего дряни напускать? Прибавил бы рыб или птицы какой... А то вроде в магазине обвесил!..

Дьякон пожимает плечами и, отвернувшись, смотрит на вершины гор, где в благостной синеве курятся белые облака. А против него, засунув за щеку виноградину, останавливается мальчик лет шести в одних трусах и соломенной кепчонке с красным козырьком. Дивясь непривычному одеянию, он внимательно изучает странного пассажира и, когда приходит мать, молодая женщина с раскрасневшимся лицом, спрашивает:

— Мама, это черкес?

— Кто?

— Этот черный дядя...

Мать, смущенная, объясняет извиняюще:

— Вот так ходит и спрашивает о чем попало, замучилась с ним в дорогах... Муж из Ленинграда приехал сюда телевизионный узел отлаживать, а квартиры нету, у родственников в Адлере живем... Как цыгане!

— Я и говорю: едут и едут,— возвращается к изначальной теме Коробков.— До пределов...

— Да тебе-то что? — не понимает расползшаяся женщина.— Они едут, ты посиди.

— А я где живу? — изумляется Коробков.— По ту сторону луны? Едут-то вокруг меня... И чемоданами пихаются — это что! Хуже — с панталыку сбивают. Сплошная неуютная история...

— Ты и расскажи,— советует дедок с удочками.— Чего загадки людям загадывать?

— Ничего тут особого и нет,— оживляется Коробков.— Работал я прежде на станции, в багажном отделении, а года три тому на пенсию откололся. Думал: в точку ты глядел, товарищ комиссар, опокоюсь, поживу, головы и рук не утруждая! Домик у меня свой, море под самой стенкой. Другие к нему из какой дали пробираются, деньги переводят, а у меня свое, даровое... Ну, поначалу катался в удовольствии: хочу — встаю, хочу — полежу, могу и поохать для вида, чтобы бабу на сто граммов разжалобить. Водка у нее, правда, ягодой да травкой припорчена, но ничего, на войне сырец пил за святую водичку... Месяц так живу, пять, а потом мысль разная пошла. Поезда шумят мимо, камешки по откосу ветром метут — устремляются люди; самолет этот новый просвиристит, белую нитку в небе скрутит — поспешают. А я что такое при жизни обозначаю? Пустое место? Или в погост носом уперся, и дальше пути нет?.. До того дозрел в размышлениях, что ночью, как чума какая, на пороге сижу, сна жду, а он от меня в тартарары и далее. Море шумит... Вот, думаю, и оно какую-нибудь свою работу исполняет, ночная птица в ветках ширкнет — и у нее, поди, своя забота. Разве не так? Я же, что пень, только и осталось по бокам грибом обрасти...

— Внуков бы растил,— перебивает расползшаяся женщина.— Или по чужим гнездам раскидал?

— По гнездам нет, по землям... Дочка замужем, в Ростове живет — и небольшая, а дорога. Сын, уже немолодой, снялся со всем гнездом, в Киргизию откочевал, плотину какую-то строить. Чего не хватало? Денег? Ему деньги что тут, что там — по инженерской должности. Природа там какая особая? Ее и у нас хватает... А уехал. «Надоело,— говорит,— оползни по пляжам чинить, пусть на этом молодые силы пробуют, а мне дело по плечу иметь хочется». Невестка поперек становилась, я же ее и настраивал, да кто его уломает с таким характером? Улетел... Топчут мои внуки ростовскую да киргизскую землю, а я сам по себе, торчу чучелом на пороге, прикидываю...

— Рыбу бы половил,— советует дедок.— Отвлекает.

— Пробовал!.. Говорят, страсть это великая, но не понял. Втравил меня знакомый один, болтаемся весь день на волне, как, извиняюсь, дерьмо какое, смурыгаем самодурами.. Ну и что? Рыба, если ее каждый день есть, поперек горла становится, вроде не ты ее поджабрил, а она тебя. Продавать же не умею: я человек трудовой, по базарам штанами трясти не привык. И опять-таки куда мне шальной рубль с интересом пристроить? Отчаянной дороговизны костюм купить людям на смех? Пристройку еще к дому сделать да с бабкой физкультурные бега устраивать? И еще костюм и еще пристройку? Глупость и несуразица получается...

— И видно, что слаб по финансам,— не соглашается женщина.— Деньги сами себе дорогу находят!

За Коробкова вступается дедок:

— Помолчала бы ты, Терентьевна, твою-то я жизнь знаю. Что в рыбе он не понимает,— это верно, это уж таланта нет. Но размышления насчет рубля у него, это самое... Вот ты умеешь деньгу выколачивать, а куда вколотила? В жир да в мясо... Баба ты еще, сказать, в соку, а живешь в томлении, и никакой мужик тебя не обоймет: рук не хватит...

Контратака дедка вызывает взрыв добродушного смеха. Хохочет кубанец, запрокинув голову, прыскает в кулак инженер из Якутии, деликатно отворачивается, смотрит на море дьякон. Привлеченные весельем, подходят другие пассажиры.

— Тьфу! — кипит женщина.— Тебе, сухарю, воробья за хвост не удержать, а туда же...

— Этого не пробовал,— хихикает дедок.— До перепелок был охотник, верно, только я отстрелялся вчистую. Меня не томит.

Облокотившись о поручни, курят, вслушиваясь в перебранку, корреспондент курортной газеты и местный врач. С последними репли-

ками разговор, словно огонек по шнуру, перебрасывается и к ним.

— В самом деле,— говорит корреспондент,— едят у нас многие без разбору, как медведи перед спячкой. Человек и здоров, пока в форме, а зарабатывать деньги, чтобы жиреть и пухнуть,— варварство.

— Конечно,— соглашается врач.— Тут медицина наша еще недорабатывает. Я вот иногда смотрю на пляже и... ну, безобразно, неэстетично получается: молодые женщины, здоровые, красивые, а текут, как тесто. В ее бы возрасте походку иметь этакую... э... легкую, бодрую, чтобы нам, грешным, вслед оглядываться, а она отдувается, переваливается... Бывает, правда, что болезни виноваты, возраст, но в целом...

— А в санаториях у вас кормят как на убой! — смеется корреспондент.— Получается дорого и вредно...

— При чем мы? — защищается врач.— Министерство определяет.

— Напишите нам об этом, а?

— Э, нет! — отмахивается врач.— Вы журналисты, вам и карты в руки. Проблемка-то эта, между прочим, не столько медицинская, сколько общественная. Обжорство у нас исторически от купцов шло, ныне же должно общественному порицанию подвергаться: дел по горло, народ нужен бодрый, подвижный! А Терентьевна эта,— понижает голос врач,— она, в сущности своей, купчиха и есть, приторговывает на рынке. И философствует соответственно... Кто как живет, тот так и философствует!

Приняв пассажиров в Хосте, отчего на палубе становится еще теснее и оживленнее, пароходик снова шумит маломощным винтом, отбрасывая бело-зеленоватую, в пузырях и желтых искрах струю. Поворачиваются, немного отступают горы — титанические изваяния, как бы еще не законченные и потому прикрытые зеленым. У подножия их, вдоль моря, белым ожерельем лежат дома и санатории. Почти возле самого борта, осклабясь в улыбках и приветственно махая руками, проплывают двое парней на морском велосипеде, мелькают разноцветные спицы, сеются капли. И опять Коробков, похвалив погоду и пожаловавшись, что в этом году плохо завозят картошку, овладевает разговором:

— Я и говорю: переболтало нас, как в свежак на море. Прежде всякая фамилия свое место на земле держала, теперь же нечистый и разберет. Сидят батька с маткой дома, а детей разбрызгало — кто на целине, кто на новине, в десять лет под одну крышу не собрать. И ничего против не выставить. Недавно вот у нас тут один тоже дикий курортник жил, в Сибири работает. Рябоватый такой, обыкновенный. А дочку хозяина, у которого квартировал, увез в те края. Внизу там мерзлота, поверху чего и не наворочено: камень, тайга, реки холодные, которым и названия нет, а увез! И, главное, девка красивая, фигуристая, чертежницей работала. Чем взял? Дьявол их поймет... А наши индюки местные и в футбол гоняют и в теннис, а тут только — бу-бу-бу вслед. Ходили вокруг нее соколами, а проворонили.

— А батька что? — интересуется кубанец.

— Что батька? Пошипел, как сало на сковородке... Осталось батьке тому, как мне, сна на пороге шукать. Книжку я давненько читал, там один все дерево свое родословное вырисовывал. А тут разве дерево получается? Сыр-бор!

Помолчав, подвигав для чего-то ногами потертый чемодан свой, Коробков заключает со вздохом:

— И ни сна, ни отдыха...

— А едете куда? — спрашивает корреспондент.

— Я-то?

— Да.

— Так, по своим делам...

— Секрет?

— Секреты у девушек да у военных, а я дед.

— Ну все же?

Опустив глаза, Коробков устало снимает свою соломенную шляпу, вытирает ее изнутри рукавом и, снова напялив на коротко стриженный седой ежик, вздыхает:

— Не секрет, а смехота... Не сбылись комиссаровы слова, вкрутило вот и несет. На горных речках не бывали? Там, когда летом солнце по вершинам ударит, такая вода гудит, что бревна, как щепки, швыряет, камни двигает... А-а, что уж там! Бросил я на бабку персональное имение свое и подаюсь в санаторий; сказали, работенка найдется. Пенсию, как думаете, не снимут?

— Не знаю.

— Не снимут, я на сезон только... А снимут — что ж? Я за нее от скуки в могильные жители не записывался....

Подумав, решает:

— Не снимут!

Затем, махнув огорченно рукой, словно досадуя, что так и не может высказать всего, что передумал, что накипело, берет свой потертый чемодан и направляется к проходу, где уже толпятся наиболее нетерпеливые.

По пенным усам от прогулочных катеров, со свистом и рокотом снующих у побережья, мимо рыбацких лодок, покачивающихся на волнах, как стайки гагар, пароход входит в порт. Солнце, сильно набухшее и покрасневшее, словно провело день на обильной кормежке санатория, медленно и все-таки заметно протискивается сквозь решетку башенного крана все ближе к молу и наконец просачивается вниз сквозь огромную пирамиду песка, выгруженного для какой-то стройки. Теперь на небе остается только длинное пылающее облако, а вода на море становится фиолетовой, словно в нее подбавили ученических чернил. Пароход причаливает к дощатому настилу пристани, и пассажиры устремляются на берег. Суетится среди них и Алексей Коробков, задевает кого-то по ногам своим ободранным чемоданом, кого-то плечом и, не успев оглянуться, не подумав извиниться, поспешает к автобусу...

В БОИО ПРИШЕЛ СВЕТ

В. ЛИСТОВ

Фото автора.

Гавана — город своеобразный и многоликий. Это город портовых рабочих, табачников и чистильщиков обуви, город тропических фруктов и баров, где можно получить кока-колу, купить шариковый карандаш или позвонить по телефону, город роскошных особняков и кварталов бедноты. Неповторимый отпечаток накладывают на Гавану старинные форты и остатки крепостных стен, символ былого господства испанских колонизаторов.

После восьми часов утра улицы Гаваны пустеют. Липкая, удушающая жара, солнце загоняют людей в тень. Столица оживает лишь в полдень, когда рабочие и служащие, чиновники всевозможных контор и «офисов» заполняют кафе и бары, чтобы наскоро перекусить и опять вернуться к своим занятиям. И снова жизнь замирает до вечера.

Кубинцы довольны, когда говоришь с ними о красочности ночного освещения Гаваны, о беломраморном Капитолии или о колоритных бородачах-повстанцах, несущих караул у президентского дворца. Им нравится, когда вы хвалите плоды манго, ром или пляжи в окрестностях столицы. Но еще больше они оживляются, когда разговор касается судеб кубинской революции и проводимых ныне реформ.

— Жаль, очень жаль, что вам не удалось увидеть празднование 1 Мая,— говорил на следующее утро после приезда нашей профсоюзной делегации секретарь Конфедерации трудящихся Кубы Хесус Сото.— Впервые после семи лет кровавой тирании наш народ смог свободно отметить эту знаменательную для всех трудящихся дату. Если бы вы видели демонстрацию! Больше миллиона человек! А какой энтузиазм! Впрочем,— добавил он,— вы сами все увидите и почувствуете, когда побываете на фабриках и плантациях, побеседуете с народом.

Это оружие было захвачено у солдат диктатора. По сей день крестьяне и рабочие не расстаются с ним, всегда готовые встать на защиту независимости страны.

...Вырвавшись из тесноты городских улиц, машина покатила по широкому бетонированному шоссе. Мимо проплывали пейзажи, типичные для центральной части острова: невысокие холмы с разбросанными по ним стройными королевскими пальмами, стволы которых слегка вздуты посередине, нескончаемые плантации сахарного тростника. Потом вдали появилась одиноко торчащая труба сахарного завода.

«Херсей» — пример типичного для Кубы сахарного «инхенио» — сочетания плантаций с переработкой тростника. Это один из крупнейших сахарных заводов Кубы. Принадлежит он американцам. На нем занято 1 200 человек, а всего, вместе с сельскохозяйственными рабочими и железнодорожниками, число работающих в «инхенио» достигает четырех тысяч. Ежедневная продукция — около 850 тонн сахара.

В цехе автоклавов мы разговорились с Карлосом Саэнсом, широкоплечим, коренастым рабочим с энергичным лицом и глубоко посаженными глазами. Ему сорок два года, из них больше половины он проработал на этом заводе. Правда, последние несколько лет он был безработным.

— В один прекрасный день управляющий обнаружил, что у меня не те взгляды и не тот цвет кожи, и меня выбросили за ворота,— рассказывает он.

Только теперь мы замечаем, что Саэнс — мулат.

— Как же вы жили эти годы?

— Перебивался случайными приработками. Но нам не привыкать к безработице,— усмехается он.— Завод работает только в период уборки урожая тростника —

Хижина, по-местному боио, Мигеля Кардоны.

четыре, максимум пять месяцев, а остальное время всем приходится искать какую-нибудь работу...

— А теперь вас не могут уволить за политические взгляды?

Саэнс с минуту размышляет, а потом говорит:

— Могут, конечно. Завод-то все еще американский. Назовут смутьяном и выгонят. Но теперь у нас есть профсоюз, сделать это не так-то легко.

— Но профсоюз был и раньше...

— Профсоюз-то был, только у него никто не искал помощи. Это было все равно, что обратиться к хозяевам. Бывшие профсоюзные лидеры защищали их, а не нас.

Автоклавы пышут нестерпимым жаром, и, несмотря на распахнутые окна и легкий сквозняк, дышать трудно.

— Скажите, сеньор Саэнс, что дала революция вам и вашей семье?

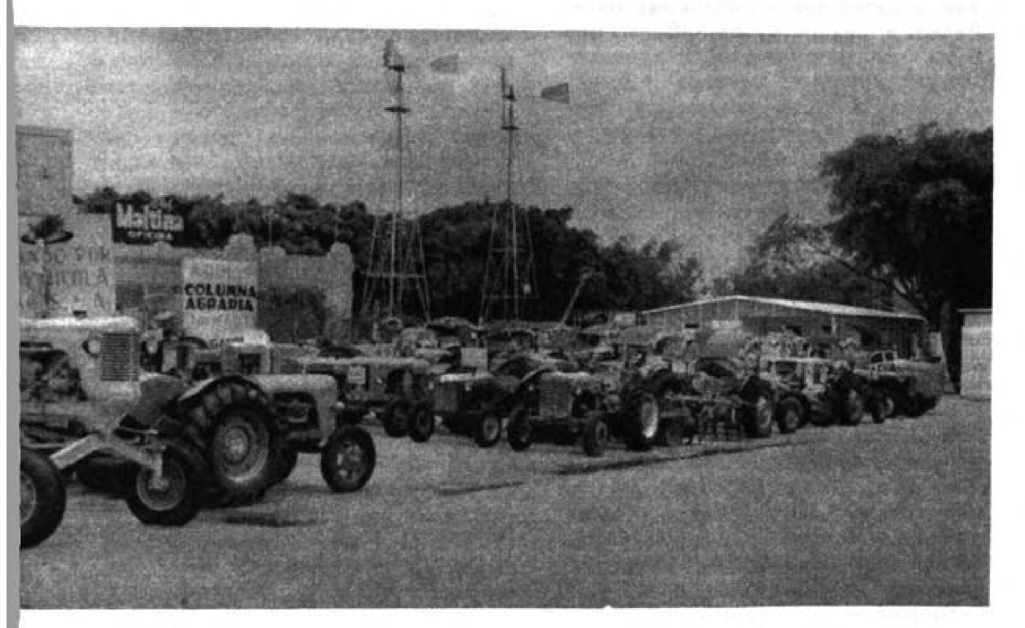
— О!.. Прежде всего я восстановлен на работе. Теперь хотя бы в течение пяти месяцев семья имеет кусок хлеба. За квартиру я плачу почти в два раза меньше, меньше стала плата за электроэнергию. Для начала не так уж плохо.— Он утирает струящийся со лба пот и продолжает: — Только вот с зарплатой у нас пока еще не движется. Получаем мы мало — 5—6 песо в день, а на повышение зарплаты хозяева не соглашаются...

— А что еще ждете вы от революции, кроме повышения зарплаты?

— Как что?! Очень много. Нужно провести аграрную реформу, ликвидировать безработицу, покончить с нищетой... Вы видели, сколько в Гаване нищих? Ну, ничего, мы добьемся всего этого. Уж если такого тирана, как Батисту, свергли...— Он встряхивает головой, пожимает нам руки и отходит к глазку автоклава.

С большой страстью говорил о

У здания революционного трибунала в Гаване. Люди требуют осуждения лиц, сотрудничавших с диктатурой Батисты.

Гавана. На Парка-Сентраль стоят сельскохозяйственные машины. Рабочие водопроводной компании Гаваны приобрели их на свои средства и передали машины в фонд аграрной реформы.

будущем Кубы руководитель профсоюзной организации кирпичного завода «Толедо» Рауль Перес. Владелец этого завода бежал за границу, и рабочие установили здесь свой контроль, создав нечто вроде производственного кооператива.

— Мы понимаем,— говорил Р. Перес,— что наш завтрашний день зависит от нас самих, от нашего единства, от того, насколько последовательно мы будем бороться. А мы будем бороться за то, чтобы революция не остановилась на полпути...

Патриотический подъем, переживаемый страной, проявляется во всем: кубинцы собирают одежду, медикаменты, школьные принадлежности для бедствующего крестьянства; в стране большой популярностью пользуется призыв потреблять кубинские, а не импортные продукты и особенно сильно движение солидарности с аграрной реформой.

Проходя однажды по площади Парка-Сентраль в Гаване, мы натолкнулись на сельскохозяйственные машины, выставленные прямо в центре площади. «Вторая аграрная колонна: зеленые индейцы» — прочли мы на ярком плакате. Заметив наше недоумение, сопровождавшие нас кубинцы пояснили:

— Эти машины приобретены рабочими и служащими водопроводной компании на собранные ими средства и переданы в фонд аграрной реформы.

«Аграрные колонны» из тракторов, плугов, арб для перевозки сахарного тростника, сельскохозяйственного инвентаря часто попадались нам на улицах кубинских городов. Они не всегда носят такие экзотические названия, как «зеленые индейцы»; чаще в них звучит дух сегодняшнего дня Кубы. «Хосе Марти», «Родина» — читали мы на плакатах, сопровождающих «аграрные колонны».

Об аграрной реформе говорят все: рабочие, заполняющие после работы помещение своего профсоюза, студенты, шумными толпами покидающие после лекций стены университета, безработные, сбившиеся в кучки возле центрального рынка в надежде подработать несколько песо на ночной разгрузке автомашин с продуктами.

За несколько дней до опубликования закона об аграрной реформе нас пригласили совершить поездку в провинцию Пинар-дель-Рио и осмотреть плантации табака и сахарного тростника. В местечке Виньялес, где мы сделали остановку, нас познакомили с координатором Питуте Артеага (координатор — высшее должностное лицо в провинции, временно, до выборов, осуществляющее функции органов гражданской власти).

Сеньор Артеага рассказал нам об аграрной реформе.

— Разделу подлежат в первую очередь государственные земли и земли, конфискованные у лиц, сотрудничавших с диктатурой Батисты,— сказал он.— Размер надела составит около двадцати семи гектаров. Предполагается, что землю получат в общей сложности около двухсот двадцати тысяч безземельных крестьянских семей. В нашей провинции, например, довольно развито животноводство, и мы думаем создать несколько животноводческих кооперативов.

— Чтобы лучше понять, почему все мы живем думами об аграрной реформе,— говорили нам гостеприимные хозяева,— вам нужно съездить в провинцию Орьенте, побывать в местах недавних боев, посмотреть, как живет кубинский крестьянин.

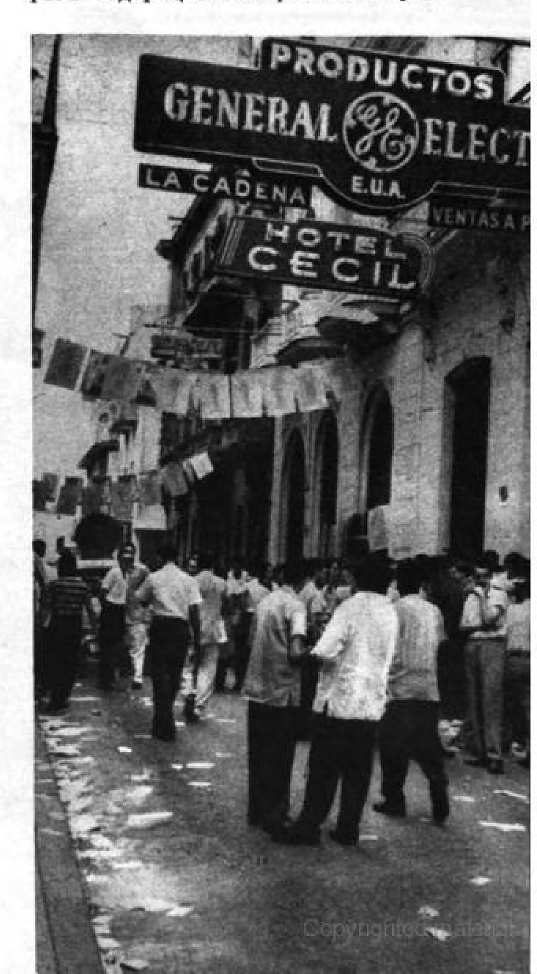
Мы с радостью приняли предложение, и на следующее утро автобус уже мчал нас на восток, туда, где около трех лет назад началась вооруженная борьба против диктатуры.

...Гильермо Эрнандес, рослый, широкоплечий кубинец с густой черной бородой и смеющимися глазами, появился в гостинице не один: с ним пришли его друзья, профсоюзные активисты пивоваренного завода «Атуэй». И сразу в гостиницу «Венера» ворвались громкие восклицания, шутки. Здесь возникла атмосфера жизнерадостности.

Вместе с дружескими объятиями и похлопыванием по спине на нас обрушилось такое количество вопросов о Советском Союзе, что мы поначалу даже несколько растерялись.

— Не смущайтесь,— с ободряющей улыбкой говорил Иполито Гомес, пожилой рабочий с убеленной сединами головой.— Такой уж у нас, кубинцев, темперамент... Да и случай-то какой! Советская профсоюзная делегация! Семь лет у нас в стране запрещалось не

Теперь трудящиеся свободно выбирают руководителей профсоюзных организаций. Так проходили выборы в Федерации телефонистов Кубы.

только говорить, но и думать о Советском Союзе. Вот у нас и накопилась куча вопросов за все семь лет! — шутливо добавляет он.

Дружеская беседа затянулась далеко за полночь. Подавая нам на прощание широкую, мозолистую руку, Гильермо сказал:

— Завтра я заеду за вами пораньше, поедем по провинции.

Наутро к гостинице подкатил новенький «джип», выкрашенный в ослепительно желтый цвет. Зная, что на Кубе нет автомобильной промышленности, мы удивились и спросили вылезшего из «джипа» Гильермо, откуда у него такая машина. Он рассмеялся:

— Наша революционная армия сейчас вооружена лучше, чем когда-либо. Все вооружение мы захватили у армии Батисты, которую американцы снабжали современным оружием. А эту,— кивнул на машину,— предоставил для нашей поездки майор Пинеро, с ним мы вместе воевали. Дороги в провинции неважные, да и дожди прошли...

Через полчаса езды впереди показалось небольшое селение. Завидев еле заметные остатки какого-то строения, Гильермо оживился.

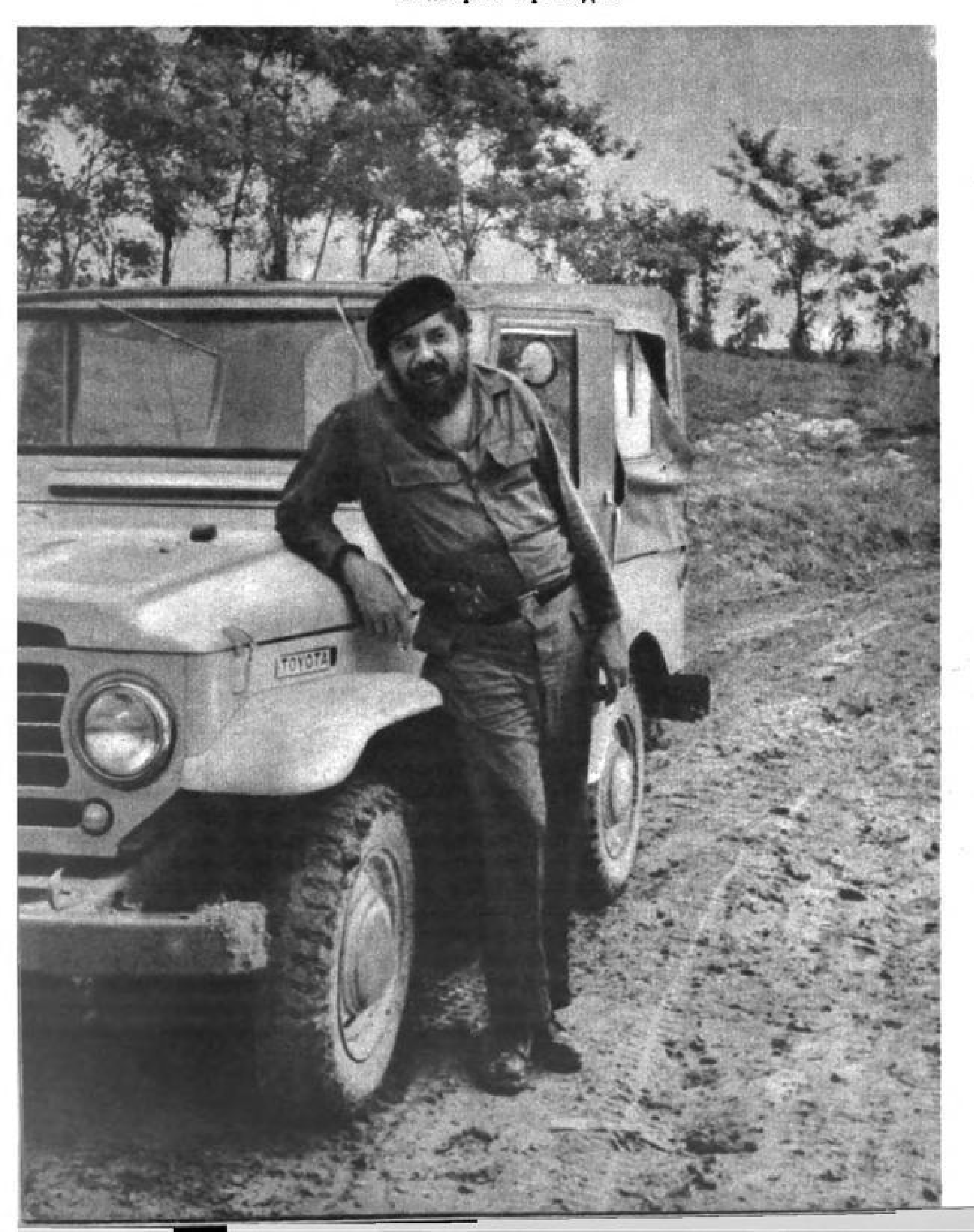
— Это Эль-Кристо, а развалины — все, что осталось от казармы местного гарнизона. Горячо здесь было!.. Из двухсот семидесяти пяти солдат гарнизона, помнится, тридцать пять было убито, восемьдесят два мы взяли в плен, остальные удрали. Диктатура настолько была всем ненавистна, что казарму разрушили до основания. Потом крестьяне пригнали сюда трактор, и он прошелся по этому месту еще несколько раз.

Гильермо — участник боев на фронте, которым командовал брат Фиделя Кастро — Рауль. В прошлом рабочий пивоваренного завода «Атуэй», а потом лейтенант повстанческой армии, Гильермо состоит теперь секретарем профсоюза этого завода.

— По пути из Гаваны в Сант-Яго-де-Куба вы, наверное, видели разрушенные мосты и попорченные минами участки шоссе, — оборачивается к нам Гильермо.— Но мы не только взрывали мосты и казармы, разрушали коммуникации. Мы одновременно и строили дороги, школы. Вот это самое шоссе, по которому мы сейчас едем, было построено повстанцами в самый разгар боев. Дорога не блестящая, зато теперь есть доступ к отдаленным уголкам провинции, где население было совершенно отрезано от внешнего мира. Народ окрестил эти дороги и школы «повстанческими»; так они по сей день и зовутся — «повстанческое шоссе», «повстанческая школа»...

Вечереет. Мы останавливаемся около невзрачной хижины, крытой пальмовыми ветками. На пороге стоит хозяин, пожилой крестьянин с бронзовым от загара морщинистым лицом. Гильермо объясняет, кто мы, знакомимся, и Мигель Кардона приглашает нас войти. В хижине, или, как ее называют кубинцы, боио, убранство небогатое: стол, несколько лавок, грубо сколоченная деревянная кровать. По земляному полу ползают голые дети, дразня тощего котенка кокосовым орехом. В боио царит полумрак: небольшой незастекленный (стекло здесь считается роскошью) проем в стене, призванный выполнять назначение окна, закрыт ставней: из-за частых дождей бывает, что ставни не открывают по целым неделям. Свет падает в жилище через распахнутую настежь дверь.

Разговор с хозяином незаметно переходит на аграрную реформу.

Гильермо Эрнандес.

— У нас прошел слух, что вышел закон об аграрной реформе. Верно это? — спрашивает Мигель Кардона.

— Верно,— отвечают наши друзья,— но некоторые газеты пишут, что помещики не намерены отдавать свою землю добром...

Кардона испытующе смотрит на нас, а потом, взвешивая каждое слово, произносит:

— Читать я не умею, да и газеты сюда доходят редко. Но в реформу я верю. Как это не отдадут?! Зря, что ли, наши сыновья заплатили жизнью за победу?..

— А есть и такие, кто говорит, что потом все равно отберут землю обратно и старые порядки восстановят,— вступает в разговор Гильермо.

— А это-то зачем? — И Кардона показывает на висящий над кроватью автомат.— Теперь не только справедливость на нашей стороне, но и сила. Оружие погибшего сына не посрамлю...— И, заметив наши взгляды, он с горячностью добавляет: — Не смотрите, что я старый! О старости нужно судить не по годам, а по делам... Я и стрелять уже научился и в местной милиции состою. А теперь даже в «повстанческую школу» стал ходить: хочу на старости лет собственное имя научиться писать.

Мы делаем пометки в своих записных книжках. Кардона говорит:

— Вы вот что запишите. Революция принесла свет в мое боио. Так и запишите,— повторяет он.— Разве я думал когда-нибудь, что буду ходить в школу? В здешних местах и школ-то никогда не было. Да что я! Мой племянник Мигель... Эй, Мигель, поди-ка сюда! Да захвати с собой несколько гуанабана, сеньоры еще не пробовали...

К нам подходит крепко сложенный, среднего роста парень, застенчиво здоровается и протягивает несколько зеленых, только что снятых с дерева плодов. Они похожи на небольшие баклажаны, но сплошь усеяны маленькими бугорками. Мы пробуем кисло-сладкий экзотический плод, а Мигель-старший между тем продолжает:

— Вот ему скоро семнадцать. Он раньше не то что в школу, а дальше вон той горки не ходил. Теперь и он в школе учится. А ты говоришь,— он поворачивается к Гильермо,— не отдадут!..

В провинции Орьенте мы заходили в жилища крестьян, в «повстанческие школы», побывали на плантациях и промышленных предприятиях, беседовали с рабочими, профсоюзными руководителями и активистами, с солдатами революционной армии. Друзья были правы. Не заглянув в крестьянское боио и не увидев тяжелого положения кубинского крестьянина, трудно понять ту новую волну патриотического подъема, которую вызвал закон об аграрной реформе, энтузиазм, с которым крестьянская молодежь вступает в революционную армию, а старики одновременно учатся и грамоте и владению оружием, создают отряды крестьянской милиции.

Аграрная реформа призвана покончить с латифундиями. Она серьезно подрывает экономические основы господства американских монополий, которым принадлежит значительная часть пригодной для обработки земли.

Почувствовав, что их хозяйничанью на Кубе приходит конец, американские империалисты поднимают сейчас крик о мнимой «коммунистической опасности», плетут вокруг Кубы сеть заговоров, поощряют создание за рубежами Кубы различных организаций, открыто провозглашающих своей целью «восстановление на Кубе демократии и попранных свобод»...

Последние события на Кубе объяснили нам, почему до сих пор многие кубинцы не расстаются с оружием.

Совсем недавно судьба снова свела меня с одним кубинцем — журналистом и общественным деятелем, с которым я познакомился накануне отъезда из Гаваны.

Луис Мас Мартин, высокий, широкоплечий, с клинообразной бородой, отпущенной еще в горах Сьерра-Маэстра, шел мне навстречу по вестибюлю одной из московских гостиниц, где он оказался проездом на пути в Китай. Мы обнялись и сразу же заговорили о Кубе.

— Что произошло на Кубе за последнее время?.. Пожалуй, основным событием была измена бывшего временного президента Уррутиа. Все остальное было логическим продолжением...

Он подергал кончик бороды, помолчал, а затем продолжал:

— Уррутиа намеревался выступить по телевидению и «разоблачить» так называемое «коммунистическое проникновение» на Кубу. Это должно было послужить сигналом для антипатриотической кампании, мобилизации всех реакционных сил, недовольных решительными мерами правительства по проведению аграрной реформы. В конечном счете все это было направлено на раскол сил революции. Это стало известно Фиделю Кастро. В назначенный час Уррутиа в телестудии не появился. Вместо него народ увидел на экранах телевизоров Фиделя. Он разоблачил империалистический заговор и заявил, что подает в отставку. Если бы ты видел, что было потом!

Тысячи людей собрались к президентскому дворцу, требуя покарать предателя,— продолжал Луис.— На имя Фиделя Кастро потекли тысячи телеграмм от рабочих с просьбой взять обратно свою отставку. А тем временем в столицу стали стекаться крестьяне со всей страны: на поездах, грузовиках, верхом на лошадях и просто пешком. Каждый шел с палкой или мачете. В Гаване собралось больше пятисот тысяч крестьян, и не было дома и семьи, которая не приютила бы у себя крестьянина и не старалась бы чем-нибудь помочь ему...

Единство народа,— рассказывал Луис,— было настолько прочным, что Уррутиа был вынужден подать в отставку. Однако империалистический заговор продолжал развиваться. Сразу же после начала совещания министров иностранных дел американских государств в Сант-Яго в Чили диктатор Доминиканской республики Трухильо направил вооруженную экспедицию на Кубу. Одновременно на наш остров был сброшен воздушный десант. Но народ был наготове, и поэтому десантникам пришел, как у нас говорят сегодня, «естественный конец»... Угроза вооруженной интервенции постоянно висит над нашей страной, но народ верит в правоту своего дела, в силу международной солидарности трудящихся и полон решимости бороться,— закончил Луис Мас Мартин.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО УКРАИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

У ТРЕХ МОРЕЙ

Георгий РАДОВ. Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Новая Каховка.

Каховская тишина

Из Херсона асфальтовая дорога ведет прямехонько в рай земной. Каховка! Собственно, три Каховки: старая, малая и новая. Последняя — наверняка лучший из молодых городов государства. Взаправдашнее море умиротворенно плещется у ее гранитного берега. И первые, кого мы искренне жалеем, — это отпускники. Те самые «непутевочные» и «дикие» курортники, о которых чаще всего вспоминают в фельетонах.

А надо бы их учить, беспутевочных, да учить! Как он робок, как консервативен человек, отправляющийся в отпуск! Нет, в зимнюю пору он еще хорохорится: Он еще говорит друзьям: «Эх, братцы, закатиться бы летом куда-нибудь в Саяны либо в Горный Алтай! Порыбачить бы на Енисее...» Но подходит отпуск, и «смельчак» едет в места, за которыми утвердился, так сказать, «железный» курортный авторитет. Это он, консерватор-беспутевочник, пестрой армией наводнил Сочи. Это он сплошным желто-розовым одеялом, сотканным из голых спин, покрыл пляжи Ялты. Это он сотенными очередями приводит в трепет рестораторов Гагры и Алушты. А между тем сколько ее и в Крыму и тут, на Херсонщине, курортной «целины»! Мы видели «Золотой пляж» в Феодосии: только крохотный участок его занят отдыхающими нового пансионата. Мы видели роскошные песчаные пляжи неподалеку от Евпатории: они пустынны. И, наконец, вот они, берега Днепра и пляжи Каховского моря, куда вовсе не ступала «дикая» нога беспутевочника...

И пришло на ум: а почему бы местным Советам Крыма и Херсонщины, почему бы им вместе с прибрежными колхозами не взять на себя устройство палаточных городков, дешевых пансионатов и доступных столовых на курортной «целине»? Да если это дело поставить на хозрасчетную основу, оно же в два счета окупится! А какую радость это доставит людям! Не приятно ли будет прочесть рекламу: «Малокаховский сельский Совет и правление колхоза имени XXI съезда партии приглашают вас отдохнуть на Каховском море. К вашим услугам: палатки, лодочная станция, столовая, свежие овощи, фрукты и виноград по доступным ценам»...

Новая Каховка... Хочется поклониться ее запевалам и строителям. Город этот не просто красив. Накануне мы были в Херсоне, точнее, на окраинах Херсона. Как и в любом старом городе, так и в Херсоне окраины выглядят богаче центра: тут идет новое строительство. Но вот что настораживает: окраина Херсона — точная копия окраины Барнаула, и Новгорода, и Курска. Ну, надо ли нам так обезличивать города? «Позвольте, — скажут архитекторы, — вы, что же, против типовых проектов?» Нет, мы вовсе не против, мы за, но ведь вот она, Новая Каховка, — город, которому в общем-то без больших излишеств архитекторы придали свое, неповторимое лицо! Чем это достигнуто, сразу и не приметишь: то ли формой черепичных крыш, то ли еще чем-то, но, повторяю, Новую Каховку не спутаешь ни с Ангарском, ни с Дивногорском, ни с другими городами того же «калибра»...

И еще хочется поблагодарить хозяев Новой Каховки: с тех пор как отсюда ушли строители ГЭС, местные власти не только не запустили город, как это бывает порой, но, напротив, усерднейше украшают его, чистят и полируют. Он весь в цветах, в зелени, а на улицах просто-таки выставочная чистота. И это, наверное, тишайший город в стране, — не такими ли, впрочем, будут все наши города, когда наконец уйдет в прошлое жилищный кризис и люди расселятся с нормальной плотностью?! В Новой Каховке, в общем-то не маленьком городе, живет всего двадцать тысяч человек, вероятно, не больше, чем в обычных, уплотненных до чрезвычайности двух — трех московских кварталах.

Ощущение тишины покидает нас, как только переступаем порог кабинета секретаря Ново-Каховского горкома партии Александра Петровича Балабая. У него отличное настроение. Только что получена записка Херсонского совнархоза, Херсонского и Николаевского обкомов партии, одобренная ЦК КПСС. Примечательная записка! Еще в Херсоне секретарь обкома партии Николай Абрамович Даниленко увлеченно рассказывал нам о необыкновенно высоком темпе индустриального развития Херсонщины в семилетке. Он говорил:

— Вы только вдумайтесь, вдумайтесь! Промышленность страны увеличит за семилетку выпуск продукции на восемьдесят процентов, промышленность Украины — на семьдесят семь, а промышленность Херсонщины — на сто шестьдесят четыре процента! Это вам что-нибудь говорит?

Да, это говорило о многом, как, впрочем, и то, что объем машиностроения в области вырастет втрое, как и то, что Херсон становится центром железобетонного судостроения. Уже сейчас по океанским дорогам буксиры тянут к дальним берегам железобетонные доки с маркой Херсона, а завтра Херсон будет строить из железобетона и морские и речные суда. Такой же темп взят и в легкой и в пищевой промышленности. Словом, у Херсонщины очень напряженная семилетка. Но вот оказалось, что местных товарищей не устроило распыление средств, и они по доброй воле взвалили на свои плечи нелегкое бремя — взялись ускорить пуск крупнейших заводов, и в том числе Ново-Каховского энергомашиностроительного...

Балабай говорит о нем так, точно этот завод уже действует:

— Представляете махину? Да мы же огромное количество моторов будем давать!

Но тут же задор сменяется озабоченностью:

— Ох, надо же готовить жилье новым рабочим! Население-то за семилетку утроится...

— А может, вы разместите какую-то часть новоселов за счет уплотнения «коренных» жителей?

— Ну, нет, — качает головой Балабай. — Это не выход! Зачем же строили новый город? Что ж, перегружать его, как сейчас перегружены старые города? Верно ли это будет? Нет, я думаю, нам нужно поддерживать тут нормальные условия жизни...

— И тишину?

— Да, если хотите, и тишину...

Он стоит посреди кабинета, крупный, русоволосый, моложавый, полный сил, а я никак не могу представить себе, что этот поборник тишины и нормальных условий жизни — тот самый Александр Балабай, отчаянный партизанский командир из соединения Федорова, о котором писал Всеволод Иванов. И думается: сюда, в Новую Каховку, приезжают иностранцы, и не только друзья, но порой и трубадуры войн «холодных» и «горячих». Не грех бы им, трубадурам, хорошенько выучить биографию руководителя этого мирного города. А то, не дай бог, видя, как гостеприимен, как весел и спокоен Балабай, позабудут они, каким страшным в гневе своем может быть этот человек, когда кто-нибудь покусится на плоды его работящих рук...

В зоне рискованного...

Неделя езды по пыльным проселкам Херсонщины, и мы, выехав из земного рая, попадаем в зону рискованного земледелия...

Рискованного! А ведь что там скрывать, многим еще юг Украи-

ны представляется благословенным краем. Три моря: Азовское, Черное, Каховское. Днепр с протоками. Черноземы. И солнце, солнце, то самое солнце, которого так не хватает хлеборобам Севера и Востока. Двести с лишним безморозных дней в году...

И мы, пока не останавливаясь, мчались по левобережью Днепра, опоясывая юго-восток Херсонщины, и мы в общем-то считали, что едем по благодатному краю. Ехали степью. Ровной степью. Ни овражка, ни балочки. Только на берегах мелководных речек светлели песчаные бугры. Большак рассекал села — зеленые, нарядные села с крупными каменными домами. Куда там до них мазанкам Харьковщины или Курщины! Словом, была перед нами украинская Кубань, никак не меньше.

И вот остановились в селе Нижние Серогозы, и тут-то «украинская Кубань» обернулась к нам суровым своим обличьем.

Было это перед вечером. Пыльное солнце садилось в пыльные хлеба. А перед нами жуковатые бульдозеры зачем-то разгребали степную крепь. Они окружали расчищенное место земляным валом — кажется, именно так строился стадион в Ленинграде. Но это был не стадион.

— Ставо́к тут будет, — объяснил секретарь Нижне-Серогозского райкома партии Виктор Андреевич Кобецкий.

— Ставок? Пруд? Но где же вода?!

Воды не было. Вокруг лежала сумеречная, притрушенная пылью, сухая степь. Ни речки, ни ручейка, ни болотца. Три женщины с пустыми ведрами на коромыслах прошли мимо и скрылись в проулке. Черноногие мальчишки барахтались в дорожной пыли в точности так, как барахтались в воде их сверстники в Приднепровье. Но откуда же тут взяться воде? Не из-под земли же ее достанут?

Да, оказалось, из-под земли! Пробурили три скважины, поставили насосы, и пока пишутся эти строчки, чаша Серогозского пруда наполняется подземной студеной водой. Это делается для ребятишек, которые до сих пор считали самыми большими «водоемами» ведро и таз, для людей, которые еще два года тому назад стояли в очереди у колодцев...

Нет, это была не Кубань! Это был край суровый, засушливый, безводный, хотя и лежал он у трех морей. Куда бы мы ни заезжали дорогой, везде люди с тревогой смотрели в небо и говорили: «Ох, дождя б! Ох, дождя б!» Горели, свертываясь в жгуты, кукурузные листья: ртутный столбик в термометрах поднимался уже к сорока делениям, а дождей не было. И люди тут жили думами о воде. Секретарь Высокопольского райкома партии Коваленко по памяти, как таблицу умножения, назвал нам все до единого дожди минувшего года и с точностью до миллиметра определил, что̀ это были за дожди. Он хвалился: «А здорово нам повезло! Только отсеялись, и вот тебе дождь — за сутки сто одиннадцать миллиметров...»

Да, воду тут меряли миллиметрами. Но почему же, вы спросите, почему, когда вот оно, рядом, лежало Каховское пресное море?

Нет, скажем честно: ни Каховская ГЭС, ни Каховское море не преобразовали пока природу Херсонщины. Денно и нощно вращаются турбины Каховской ГЭС, но большинство херсонских колхозов еще не видело света каховского электричества: не так-то оно просто — растянуть на сотни километров линии электропередач. А каналы? Да, каналы строятся! Вошла в строй первая очередь Верхне-Ингулецкой системы, возведено головное сооружение Красно-Знаменского канала. Недалек час, когда на семидесяти тысячах гектаров развернется Каховская система и, помимо того, наконец придет вода в Нижние Серогозы, и вот-вот начнут прокладывать Северо-Крымский канал. Но пока...

Пока вот что здорово на Херсонщине: с нетерпением ожидая большую днепровскую воду, люди добывают воду малую. Они роют ставки, прудят мелкие речки, вгрызаются в землю, тонкими трубами добираются до подземных озер. И везде говорят о насосах и о «дебите» скважин. И даже рядом с Каховским морем, в селе Малая Каховка, в том самом, что родилось как бы из пены морской (старое село осталось на дне моря, а новое, отменное, выстроилось на голом месте), даже там мы увидели огород, который поливали не днепровской, а подземной водой.

И все-таки на Херсонщине пока орошается только сорок тысяч гектаров. Почти в сорок раз больше, чем до революции, но все же мало, ох, как мало, товарищи! Крупная капля в засушливом степном океане! Ну, а как же хозяйничают на неорошаемых сотнях тысяч гектаров? Рискуют?

«Кум королю»

— У нас хлеборобу, как минеру, ошибаться не полагается, — сказал нам председатель колхоза «Грузия» Григорий Андреевич Легунов.— Тут кто кого хитрей... Климат тебя перехитрит — вот ты и без штанов; ты перехитришь климат — считай, кум королю...

Мы стояли посреди Чонгарского перешейка, в самом пекле «зоны рискованного земледелия». Обжигающий ветер доносил терпкое дыхание гнилого моря — Сиваш был рядом. И были еще приметны следы войны: из кукурузы угрюмо смотрел на нас подслеповатый дот, на котором, впрочем, светлела вывеска «Кладовая». Под ногами солонцы — земля тяжелая, гиблая, коварный враг хлебороба. Но за дорогой желтела стерня — с этого поля только что сняли по полтораста пудов пшеницы с гектара! А дальше молодым крепконогим леском стояла кукуруза, а еще дальше — роскошная, сомкнувшая рядки свекла и крупные желтобокие помидоры. Посевы выглядели так, как где-нибудь в низовьях Кумы или Кубани. И это на солонцах! Без дождей! Но откуда же это взялось?

За двести лет до нашей эры римский сенатор Катон Старший с наивнейшей на первый взгляд простотой определил формулу получения урожая: «Пахать, пахать и унавоживать». Все изменилось с тех пор: и земледелец, и наука, и орудия земледелия,— но куда же, куда нам деться от этого «пахать, пахать и унавоживать»? И в херсонских колхозах не выдумали новой системы земледелия. Чего нет, того нет. Здесь просто пашут глубоко и вовремя. И сеют хорошо и опять-таки вовремя. И охотятся за каждой каплей воды — тотчас же после дождя пускают бороны, чтобы прикрыть, стреножить быстроногую влагу... Тут бьют непокорный климат мобильностью, гибкостью вроде бы обычной агрономии. И выходят в «кумы королю». А порой и не выходят...

— С риском приходится действовать, — вздохнул Легунов. — Ох, с риском! В том году под кукурузу ввалили по тридцать тонн перегноя на гектар, а она, чертяка, султаны выметала, а початка так-таки и не дала. Солонцы! Кругом риск!

Да, риск, но посмотрели бы не обиженные ни землей, ни водой кубанцы, как размашисто шагает этот «рискующий» колхоз! Какие тут фермы! Какие роскошные поселки каменных домов выросли рядом с магистралью Москва — Симферополь!

...Осмотрев хозяйство, мы отправились на Арабатскую Стрелку. И вот сидим на песке, смотрим в мутноватое море и слушаем неторопливый рассказ Легунова:

— Начинали мы, знаешь, с чего? С коровы. Продали, понимаешь, корову за десять тысяч...

Далась ему эта корова! Только что колхоз закупил все пятьсот коров у своих колхозников, полностью обеспечив каждую семью молоком, но об этой реформе Легунов сказал скороговоркой, а вот о единственной корове, которую продали чонгарцы в первый послевоенный год, вспоминает второй раз. И неспроста, оказывается! Именно с нее, с разнесчастной животины, начали чонгарцы наступление на климат. Продали корову, выручили деньги, а на них пробурили в солончаках первую скважину и сразу взяли с поливного участка четыреста тысяч рублей. И зашагали, держа ясный курс: превратить «рискованную» зону в зону гарантированных урожаев. Гарантированных! Тысяча триста гектаров, орошаемых «малой» подземной водой, — этот массив дает доход вопреки любой непогоде. А чонгарцы все бурят и бурят тяжкую свою землю...

Легунов рассказывает, а сам то и дело смахивает со лба крупные капли пота. Знойно! Наконец, не выдержав, он, прихрамывая, спускается к воде, ныряет и, шумно отфыркиваясь, плывет, выбрасывая крупные, сильные руки.

— Ах, человек, какой человек! — говорит о нем Леонтий Петрович Лопушанский, секретарь Генического райкома партии.— Вот уж истинно горбом заработал золотую медаль. Видал, какие у них условия? Бой ведут! Кто же мог думать, что Легунов наступит на пятки самому Литовченке?

«Сам» Литовченко Григорий Павлович — председатель всемирно известного Генического колхоза имени Сталина. Что скрывать, по приезде в Геническ необоримая сила инерции и нас понесла прежде всего в это хозяйство. Ох, эта инерция проторенных дорог! Сколько свежего, молодого, нового не замечает наш брат, прикованный к уже известным, тысячу раз описанным и расписанным «объектам»! Да, спору нет, колхоз имени Сталина выглядел хорошо. Но пусть простит нас Григорий Павлович, знаменитое это хозяйство вовсе не походило на оазис в степи, каким оно представало перед людьми еще несколько лет назад. Нет, он вовсе не обеднел, он забогател, колхоз, и шагал в гору, хотя, может, и несколько тяжеловатой поступью: наверное, это грузная слава оттягивала плечи. Но главное...

Множество умных, образованных, смелых хозяев вышло на арену — вот он почему и поблек, этот вчерашний оазис в степи. Накануне мы были у Костя Михайловича Старцева, в совхозе «Червоный партизан». Дельный, падкий на новое, этот директор за год так перестроил работу, что вдвое удешевил молоко. Этого еще не сделал Григорий Павлович Литовченко. Мы видели в Бериславе Николая Родионовича Бычкова. Немолодой этот управляющий отделением по своему почину устроил первую на Херсонщине «елочку» — доильную площадку, почти начисто устраняющую ручной труд. И, конечно, не только к Литовченко, а и к Бычкову поедут учиться животноводы. Мы гостили в Малой Каховке у Полины Андреевны Крахотиной. Председательница-агроном, властная, подвижная, шумливая, собрала под свою руку несколько отстающих хозяйств, успешно «переваривает» их и темпами роста уже обогнала Литовченко. Секретарь Каховского райкома партии Алексей Семенович Сенин сказал о ней: «Погодите, Крахотина еще не так загремит». А тут, на Чонгаре, Легунов...

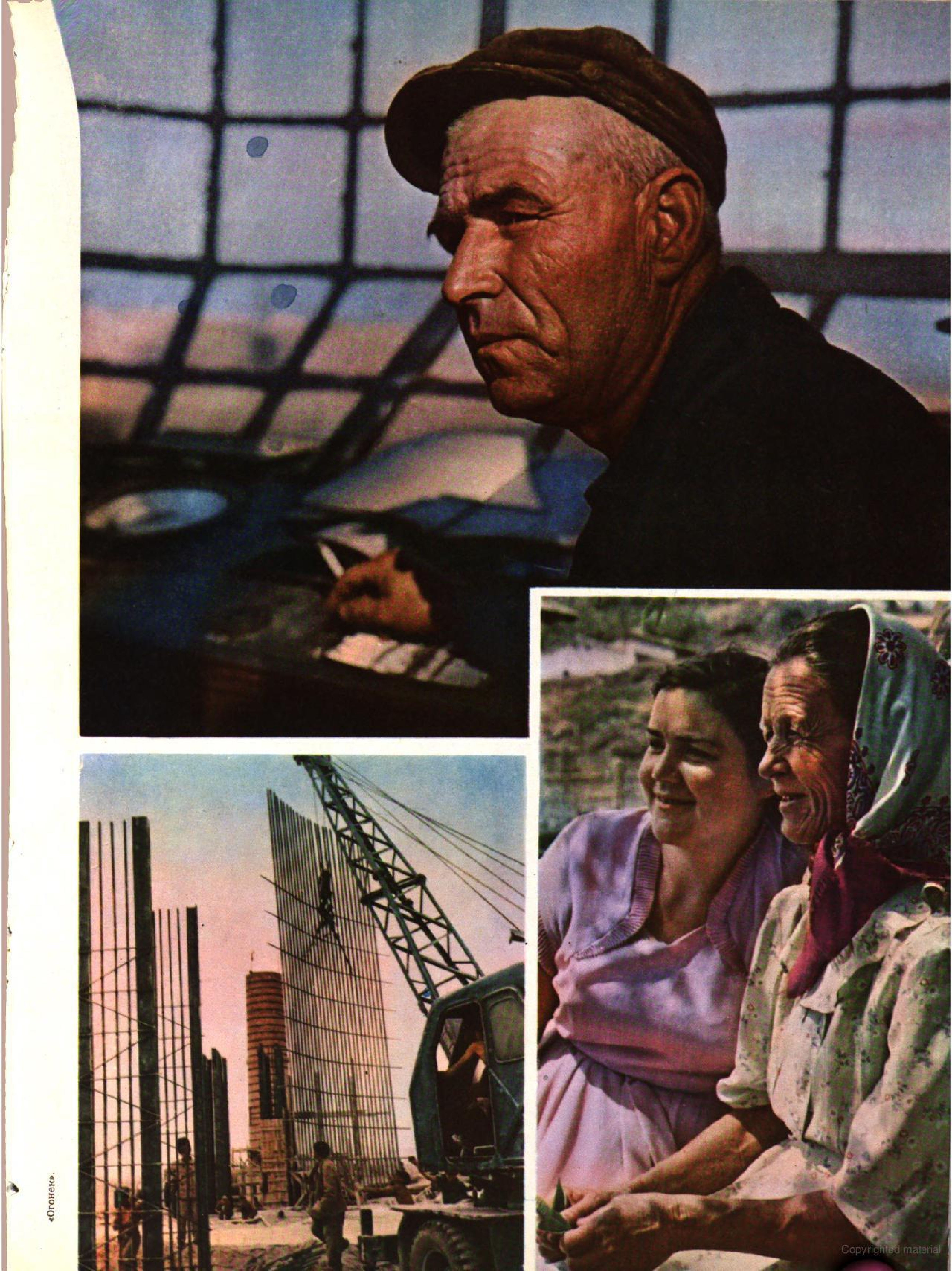
Нет, что там говорить, посочувствуем Григорию Павловичу: нелегко, ох, нелегко на нынешней Херсонщине держать марку самого лучшего колхоза!

...Легунов все еще плавал, от-

Герой Социалистического Труда Григорий Андреевич Легунов.

На верхнем снимке: Николай Николаевич Мальчевский. В Камыш-Буруне, под Керчью, он, машинист отвально-транспортного моста, добывает руду для металлургических заводов Юга. Внизу слева: строительство цементного завода под Бахчисараем; его возводят на паях колхозы Крыма. Справа: первая мастерица виноградного Крыма, дважды Герой Социалистического Труда Мария Брынцева и ее ученица Герой Социалистического Труда Александра Пикова.

«Огонек».

В степи под Херсоном... Слева — хлеба; в центре — вечер в колхозе имени Чапаева: колхозники смотрят спектакль Херсонского театра. Справа — виноградники на песках Приднепровья в совхозе «Перемога наймитив».

ХИТЬ НАРОДОВІ

Отряд юных туристов у дизель-электрохода «Россия» в Одесском порту.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Отбили! Последняя минута футбольного матча в колхозе имени Сталина, Генического района, Херсонской области.

фыркиваясь, как морж. Лопушанский сказал:

— Если б не мы, черта с два бы сегодня он выбрался на море. Скирдовал бы вместе с людьми! А знаешь, как жил? Новый поселок выстроил, а сам с семьей все в землянке. Стыдили мы его, стыдили. Чуть не силком переселяли в новый дом.

Легунов вышел из воды, отдышался, сказал ворчливо:

— Все-таки, Леонтий Петрович, маловато у нас людей.

— Это тебе в воде такое пришло на ум?

— Мало. Строиться надо, переселенцев вербовать надо,— отрезал Легунов и грузно, устало опустился на раскаленный песок.

Для людей

— Ох, сатана! Ох, сатана!..

— Ой, лышенько! Шо ж вин робэ?

Мы в Бехтерах, за Голой Пристанью, на спектакле Херсонского украинского театра. Идет «Веселка» — современное сочинение винницкого драматурга Миколы Зарудного. Зала нет. Крыша — продырявленное звездами черное небо. Сцена — два грузовика с откинутыми бортами, особыми бортами херсонской конструкции. Впрочем, и занавес и декорации настоящие, как в столичных театрах. Актеры играют с огоньком. В «зале» — и на скамейках, и на земле, и в кузовах самосвалов — две тысячи человек, и все стосковались по театру, и все жадно ловят каждое слово, и отовсюду несется: «Ох, боже мий», «Ой, сатана!», «Ну и дивка!», «В точности наш Мефодий!»

А спектакль не случайный. Плановый! Херсонский театр дает летние гастроли у себя дома, ставит спектакли во всех колхозах области. Я подчеркиваю: во всех! Сегодня эта труппа в Бехтерах, а завтра ее ждут в другом селе, где тоже соберутся две, а то и три тысячи зрителей, и тоже будут кричать: «Ой, лышенько!», «В точности наш Мефодий!»

В третьем часу ночи крохотный театральный автобус мчится по тряской дороге. Похрапывает на переднем сиденье главный герой. Бедняга, ему досталось-таки: кажется, сорвал голос! А героиня, молодая актриса, разволнованная таким жарким приемом, какие вряд ли выпадают в столице иным заслуженным, рассуждает вслух:

— Ну, послушайте: разве это не счастье для провинциальной актрисы сыграть в Москве? Каждая мечтает: вот будут и наши гастроли в Москве, вот будут... А с другой стороны, подумайте, не обойдется ли без нас московский зритель? А вот тут, в Бехтерах, не обойдутся! Так почему же наши театры зимой играют в городах и летом едут в другие области, но опять-таки в города? За что мы обносим искусством сельского зрителя? Что оставляем ему? Самодеятельность? Дадим пару — тройку шефских концертов и ставим в отчете галочку: облагодетельствовали село. А москвичи? А киевляне? Да как бы их встретили на селе! Чего же они стесняются? Площадок нет? Так устройте сцену по-нашему, на грузовиках. Это же для людей! Для людей...

— Понимаешь, — втолковывал мне в Высокополье один дядько,— зараз в людскую сторону у нас крен взятый...

А мы и сами замечали этот «взятый крен в людскую сторону». То, бывало, приедешь в колхоз и тотчас слышишь речи о новых коровниках, о свинарниках, о птичниках и кошарах. А нынче в том же Высокополье колхозный председатель Борис Михайлович Жатиков прежде всего похвалился тем, что «на сегодняшний день» в колхозе осталось всего двадцать две соломенных крыши и, выбросив руку, горделиво указал на новое село: каменные дома были сплошь покрыты яркой цветной черепицей. И мы не удивились, когда в самый разгар хлебной битвы областной товарищ, воротившись из Скадовска, заговорил не о хлебе, а о том, что в Скадовском районе к концу года в каждом, повторяю, в каждом населенном пункте будет хороший клуб! И опять-таки не удивились, когда в генической селе Ровное секретарь партбюро Иван Пантелеевич Мазунов сперва повел нас не на ферму, а в больницу, и оказалось, что в этой сельской, даже не районной больнице есть и рентген, и электролечение, и грязелечение, и хотя служит тут только один врач Дмитрий Антонович Кривонос, но пациенты могут рассчитывать на любую помощь, кроме, как смущенно заметил Кривонос, операций на сердце: чего не делают, того не делают...

Нет, не подумайте, что хлеб, скот, кошары и птичники отошли нынче на второй план. В другом смысл: «людская сторона» — проблемы жилья, быта, культуры деревенского человека — обрела вдруг необычайную остроту!

Еще в Херсоне, как только мы приехали, шофер такси, косясь на фотографическую снасть моего товарища, заметил:

— Корреспонденты? В Чернобаевку?

— Почему в Чернобаевку?

— Все ездят! То говорилось: Чернобаевка под Херсоном, а зараз говорят: Херсон под Чернобаевкой...

Да, совсем недавно это было рядовое село, колхоз, так сказать, «середина наполовину». Но в конце пятьдесят шестого года пришел сюда председателем начальник областного управления сельского хозяйства Иосиф Иванович Пионтковский, «дважды тридцатитысячник»: накануне он вывел в люди крупный колхоз в глубинке. Пришел, а сейчас, спустя только два года, молва о Чернобаевке гуляет по всему Югу. Темпы тут неслыханные, даже по современным меркам. В пятьдесят шестом году имели чернобаевцы доход четыре миллиона; в пятьдесят седьмом — десять, а в пятьдесят восьмом — двадцать один миллион рублей! Рост впятеро, а земля та же. И не много ее: чуть побольше пяти тысяч гектаров.

О Чернобаевке мы много слышали, знали цифры, были готовы ко всему, но то, что мы увидели...

Прежде всего это было не село. То есть не село в старом, привычном смысле этого слова. За два года колхоз поставил восемьсот,— повторяю, восемьсот — домов, причем не хат, а именно домов, будынков, как говорят на Украине. Все будынки из камня. Все под шифером. Все на полах. Все многокомнатные. С верандами. И расставлены они не по-деревенски, хотя Чернобаевка перестраивается на старом месте. Следы старого села угадываются: посреди новой широкой улицы, прямо на дороге еще стоят мазанки — улицу прокладывают, что называется, по живому месту.

— К осени уберем! — сказал Пионтковский, кивая на мазанки.— Уберем эту рухлядь, а улицу заасфальтируем и обсадим.

— Но что же это у вас будет, Иосиф Иванович? Агрогород?

— Считайте так: коммунистическое село.

У всякого хорошего хозяина своя цель. Один спит и видит рекордный урожай. Другой денно и нощно думает о виноградниках. И Пионтковский — прирожденный хозяин. Правда, колхоз живет не в «рискованной» зоне. Подошли воды Красно-Знаменского канала, и двенадцать дождевальных установок каждый день распахивают над полями и огородами радужные веера. Чернобаевцы растят овощи, пестуют виноград, умело, я бы сказал, с коммерческой лихостью добывают миллионы, собираются в ближайшие годы подойти к семидесятимиллионному доходу, а со ста гектаров взять по тысяче центнеров молока и по двести центнеров мяса... Но главное, чем живут Пионтковский, коммунисты и все колхозники Чернобаевки,— создать коммунистическое село.

На Херсонщине много строят. Везде, буквально везде — новые дома, новые улицы. Камень свой — у Херсонщины есть все шансы занять по сельскому строительству первое место в стране. И, может, поэтому тут, на Юге, приметнее, чем где-нибудь, новые тенденции в сельской архитектуре и планировке. Люди прощаются с деревней как с типом поселения. Они прощаются с глиняной мазанкой и с многоверстной кривой улицей. Это мы заметили уже у Легунова: сам строитель, Григорий Андреевич расположил два поселка компактными кварталами, а посередине устроил культурный центр. И коров-то он покупал у колхозников не только из соображений экономических, но, если хотите, из эстетических: в новых поселках коровам нет никакого места! Да, Легунов, составляя генплан, решительно исключил корову из сельского быта. Что это в самом деле за поселок, если в каждом дворе навозная куча?!

Черты нового поселения еще явственней проступают в Чернобаевке. Построен хлебозавод. Не пекарня, а завод — с механизмами, автоматикой, на современную ногу. И мощный, на рост. Есть отличная школа, и строится интернат. Есть летний театр. Есть парк. И уже закладываются пруды — не для орошения, а опять-таки для людей, для ребятишек, для молодежи. И задуман стадион...

И во всем этом и душа, и ум, и смелый зачин Иосифа Пионтковского.

Я хотел спросить у него, а не тесно ли ему тут, в Чернобаевке. Человек-то руководил сельским хозяйством в масштабе области, и неплохо руководил! Но не спросил: понял, что отсюда, из Чернобаевки, он, Пионтковский, влияет на область никак не меньше, чем из высокого кабинета. В Чернобаевку ездят. О Чернобаевке говорят. У нее учатся. «Это Пионтковский приучил нас не бояться весенних заморозков»,— говорила нам в Каховке Полина Андреевна Крахотина.

Нет, не тесно, а просторно Иосифу Пионтковскому в Чернобаевке. С сельской «колокольни» отлично видна страна. Колхоз во всем пробует новое, он ищет, он дерзает. И сейчас, накануне Пленума Центрального Комитета партии, чернобаевский председатель, что называется, под завязку «набит» идеями. Он толкует об уставе артели, о системе снабжения колхозов, о системе сбыта, о подготовке специалистов и о районных колхозосоюзах и вдруг обрывает этот большой разговор и ни с того, ни с сего:

— Слушайте, товарищи, а нет ли у вас в Москве, как бы поделикатней сказать... словом, блата по культурной части? До зарезу нужен хороший режиссер и хороший тренер. У нас же способные хлопцы, талантливые девчата. Никаких денег не пожалеем, если попадутся тренер и режиссер...

Для людей живет человек...

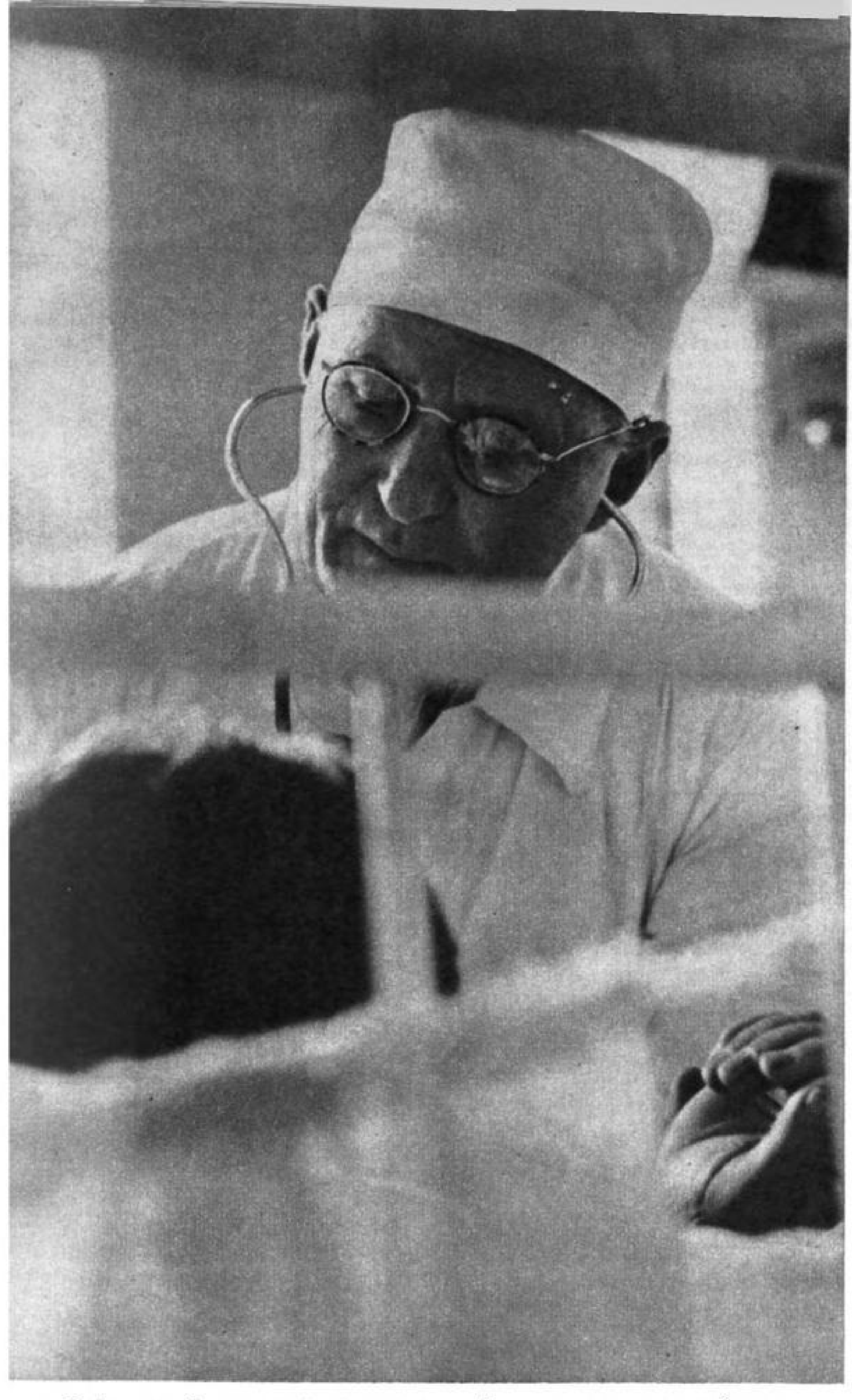
Солнце в стакане

Крым. Совхозный поселок неподалеку от Коктебеля. Новый дом с еще не просохшими половицами. Мы на новоселье у Марии Александровны Брынцевой. И думается о том, какое отличное продолжение «Счастья» смог бы написать сейчас великолепный знаток этих мест, покойный Петр Андреевич Павленко. Что за силу духа явил бы его Алексей Воропаев как раз в эти годы, когда Крым вершил свой коллективный подвиг на виноградных полях!

О подвиге этом нам рассказывали и партийные работники, и журналисты, и агрономы. О нем говорил и наш попутчик по Крыму, немолодой черноглазый тамбовчанин, влюбленный в Крым так, точно он тут родился.

Дорога шла сперва степью, потом запетляла по зеленым холмам, врезалась в горы. Навстречу неслись уже убранные палевые массивы стерни, за ними начинались виноградники, и чем выше мы поднимались, тем выше карабкались и виноградники; они лезли в гору, обосновывались на склонах, оседлывали террасы; в одном месте верткий краснобокий трактор выкидывал на верхотуре просто-таки цирковые номера.

— Глаза страшатся, а руки делают! — сказал наш собеседник, косясь на трактор.— Роскошная поговорка! Так тут и было в первые годы после войны: страшились глаза! Понаехал-то сюда народец из степных да из лесных мест — они его, виноград, и в глаза не видали. А уж толков-то было, толков!.. Дескать, куда им, переселенцам сумским, да черниговским, да курским, куда им совладать с виноградом и с табаком! Погибнет, мол, довоенная слава Крыма... Заметь, о славе-то говорили всерьез! А сейчас мы как ее поминаем, довоенную славу? С улыбочкой! И впрямь улыбнешься, когда узнаешь, что за полстолетья, заметь, за полстолетья, Крым всего-то засадил виноградом восемнадцать тысяч гектаров. И как засадил! Беспорядочно, без рядков — словом, в расчете на ручной труд. А тут, понимаешь ли, не за столь уж долгий срок посадили мы поболе ста тысяч гектаров! Вся Европа, вся Западная, капиталистическая Ев-

В Ровенской сельской больнице. Главврач Дмитрий Антонович Кривонос.

ропа не садит по стольку винограда в год, сколько садит Крым.

Боже мой, какая тут была атмосфера! План наметили неслыханный, а садить-то нечем! Тащили чубуки и из Средней Азии, и из Дагестана, и с Дона. Да ведь не только хорошее тащили! На нем же, на чубуке, не написано, каковы будут плоды,— тащили и кислятину. Теперь-то разбираемся, заводим хорошие сорта, кислятину вырубаем напрочь. А как садили? Не везде же были умельцы, особенно в степи. Под Джанкоем, помню, засадили сорок гектаров вверх корешками — чуть не вся область в лежку лежала от смеха. А какой тут смех, когда люди брались за незнакомое дело? И вот ведь я говорю: глаза страшатся, а руки делают. Сделали! Вон погляди...

Спустившись с горы, дорога надвое рассекла крупный массив виноградников. Строгие рядки уходили к горизонту.

— Жаркая была атмосфера! — продолжал он, закуривая.— Как людей обучали! Курсы, семинары, совещания, опять курсы. И экскурсии в старые совхозы! И обмен опытом! И лекции ученых! И газеты, и журналы, и брошюры! А руководители-то областные и районные, они же сами были в смысле винограда не боги. И они учились. На ходу! Как говорится, в бою овладевали тактикой. И все били и били в одну точку...

Сделали...

Да, именно теперь украинский Крым становится поистине виноградным краем и, можно без ошибки сказать, всесоюзным центром виноградарства и в смысле науки и в смысле опыта. А какие крупные проблемы приходится тут решать! Механизация!.. Можно ли вручную обработать такие просторы? А опоры? Откуда их взять, миллионы опор для виноградной лозы? Рубить, начисто сводить леса? И возникает мысль: на паях, сообща, силами всех колхозов Крыма строить цементный завод. И избирается межколхозное правление, и вносятся паи, и оно уже строится, крупнейшее из колхозных предприятий страны — завод под Бахчисараем.

Собеседник наш задумался, молчит, смотрит в степь. Наконец роняет:

— А завзятые виноградари, знаешь, получаются из переселенцев.

Да, завзятые. На побережье в совхозе «Судак» повстречал я дважды Героя Социалистического Труда Марию Даниловну Князеву. Спросил, между прочим, скоро ли в совхозе установят бронзовый бюст?

— А его не тут поставят,— сказала Князева.— Я-то брянская! Из Суземки...

И я представил себе далекую лесную Суземку. С каким почтительным удивлением тамошние коноплеводы и хлеборобы будут смотреть на изображение их землячки, прославившейся, да еще и как, не на привычном картофеле, не на льне, а на винограде! Поистине глаза страшатся, а руки делают...

...У Брынцевой — неофициальное новоселье. Просто мы первые гости, навестившие ее в новом доме. В домашнем платье, без наград, с лицом, иссеченным морщинами, она кажется то старше, то моложе своих лет. Удивительно переменчивое лицо! Пригорюнится, потупится, вспомнив пережитое, и вдруг вскинет голову и посмотрит так свежо, так молодо, точно горя-то и не ведала.

А биография ее трагична. Батрачка, еле выбившаяся в люди при колхозах, она не успела и пожить хорошо, как осталась солдатской вдовой. Вдовой, а на руках шестеро сыновей, а старшему пятнадцать...

Теперь она дважды Герой Социалистического Труда, и депутат Верховного Совета СССР, и признанный авторитет в виноградарстве, и вокруг нее ученицы — выпестовала она целую стайку молодых мастериц, а среди них лучшая — чернобровая красавица Шура Пикова, героиня. И дети выросли. Она, правда, покрикивает на них. «Не хотел полы мыть, не заходи в хату, спи на улице!» — выговаривает она младшему, рослому, плечистому хлопцу. Выговаривает, а сама так и светится: довольна сынами. Росли, как она говорит, «слухменные»: и корову доили, и варили, и стирали. И сейчас все на верной дороге. И есть уже внуки. Словом, всего достигла Брынцева, а люди рассказывают, что и сейчас она хлопочет на виноградниках с тем же усердием, так же неусыпно и беспокойно, как и до славы, как и до наград, до признания.

— Ну что нам с ней делать, Николай Васильевич? — спрашивает Шура Пикова у Климшина, секретаря партийного бюро.— Что делать, скажите? Три курортные карты у нее пропали. И опять не хочет ехать. А здоровье...

— Уберем виноград, поеду! — хмурится Брынцева.

— Не поедет! — машет рукой Пикова.— Еще что-нибудь выдумает. Скажет: вот перекопку кончим...

— Заставим! — говорит Климшин.— Решение бюро вынесем...

— Как это вынесете? — удивляется Брынцева.— Здоровье-то мое?

Пикова вздыхает, всплескивает руками:

— Вот видите! Такой человек...

Она, Шура Пикова, знает Брынцеву с малых лет, но и сейчас, когда смотрит на нее, в глазах удивление. И верно, как постичь характер этой женщины? Все сплелось в нем: и скромность, и упорство, и нежность, и лихость, и терпение, величайшее терпение, которое позволяло ей делить на шесть ртов кукурузную лепешку, а полчаса спустя, успокоив детей, бежать на виноградники и бодрить женщин: «Скоро, милые, скоро полегчает».

И все-таки как мы порой грешим против истины, когда в восторге от личной доблести человека начисто отбрасываем среду, которая его питала! Мария Брынцева выросла в коллективе мужественных людей! Совхозом «Коктебель» много лет руководит Михаил Андреевич Македонский, храбрейший командир партизанский и столь же храбрый воитель за виноград. И рядом с Брынцевой всегда были люди, смелые, заботливые, понимающие ее горе. Ей пособляли агрономы. Ее наставляли коммунисты. И может, не только по врожденной скромности, а и потому, что она благодарна людям, не терпит Брынцева хвалебных речей в свой адрес. А Шура Пикова, эта, что называется, «дорвалась» до излюбленной темы.

— Вы знаете, как она работала? — кивает Шура на хозяйку.— Виноградники-то у нее были старые, без рядков. Все лискером, все тяпкой. И она-то, смотрите, какая маленькая, ну где у нее силы? А такая моторная, такая моторная, как выйдет — две нормы! Мы, молодые, и то...

Брынцева берет ее за локоть (да помолчи же ты, дескать) и спрашивает у секретаря партбюро:

— Николай Васильевич, куда будем виноград девать?

— Мы? Совхоз?

— Область! Ишь, насажали! Куда девать?

Сколько ни ездил я по югу, везде об этом спрашивают с тревогой: «Куда девать?» И не только виноград. Легунов сетовал: вырастили уток, а не принимают их, говорят, нет холодильников. Ох, как же отстали пищевики от взлета сельского хозяйства! Тут, в Крыму, грозятся через несколько лет буквально залить страну вином и виноградным соком. И Херсонщина, и она скоро будет иметь сто тысяч гектаров виноградников — я уже видел эти гектары и на Приднепровских Песках, где, кстати, воюет соперница Брынцевой героиня Мария Гришина, и на Чонгаре, и в пыльной степи... Как убирать их? Где взять рабочие руки, транспорт, холодильники? А заводы? Тут, в Крыму, спешно строят колхозные винзаводы, но мало их, мало...

— Виноградный сок,— задумчиво говорит Брынцева.— Как один лектор нам сказал: солнце в стакане... Эх, если б дать каждому ребенку стакан сока в день! Мы-то виноград вырастим, а как его до ума довести?

— Доведем! — убежденно говорит Климшин.— Не может этого быть, чтобы не раскачали, наконец, промышленность. Как же так: засадили сотни тысяч гектаров, и пропадет добро?! Не может быть такого...

В Керчи мы прощаемся с Крымом. Прощаемся с горьким сознанием, что невозможно в беглых заметках сказать и тысячной доли того, что можно и нужно сказать о делах и думах этого удивительного края. От крымского берега отходит на восток широченный паром. Впереди чуть приметные лиловые холмы Тамани.

— Соединяем две жемчужины,— смеется начальник переправы.

— Две жемчужины?

— Ну, конечно. Крым — жемчужина Украины. Кубань — жемчужина России. Так говорится или не так?

Кажется, так...

ЗВОНКОЕ ЧУДО

Юрий АРБАТ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

В Вербилках, милом моему сердцу подмосковном селе, живал я подолгу, когда писал книгу о людях фарфорового завода, некогда принадлежавшего фамилии господ Гарднеров, а в конце XIX века купленного миллионером Кузнецовым. Река Дубна рядом, а вокруг сосновые боры да чернолесье. В каждом доме возле завода либо рыбак, либо охотник, и все великие любители рассказывать занятные истории. От них я многое записал — и про горькую старую жизнь мастеровых и про наше советское время. А уж потом — лиха беда начало — стал разыскивать таких рассказчиков и на других фарфоровых и фаянсовых заводах необъятной нашей страны: в подмосковной Гжели, старинном гнезде русских фарфористов, в украинских Будах и Коростени, в Конакове, что красуется на берегу Волги и Московского моря, в Песочном, возле Рыбинска, и других местах. Так собирается книга «Звонкое чудо», два сказа из которой печатаются ниже.

Ловкий сыщик

Можешь, конечно, не верить: вот, мол, сготовил Арсентьич дичинку с начинкой. Но я за что купил, за то и продаю: взял за четыре грошика, а уступаю по две денежки за пару. Передам слово в слово, как родитель мой рассказывал. У него занятных историй был полон короб, а эту он на отметинку любил. Да и приятели-то его именно ее чаще других просили рассказывать. Только один приезжий возразил.

— Я, — говорит, — об этом слышал от судебного деятеля.

Да ведь там с чужих слов, а отец, можно сказать, участник событий.

Ну, а если что не так, не обессудь: прямо только сорока летает.

Отец мой первостатейным гравером слыл на всю Россию, на все Кузнецовские фарфоровые заводы. И произошла с ним такая оказия, когда ему, рабочему человеку, хозяин чуть не в ножки кланялся, христом-богом молил выручить, сделать одолжение, любые деньги сулил, хоть те пятьсот рублей, хоть тысячу — ей-ей! — лишь бы он согласился хозяйскую просьбу уважить. И еще как уговаривал!

— Не я,— говорит, — ходатайствую — сам государь император.

А царь-то тогда, знаешь, какой был? Под горячую руку ему не попадайся. Штоф водки выпивал, и не стопками, а вприпадочку. Сколько дней в году, сколько святых в раю, столько он и праздновал. Состоял при царе генерал, начальник императорской охраны, тоже любитель сполоснуть зубы. У обоих сапоги по форме — бутылками, с широченными голенищами, а за голенищем коньяк в плоских флягах: сообразили бражники, чтобы близкие не заметили, откуда взялось святое зелье. Трезвый-то царь тихо ступал, в бороде улыбки прятал, на большой медной трубе марши наигрывал, а во хмелю буянил: пудовым кулаком человека мог на месте уложить. И укладывал, очень даже просто.

Может, я не с того конца начал? Пожалуй, что и так.

Тут, понимаешь, в столице все дело-то началось, в Санкт-Петербурге.

Послом одной иностранной державы состоял то ли барон, то ли граф какой, величали его «ваше сиятельство», а фамилия, конечно, мудреная, нерусская, язык сломаешь, выговаривая. Ну, да не в этом суть. Сама история-то с приключениями.

Считался граф-барон первейшим знатоком фарфора. Все в уме держал: какой мастер на какой фабрике какую марку ставил — и будто бы даже мог определить год выпуска чашки, блюда или там вазы. Какой ни на есть не особенно сведущий любитель увидит два синих меча на донышке чашки и сразу: «Это саксонский фарфор с фабрики города Мейсена». А граф-барон хитро улыбается: извините, говорит, подвиньтесь: видите возле этих мечей звездочку о шести лучиках? Свидетельствует такой значок о том, что хотя мастер некогда и жил в Саксонии, но, разукрашивая вещь, работал на русском заводе господ Гарднеров в Вербилках, и, судя по тому, как золотые бантики в рамке изображены, могу сказать, что звали того замечательного мастера Иоганн Кестнер. А расписал он чашку в шестидесятых или там в семидесятых годах восемнадцатого столетия.

Если по-современному говорить, являлся посол специалистом фарфорового дела, профессором или даже академиком.

Назначат его в какую страну послом — он туда все свои собрания и везет. Потому без них жить не мог. В стружки, в морскую траву, в вату аптекарскую слуги ему каждую чашечку и тарелочку упакуют, в ящики заколотят, осторожные надписи напишут: мол, не разбейте — и подобным манером из города в город, из страны в страну и переправляют.

И надо же такой беде стрястись, что не в городе Париже и не в городе Лондоне, а именно в Санкт-Петербурге забрались к нему воры. До того ловкий народ оказались эти мазурики — не иначе, как по чьей-нибудь злой указке действовали, — ничего от посла ценного не взяли, кроме старинного немецкого сервиза. А у графа-барона этот сервиз был на самом лучшем счету, больше всего посол его любил.

Назначил русский император торжественный прием, не знаю уж, по какому особому случаю. Послы разных стран должны быть на таком празднестве. Все они присутствуют, и

нет только одного — этого самого графа-барона.

Царь уже выпил в тот день для веселости, но по сторонам поглядывает, все на заметку берет.

— Чтой-то, — говорит, — не вижу я графа-барона.

Министр ему докладывает:

— Он в сильном расстройстве, ваше императорское величество. У него какая-то беда.

— Что за беда может произойти с иностранцем в моем государстве? — рассердился царь. И тут же дает распоряжение: — Выяснить, что стряслось!

А сам в соседнюю тайную комнату прошел и из-за голенища плоскую флягу вытащил, чтобы принять лекарство от расстройства нервной системы.

Министр туда-сюда разослал людей. Они в момент все разузнали. Опять докладывают царю:

— Украли у господина посла самый любимый фарфоровый сервиз.

Царь в сердцах как стукнет кулаком по столу орехового дерева — куда ножки, куда крышка, одни щепки на полу.

Приказывает министру:

— Найти сервиз!

Это легко сказать: найти. Кисточка, бывало, затеряется, ищешь, ищешь, семь потов сойдет, пока ее в дальнем углу под столом заприметишь. А тут сервиз. Не попросишь: «Чертик, чертик, поиграй да отдай». Не бес крутит, а воровская шайка, она тебе следов не оставит, заклинанием ее не возьмешь, а царев указ оставляет вовсе безо всякого внимания.

Однако для министра слово царя — закон. Вызвал он главного сыщика.

— Хоть умри, — говорит ему, — а найди. Иначе мне на глаза царю показаться невозможно.

Тот, конечно:

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

И стал искать.

День ищет — ничего. Два — ничего. Все воры и мошенники главному сыщику известны, всех их он спрашивал, никто не брал, и никому ничего про сервиз не известно.

— Ищите, канальи! — приказал сыщик. — Не найдете — я на глаза министру показаться не смогу.

Снова ищут воры и снова говорят:

— Нет сервиза.

Посол между тем от расстройства совсем слег, и царю, конечно, об этом немедленно — нашлись такие люди — доложили. Царь — министру нагоняй, министр — сыщику. А сыщика и без того досада гложет. Не то страшно, что его отругают или рассчитают, а по самолюбию ударяет. Ведь он недаром слыл самым знаменитым в России сыщиком: все мудреные дела распутывал.

За Нарвской заставой купца ограбили — кто отыскал разбойников? Главный сыщик. Из военного госпиталя бежали двое мазуриков — кто их настиг в двадцати верстах от столицы? Все он же, главный сыщик. Появился в лучших домах Петербурга мошенник, за князя себя выдавал — кто его на чистую воду вывел? Опять же главный сыщик. Фальшивомонетчики прятались в подвалах, убийцы норовили скрыться, наклеив фальшивые бороды (мало ли было всяких историй!), и всюду сыщик на манер козырного туза всех кроет. Ордена ему жаловали, в чинах повышали; был такой случай, что царю докладывали и тот не пожалел золотой табакерки, усыпанной бриллиантами. А тут, накося, опростоволосился. Стыд!

Заперся сыщик у себя в кабинете, никого не велел пускать и стал кофий пить и думать.

И ведь надумал.

Облачился в самый что ни на есть парадный фрак, все ордена нацепил, ленту через плечо и является к послу.

Лакей-старик ему сообщает:

— Граф не изволят принимать. Больны-с.

Сыщик приказывает:

— Доложи, любезный, что прибыл я касательно украденного сервиза.

Старик аж обомлел и бегом в спальню к послу.

Через минуту граф сам вышел. И первый его вопрос был:

— Нашли?

Сыщик глазом не сморгнул. Говорит:

— Почти. Напал на след. Сервиз воры спрятали, ждут, пока скандал утихнет. Но я все знаю. Хорошо бы иметь черепок от какой-нибудь вещи из сервиза.

— Это, — отвечает посол, — с полным нашим удовольствием.

И предъявляет тарелку.

— Вот, — говорит, — край у нее отбит был, так я склеивал, поэтому она в кабинете лежала, а не в шкафу под стеклом.

Сыщик взял тарелку.

— Разрешите, ваше сиятельство, я ее с собой захвачу, мне легче будет опознать сервиз и уличить воров.

Посол, конечно, согласился, но тут же заметил, что через месяц собирается совсем уезжать из России и, по совести говоря, уже не верит, что пропажа может отыскаться.

— Что вы, что вы! — стал его успокаивать сыщик. — Будьте благонадежны, получите свой сервиз в целости и сохранности ровно через три недели.

И что же ты думаешь? Три недели прошло, и на пролетке подкатывает сыщик к дому посла, звонит, аж по всем комнатам трезвон пошел. Лакей открывает, не прежний старик, а другой, помоложе.

— Что, — говорит, — изволите?

— Принимай сервиз! Да осторожно переноси, — распорядился сыщик, а сам прямым ходом к графу-барону.

— Так, — говорит, — и так. Ночей не спал, за ворами гонялся. И настиг.

А лакей пакет за пакетом на стол ставит. Граф велел один пакет развернуть. Схватил тарелку — как есть та, что сыщик взял, только без трещинки.

Долго ее граф рассматривал, лупу вытащил, к окну подошел. Головой покачал от удивления, согласился:

— Точно, ничего сказать не могу.

Сыщик, конечно, каблуками щелк, граф ему руку протянул, поблагодарил. Попрощались они.

Только сыщик уехал, граф закричал лакею:

— Самый что ни на есть парадный фрак мне!

Нарядился — и во дворец. Там в тот день то ли бал, то ли прием какой назначили, и известно, что царь должен быть.

А царю уже доложили, что, мол, украденная драгоценность нашлась. Сыщик в героях ходит, министр всяческие ему милости оказывает, и уже готовят царский указ, что выражается ему высочайшее благоволение за особую распорядительность, оказанную при исполнении возложенного на него поручения.

Посол увидел царя, поклонился. А тот поманил к себе графа-барона.

— Довольны? — спрашивает.

— Очченно даже доволен, — отвечает посол. — Нарочно пришел поблагодарить и попрощаться, потому как настал срок уезжать из вашей прекрасной страны. И я не могу, — говорит, — удержаться, чтобы не выразить своего восхищения вашими замечательными мастерами. Всю жизнь я собирал фарфор и знаю, можно сказать, всю подноготную о каждой фабрике в каждой стране. Но о том, какие искусные мастера на русских фарфоровых фабриках работают, того, выходит, не знал.

В кулаках-то у царя сила была, а голова со слабинкой. Видно, не в ту пору его мать родила, не собрав разума, в свет пустила. Не понял он, на что ему посол намекнул.

— Я, — говорит, — так полагал, что вы меня, натурально, поблагодарить хотите за действия моего главного сыщика, а слышу, вы о каких-то мастерах распространяетесь.

Посол так это легонько, по-дипломатическому усмехнулся, чтобы царю не обидно показалось. Они ведь, дипломаты-то, — ты это из газет, поди, знаешь — хитрющий народ. Если положение трудное, такого туману напустят, не сразу и разберешься. Вот и граф-посол тоже. Вежливенько отвечает:

— Господином главным сыщиком я просто-напросто сражен. В сервизе у меня состояло десять тарелок. Одиннадцатую я дал господину главному сыщику для опознания, а двенадцатая была потеряна еще год назад в городе Неаполе. А господин главный сыщик вернул мне сервиз с двенадцатью тарелками. Разве это не чудо из чудес?

Царь смотрит на посла и все как есть понять не может. Одно уразумел: что посол доволен, — а ему только этого и надо было.

Посол опять кланяется:

— Соблаговолите принять уверение в совершенном почтении, искреннем уважении, и прочее, и прочее.

Ну, в общем, как дипломаты говорят.

С тем он из России и уехал.

А ты-то смекнул, в чем дело? Пропало десять вещей, а нашли двенадцать. Вот это сыщики, дошлый народ!

Главный-то сыщик с той битой тарелкой сразу к фабриканту Кузнецову, — Матвей Сидорыч в ту пору в Санкт-Петербурге находился. Потом они вместе поскакали на нашу фабрику.

Вот тут-то Матвей Сидорыч вызывает моего отца и просит:

— Арсентий, вырежь доски для печати, и как можешь скорей. И чтобы не отличить от образца.

Отец говорит:

— Месяц на такой мудреный заказ требуется.

Сыщик руками замахал.

— Две недели на все про все, иначе я труп.

Отец тогда не знал, что это за господин из Питера вместе с хозяином прикатил, ему что труп, что не труп — все едино. Он на хозяина косится. А Матвей Сидорыч такие ласковые слова стал говорить, каких рабочие отроду от него не слыхивали. И деньги посулил. Ну, не тысячу и не пятьсот рублей, это я, конечно, прибавил для блезиру, а четвертным поманил. Насчет государя императора, если уж прямой разговор, тоже ради красного словца вставил. Но коли рассудить здраво, то так оно и получается, будто царь просил. Ведь сыщику министр приказал ублаготворить посла, а министру — царь самолично.

Две недели не отходил мой отец от стола, резал узор на стальных досках. Прикорнет на часок — другой тут же и снова за работу. Вышло все тютелька в тютельку, как та тарелка. И марку немецкую отец поставил — не отличишь. Перевели рисунок, обожгли все как полагается и вручили сыщику — он у нас на заводе в доме управляющего с хозяином в карты играл, преферанс игра называется; я-то в ней не разбираюсь, а, говорят, занятная.

Сыщик как увидел сервиз — обомлел.

— Волшебство, — говорит, — истинное волшебство.

Повернулся к отцу и обнял:

— Хозяин тебе, Арсентий, четвертную назначил за труд. На еще от меня сотенную!

Это уж истинная правда, не прихвастнул.

И еще так сказал сыщик:

— Будешь в Петербурге, милости прошу ко мне в гости. Потому как спас ты меня, выручил из большой беды.

Кажется, сыщик — темная профессия, все с ворами да мошенниками якшается, а оценил мастерство русского рабочего человека. И не он один, вот что важно.

Был отец мой в столице у сыщика. Дом в два этажа, каменный, окна зеркальные, лест-

ница мраморная. Прочитал сыщик письмо, полученное из-за границы от посла, этого самого графа-барона:

«Привезенный вами сервиз — самая главная достопримечательность моей коллекции. Таких немецких сервизов, как у меня украли, на свете в разных музеях наберется, я знаю, четыре. А подобной искусной подделки, что сотворили русские мастера, нет ни у кого. И цена ему баснословная. Что же касается украденного сервиза, то он опять у меня. В краже был замешан мой лакей-старик. За сим примите уверение в совершенном почтении...»

И всякие там вежливые слова, как у дипломатов водится.

Свадебный подарок

Зовет меня в прошлом году Иван Владимирович, директор нашего фарфорового завода, и так это, вроде безо всякого подходца, спрашивает:

— А бывал ты, Павел Петрович, на Кавказе?

Я говорю:

— Хоть и бывал, а вроде меня там и не было. Завком путевку дал в Кисловодск. Я наши санатории и дома отдыха хаять не собираюсь: больные там поправляются. А я пусть и старик, а сердце у меня справное, к врачам не являюсь, и они мне визитов тоже не делают. В Кисловодске я впервые в жизни рубашку перед лекарем снял. И курорты мне ни к чему: по звонку встань, по рецепту ешь, да еще девушка в столовой несуразно тебя кличет: «Салфетка двести пятнадцать, вам садиться за тридцать шестой стол». А какая, извините, я салфетка, когда я рабочий, от роду шестидесяти лет?! Ищешь, ищешь место под номером, аж зло возьмет. Мне бы для отдыха куда-нибудь на речку, с плотов ершей поудить или в новые места отправиться да полюбопытствовать, как люди добрые живут: советская земля наша необъятная и по народам куда как разнообразна...

Директор деликатно меня останавливает.

— Отдых, — говорит, — ты, Павел Петрович, планируй так, как тебе вздумается. А сейчас я тебя для дела позвал. Получено серьезное письмо с Кавказа. Завод-де ваш, пишут, старый, заслуженный, в истории значится, а у нас предприятие новорожденное, навыков нет. Не командируете ли одного живописца? Ну, понятное дело, человека опытного и умелого, способного чему ни на есть научить молодых художников.

Вот,— продолжает директор,— посоветовался я с товарищами, и решили мы, Павел Петрович, предложить такую поездку тебе. Глубокие теснины Дарьяла, Терек воет во мгле, замок царицы Тамары и прочие красоты, как это в художественной литературе указано. Работа для тебя привычная — сиди да уму-разуму учи.

Напоследок еще и пошутил:

— Кроме зарплаты, пойдут командировочные, а ты живи, как на курорте, и ни тебе звонков, ни салфеток с номером.

Он тоже не без ехидцы мужик, директор-то. Отец его когда-то за одним столом со мной в живописной сидел, а сын, вишь, Менделеевский институт в Москве кончил. Образованный.

Я подумал, подумал да и согласился. Может, и верно, что путное выйдет, не мне судить.

О том, как ласково на Кавказе меня встретили, подробно распространяться не стану: все это к моей истории отношения не имеет.

Прожил на новом месте неделю: и верно, будто на курорте. Только выхожу как-то из проходной и вижу: ждет меня паренек. Невысокий такой, чернявый, улыбчивый. Поздоровался радостно, ни дать, ни взять старого приятеля после долгой разлуки нашел, и сразу в духан зовет.

— Очень, — говорит, — вы мне сумеете помочь.

Я сразу и растерялся: может, захотел парень от кошки лепешки — то, чего и дать не в силах.

А чернявый торопится досказать:

— Жениться надумал, а отец невесты откладывает свадьбу. Коли не поможете, — совсем беда и мне и моей Марианне.

При таком закруглении разве откажешь? Авось, вдвоем-то и сообразим что толковое. Одна головня и в печи гаснет, а две и в поле курятся.

Однако же я спрашиваю:

— Имя-то у невесты не кавказское, а вроде бы французское. Она что, одного с тобой народа?

И ответил он мне, братец ты мой, так, что у меня сразу интерес появился к парню.

— Я, — говорит, — из Дагестана. Зовут меня Гаджи. Есть у нас в горах такой аул Кубачи, там златокузнецы живут, ну, и я и Марианна тоже кубачинцы. А о французах не зря помянули. Слышал я такую легенду, будто в незапамятные времена то ли царь, то ли шах выписал с запада франков-ремесленников. От них вроде бы следы и остались.

О кубачинских ювелирах я давно осведомлен: не в темном лесу живем, а возле столицы. Музеи тоже, поди, посещаем с целью обогащения научных знаний в нашей области. И то ведомо, что кубачинцы узоры на золоте и серебре очень даже искусно режут.

А вот насчет того, какие у тех кубачинцев обычаи, о том, честно скажу, впервые услышал. Но для важности головой киваю: дескать, дело известное. Сам между тем чернявого Гаджи слушаю и размышляю. Живут люди в поднебесных местах, до больших городов далеко, а — на тебе — интересуются фарфором. В сакле, к примеру, три комнаты: мастерская, столовая и кунацкая для гостей. Одна стена снизу доверху завешана фарфоровыми блюдами и тарелками. Вроде как до революции у нашего фабриканта в его доме с колоннами.

Чернявый мой Гаджи рассказывает историю за историей.

Задумал, допустим, местный житель жениться. Не тут-то было, не спеши, друг любезный. Должен ты, как того кубачинский обычай требует, сначала дом украсить. И вот отправляется жених в дальний путь, ищет редкий фарфор, «антик» по-тамошнему. Бывало, что и за границу кубачинцы езживали. Магомед, отец Марианны, в Париж путешествовал, а один родич Гаджи два раза в Лондоне побывал. Денег с собой не брали — на свои руки надеялись. Ведь и то: ремесло пить-есть не просит, а само кормит. Кузнец что стукнул, то и гривна.

Родичу Гаджи посчастило и в России: на Сухаревском рынке в Москве приобрел удивительное блюдо. А Магомед опять тут как тут. Когда собрался жениться, это блюдо выменял: дал коня, восемь пудов пшеницы да пуд сахару.

Подивился я таким обычаям, но в душе, прямо тебе скажу, одобрил. Выходит, создают кубачинские мастера красивые вещи из золота и серебра, но понимают красоту и в фарфоре. Я-то фарфорист, мне это лестно.

Спрашиваю Гаджи:

— А чего же это Магомед свадьбу дочери откладывает?

Объяснил парень:

— Откладывает, можно сказать, из-за этого самого блюда, за которое он коня отдал. Гордится им очень. Много ценных антиков висит на стенах у других кубачинцев, а такого блюда нет. Я насчет свадьбы с Марианной Магомеду намекаю, а он у меня все выпытывает: «Что из антиков нового прибавилось?» Староето мое добро ему наперечет известно. И все советует: «Поищи, поищи, парень, чтобы нам на свадьбе не опозориться. Придут старцы, посмотрят и — страшно подумать — упрекнут: настоящих-то антиков, скажут, найти не сумели».

Слово за словом мне Гаджи все это и выкладывает.

— Что же ты, — говорю, — от меня-то хочешь, жених — бедовая головушка?

— Хочу, — отвечает Гаджи, — чтобы вы мне нарядное блюдо расписали и чтобы, увидев его, удивился Магомед и сердце его смягчилось.

Вишь чего загнул! Поди-ка догадайся, чем поразить старого ювелира, если он в антиках толк знает, по заграницам всего насмотрелся и сам за долгую жизнь немало разного добра накопил. Правда, отказ не обух, шишек на лбу не набьешь. Но и отказывать неловко. Да и задела просьба Гаджи. Неужто, думаю, я, фабричный-столичный, не справлюсь?

— Ладно, — говорю, — попробую!

И сразу — была не была — решил: напишу блюдо наподобие того, что мой дед Мефодий Васильевич создавал. А дед у меня личность необыкновенная. Изображал на чашках и тарелках сцены из крестьянской жизни — то косьбу, то хоровод. И цветы очень любил. Лет сто назад послал хозяин нашей фабрики его изделия в Петербург на мануфактурную выставку. Оттуда сразу запрос: что за мастер? Хозяин отписал: мол, такой-то, отличается поведением и знанием своего ремесла, живописью овладел на заводе, а ныне занимается обучением искусству способных к тому мальчиков. Ему, брат, недолго думая, за все выставленные работы золотую медаль и пожаловали. Так что знай наших!

А к тому дедовскому наследству надумал я прибавить еще и отцовское. Тут тоже есть что позаимствовать. Под конец жизни стал мой батя расписывать солями. Есть такой способ — наносить узор еще до того, как изделие покроют глазурью, то есть стеклянным блеском. Я эту премудрость от отца и усвоил.

Основу для рисунка взял дедовскую: русский пузатый вазон, и из него в три стороны диковинные цветы с пышными кудрявыми листьями, вроде тех, что встречаются на басмах из фольги — рамках на древних иконах.

Дерзко думал: а ведь и в самом деле повторю дедову работу. Одно его блюдо у нас в заводском музее на почетном месте красуется, а другое дяде моему досталось. В старых-то семьях фарфористов иной раз такие ценности сыщешь, что всем музеям на зависть.

Днем, следовательно, я молодых мастеров учу, а попозже часа два, а то и три сижу над блюдом кубачинцу. Гаджи каждый вечер у

проходной меня ждет, в духан тянет. Но я после первого раза туда ни ногой.

До времени, понятно, и блюда своего не показываю.

Но вот появилась вещь из последнего обжига. Поверх глазури я матовым золотом нарисовал кубачинские узоры. Про них мне как-то сам Гаджи рассказал: они из веточек с цветами, называются «москов накыш», в переводе означает «московский рисунок». И нанес я это на блюдо с добрым умыслом: кубачинцы узор русским именем назвали, а москвич на русском блюде ему почетное место отвел.

Как, значит, выполнил я все, что сам себе предначертал, директор завода увидел блюдо и стал меня улещать:

— Продай для заводского музея.

И назначил куш немалый.

Ну, я, конечно, прощения попросил. Так, мол, и так, по обещанию сделано. И про Гаджи помянул.

Директор не стал настаивать: они там, на Кавказе, обычаи друг друга знают и уважение питают.

— Если, — говорит, — свадебный подарок, то ничего не пропишешь.

Вынес я блюдо, отдаю Гаджи.

Ожидал, что обрадуется. А тут вижу — побелел весь, будто гипсовый стал. Губы дрожат. Потом повернул блюдо обратной стороной, где я подписался для приличия, как, бывало, и дед и отец мой делали. И вздохнул.

— Так! — говорит.

И кинулся обнимать.

Благодарил меня долго. Деньги предлагал. Я не взял: разве подарок на рубли оценишь? Стал Гаджи меня звать к себе в аул Кубачи. Поначалу я было в смех: куда это меня понесет на два километра в облака, что я, комсомолец или турист какой? Мне бы поездочку по ровному месту. А он: едем — и конец. И уверяет:

— Это мне позор перед всем аулом на вечные времена, если я такого мастера с нашими граверами не познакомлю.

Я и решился: коли зацепил он меня, пусть волочет. Командировка выполнена по всем статьям, я теперь вольный казак, могу целый месяц путешествовать, куда душа просит. А душа, будто молодая, запросила: поедем в Кубачи.

Ну и поехали. Сначала поездом, а потом машинами.

Дорожка, я вам скажу, как в кино. «Победа» дошла до какого-то аула, и дальше ей пути нет. Гаджи раздобыл «козлик»-вездеход, и вот скачем мы с горы на гору — то выше облаков, а то речки вброд одолеваем. Мотор с натуги аж подвывает, но человеку все ж покоряется. Шофер бормочет, то ли сохранную молитву читает, то ли нас честит на все корки, что впутали его в такую поездку. И то сказать: боязно. Кругом обрывы. Сорвешься — тут тебе и жизни с ноготок.

Долго ли, коротко ли так ехали, а все же добрались. Слева высоченная зеленая гора, справа другая — вся в саклях. Аул построен, как ласточки гнезда вьют: глиной сакля к сакле прилеплена. Сосчитал — в шестьдесят этажей строения, одно над другим. К примеру, крыша дома — это дворик верхнего соседа. Захочешь и от самой лощины, от родников, вприпрыжку по домам доберешься до верхотурья, к развалинам башни Дворца богатырей.

Идем мы меж саклей. Хочешь верь, хочешь нет, улиц никаких не обнаружили. То по тупичку шагаем, то невесть куда, во тьму кромешную ныряем, а как вынырнули — на крыше оказались. Вниз глянул — люди всюду, как мураши, — это они на меня любоваться высыпали: дальние гости Кубачам в редкость.

Завернули мы, поди-ка, десятый раз за угол. Вижу, выходит из сакли старая женщина. И накинута на ней снежной белизны тонкая шаль с золотым шитьем и золотыми кистями. Смотрит смело и прямо, улыбается, руку мне протягивает и враспев так говорит на самом ясном русском языке:

— С приездом. Как после дороги себя чувствуете?

Я шепчу Гаджи:

— Это твоя мать?

А он головой качает: нет, мол.

«Ох ты, елки зеленые! — думаю я. — Забрался в поднебесные горы, а так встречают!» До того удивился, что не сразу и ответил старушке. Потом бормочу «спасибо», а старушки и след простыл.

Минуту спустя другая женщина поздравляет с приездом, как друга, как родного. А сама, заметь, впервые меня в глаза видит. «Ну, — думаю, — чудеса!»

В доме Гаджи пробыли мы недолго. Увидел я над очагом такую резьбу по камню, что хоть бери весь камин и тащи в музей. Одна стена в кунацкой увешана фарфоровыми блюдами и тарелками, в точности, как мой чернявый Гаджи об этом рассказывал. Тут и наши старые изделия — гарднеровского или императорского заводов, и немецкие с голубыми мечами на донышке, и старые французские с двумя витыми литерами Севрского завода. И куда ни кинешь взгляд — все в узорах, все красиво. Поверишь: лежит поварешка, а пригляделся — мать честная, — дырочки-то узорные! Не утерпел я, поинтересовался у Гаджи:

— Растолкуй, что это за диковинка?

Оказалось, печать для лепешек. Кубачинец уходит в горы, где у него стадо, и у костра печет лепешки. И там он не хочет расставаться с любимыми узорами. Гравированный хлеб... Ты признайся: об этом слыхал когда?!

А Гаджи уже мое блюдо под мышкой держит.

— Идем, — говорит, — Магомед нас ждет. Ясно, к невесте торопится.

Спустились мы по каменной лестнице и снова начали нырять меж саклями. Луна взошла, свет зеленый, будто в театре. Ну, сказка!

Пришли к Магомеду. Вижу, паренек мой робеет, но говорит все-таки, как это у них полагается по обычаю:

— Мой отец умер. Если бы в сакле у меня был старший, он бы привел к тебе, почтенный Магомед, моего дорогого гостя. А сейчас я это делаю сам. Гость расписал то драгоценное блюдо, которое я принес и хочу показать.

Встал Магомед и тоже по обычаю ответил:

— Твой гость — мой гость!

Пока там женщины готовили угощение, раскатывали лепешки для бараньего супа, «хинкала», Гаджи поставил блюдо на ковер. Вот блеснуло оно под светом лампы, засверкали краски, засияли золотые веточки и цветки «москов накыш». Сразу заметил я: Магомеда оно поразило. Метнул он взгляд на меня, на Гаджи, стал рассматривать блюдо, потом подошел к стене, увешанной антиками, снял одно свое блюдо и осторожно положил рядом с моим. Теперь настал черед мне удивляться. Смотрю и глазам не верю: лежат на ковре два блюда-близнеца, только мое все ж понаряднее и побогаче от золотых-то узоров «москов накыш». А то блюдо, что снял со стены Магомед, — это работа деда моего, Мефодия Васильевича. И не подделка, не копия, а самая что ни на есть полная достоверность. Оно! То, что у дяди висело. Я для полного убеждения посмотрел на донышко — дедовы имя и фамилия написаны. Вспомнил тут, что говорили у нас в поселке, будто продал дядя блюдо, когда изба сгорела. Помощи-то в старые времена не от кого ждать было.

Старик меж тем снова копошится над моим блюдом. А я поймал взгляд Марианны. Она стояла тут же — красавица из красавиц! И смотрела, братец ты мой, — эхе-хе, годы мои не те! — с такой благодарностью, что я подумал: ну, старик, дело на мази, не зря ты трудился, кажется, отец теперь свадьбу откладывать не станет. И верно: Магомед налил вина в рог с серебряной насечкой да кубачинской чеканкой и чернью и поднес его мне. И такой заздравный тост тут же сочинил:

— Гаджи выполнил обычай предков и нашел к свадьбе драгоценное блюдо. Он добился чести, и большой русский мастер почтил нас и приехал в Кубачи. Я без боязни отдаю дочь Гаджи. Выпейте, друг мой Павел, благословенное геджохское вино, и я выпью вместе с вами за ваше здоровье, за мастерство, которое у нас в Кубачах умеют ценить.

Я прожил месяц в этом ауле, весь свой отпуск. Раньше не хотелось покидать друзей. Да я и знал: уеду, не погостив, — все разобижу. И на свадьбе у Гаджи и Марианны пировал. Видел, как девушки и женщины веселились и старушки ни в чем им не уступали. Видел, как кубачинские парни танцевали в старинных доспехах и железных масках. И как почтенные мастера улыбались, глядя на них. Но если еще и об этом обо всем подробно рассказывать, — целого вечера не хватит.

Про Кубачи-то ты и от других кое-что узнать можешь. А вот про блюдо, кроме меня, никто не знает. Разве туда, в аул, доберешься!

А что в самом деле? Попытайся, не раскаешься.

ХЛОПОК + ГАЗ

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото Дм. Ухтомского.

Какое платье красивее — ситцевое или из капрона? Странный вопрос! Безусловно, ситцевое платье менее нарядно. Оно выцветает на солнце и линяет от стирок. Каждое утро, перед тем как надеть, его надо тщательно прогладить: уж очень оно мнется. И носят ситцевое платье, как правило, не дольше сезона: оно быстро теряет вид, снашивается. Однако если вы летом отправляетесь в экспедицию или едете в жаркий день за город побродить по лесу, позагорать, то, несмотря на все положительные качества капрона, вы все-таки предпочтете «старый, добрый» ситец. Уж очень жарко и душно будет вам в капроне. У ситца есть еще одно неоспоримое преимущество: он во много раз дешевле капрона.

А как создать материю, обладающую положительными качествами и естественного и искусственного волокна?

Над созданием такого волокна работают сейчас ученые.

В Ташкенте, в Институте химии полимеров Академии наук Узбекской ССР, мы познакомились с двумя из них: членом-корреспондентом Узбекской академии Хамдамом Усмановичем Усмановым и его аспирантом Убайдуллой Азизовым.

Все знают, что сахар — очень непрочный продукт. Стоит на кусочек сахара накапать воды или положить его во влажное место, как он развалится, растает. В целлюлозу хлопка входит та же самая группа углеводов, из которых состоит сахар. Может ли быть прочным материал из сахара? Конечно, нет. Поэтому-то ткани из хлопка мало носятся, быстро разрушаются от воды и света, плохо принимают краску. И всему виной эта непрочная «сахарная» группа. Ученые нашли способ изменить свойства хлопкового волокна. Они «выманили» из молекулы волокна эту группу и частично заменили другой, с новыми, нужными свойствами. Сейчас при содействии Института химии полимеров Узбекской академии на Ташкентском текстильном комбинате выпущены сотни метров такой цианэтилированной ткани. Она прекрасно окрашивается, прочна, гнилостойка и немногим дороже обычной «хлопчатки».

Изменить качества хлопкового волокна, облагородить его, придав ему новые свойства, можно несколькими методами, в том числе методом «привитых полимеров». Хамдам Усманович Усманов и Убайдулла Азизов «прививают» к молекуле хлопкового волокна цепочку полимеров, обладающих нужными свойствами, как опытный садовник прививает к яблоне-дичку чудесный сорт нежных садовых яблок.

По своей природе целлюлоза очень несговорчива и в химические реакции вступает с трудом. Но и эту упрямицу можно уговорить. Особенно успешно действует озон. Он заставляет целлюлозу вступить в реакцию, а при нагревании молекулы ее частично разрушаются, в них образуются свободные места — свободные валентности, куда мгновенно присоединяют цепочку других полимеров. Так можно к целлюлозе хлопкового волокна «привить» химическую частицу нитрона — искусственной шерсти — и получить дешевый материал, очень похожий по своим свойствам на шерсть, «привить» химическую частицу синтетического шелка и получить блестящий прочный материал, похожий на шелк.

Оказывается, не только озон может заставить целлюлозу вступить во всевозможные реакции. Облучив ее гамма-лучами, можно активизировать ее действия и привить к ней нужные полимеры. Вот эта работа и составляет основу кандидатской диссертации Убайдуллы Азизова.

— Посмотрите!

Молодой исследователь вынимает из ванны с краской два мотка ниток. Нитки в одном мотке мягкие и пушистые, чистого малинового цвета, в другом — без единой ворсинки, блеклые, грязновато-сиреневые. Секрет в том, что одно волокно, превратившееся теперь в яркие пушистые нитки, Убайдулла облучал гамма-лучами и прививал к нему акрилнитрил.

— Наша работа,— рассказывает Хамдам Усманович,— основана на комплексном использовании хлопка и природного газа, как раз на том, о чем говорилось на июньском Пленуме Центрального Комитета партии. Все «добавки» к целлюлозе, полимеры, которые мы прививаем, на 99 процентов получены из природного газа. Хлопок плюс природный газ — основа работы нашего института. Ведь не случайно создали его в Узбекистане — богатейшей стране хлопка и природного газа...

А вот совсем новая работа. Ученые борются с одним из самых неприятных недостатков хлопчатки — сминаемостью.

Все знают, сколько неприятностей доставляет людям это свойство хлопчатобумажных тканей. Ведь часто бывает так. Девушка и юноша пошли в парк. Было жарко, и он надел хорошо отутюженный полотняный костюм, она—хорошенькое подкрахмаленное ситцевое платье. И вдруг с почти ясного неба пролился короткий летний дождь. Молодые быстро добежали до беседки под крышей и сели на скамейку. Однако веселые капли успели побрызгать их одежду.

И что же? Нарядного вида как не бывало. Так старательно отутюженная складка на брюках разошлась, на коленях собрались некрасивые морщины, будто брюки никогда и не гладили. Не лучше стало и ситцевое платье девушки. Праздничное гулянье было испорчено.

Попробуем подглядеть процесс, который происходит при носке ткани. Молекулы ткани «живут», «дышат» и постоянно двигаются относительно друг друга, как муравьи в муравейнике. Это скольжение молекул и есть причина сминаемости материала. Как уничтожить сминаемость? Для этого надо соединить молекулы как бы легкими подвесными мостиками. Они связали бы их и в то же время позволили им «дышать», сохранили некоторое движение, придающее ткани эластичность. Одежду из такого материала не надо будет даже гладить. Выстирал, высушил и надевай! Как капроновую блузку.

— Тут интересна еще одна сторона вопроса,— говорит Хамдам Усманович.— Уничтожая сминаемость, можно одновременно придать ткани и совсем новые свойства: теплостойкость и даже негорючесть. Применение таких материалов не заставит долго ждать: комбинезоны, различные покрышки, спецовки для рабочих, легкие пожарные костюмы и — это тоже очень важно — красивые и легкие передники для домашних хозяек...

Не только для создания новых красивых материй хлопок и природный газ протягивают друг другу «братскую руку». Хлопчатник, кроме волокна и масла, дает еще тысячи и тысячи тонн хлопкового пуха, стебля, шелухи хлопковых семян. Оказывается, если соединить эти отходы с природным газом, можно получить массу ценнейших вещей: ацетатный шелк, очень прочный, необходимый в разных видах промышленности, пластмассы, кинопленки, мастики, клеи, лаки...

Абдукадыр Абдувалиев в лаборатории.

Сейчас на Ташкентском лакокрасочном заводе испытывается интересное изобретение молодого сотрудника этого института Абдукадыра Абдувалиева.

Абдувалиев — свой человек на заводе. После окончания техникума он проработал тут несколько лет. Абдукадыр видел, сколько ценнейших пищевых продуктов «съедал» завод ежегодно. Он «выпивал» одного хлопкового масла около 5 тысяч тонн! Но полученные материалы — лаки, клеи — были совсем не безупречны. Они не выносили жары, лопались при высоком давлении, разрушались от воды и света. Абдукадыр видел, как при бурении нефтяных скважин почти каждые полгода приходилось менять кабель: изоляционные покрытия проводов не выносили высокой температуры.

Может быть, поэтому, поступив в аспирантуру Института химии полимеров, Абдукадыр стал работать именно в этой области. Он нашел один из заменителей хлопкового масла, идущий на производство лаков и мастик. Это был новый полимер, родившийся от шелухи хлопковых семян и природного газа. Назвали его полисильваном.

Полисильван придает лакам и другим покрытиям водостойкость, светостойкость, способность выдерживать высокие давления и температуры. Теперь не надо будет при бурении нефтяных скважин часто менять кабель: полисильван продлит сроки его службы.

...Институт химии полимеров — еще младенец, он создан лишь в январе этого года, но, судя по первым работам, хлопок и газ помогут ему вырасти богатырем.

Профессор Хамдам Усманов и его аспирант Убайдулла Азизов.

А скороварки все нет...

Хорошо ли вас обслуживают?

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото Г. Санько.

Электросоковыжималка и электровафельница — новые электрические приборы...

Простую соковыжималку показывает Алла Нилова.

В отверстие бункера закладывается кусок очищенной свеклы, и через несколько секунд по наклонному желобу в подставленный стакан стекает темно-вишневая струя, терпкая, как молодое грузинское вино... Никаких усилий и никакого вмешательства человеческих рук! Все делает электрический ток. Так работает электрическая соковыжималка, выпущенная заводом «Металлоизделий» № 2. Она, кстати, демонстрировалась в Брюсселе.

А вот другая конструкция, попроще. Тут уже надо прикладывать свою собственную силу, и, конечно, производительность несравнимая. Зато и стоит она раз в шесть дешевле.

На столах рядом — вибрационные стиральные приборы, пылесосы, швейные электрические машины различных заводов и моделей, специальные приспособления и ножи.

— Как пользоваться вибрационным аппаратом «ВСП-1»?

Представитель завода включает прибор, и вот уже аппарат, погруженный в ведро с водой и бельем, заработал.

Покупатель придирчиво смотрит, отходит, потом опять возвращается. Наконец он решается — достает деньги.

Наглядная демонстрация приборов и машин в работе убеждает каждого. И правильно поступили в магазине № 109 Мосхозторга, когда, открыв выставку-продажу товаров, облегчающих труд женщин в быту, показали эти товары в действии, пригласив покупателей на разговор: что удобно, а что неудобно?

Результат не замедлил сказаться: за десять дней было продано, например, 50 электросоковыжималок.

Самые горячие споры и обсуждения вызвал тут так называемый кухонный комбайн — «УКМ». Обязанностей у него много, и справляется он с ними фантастически быстро: за три минуты — аккуратненько, так, что хозяйка не придерется,— чистит два килограмма картофеля, или свеклы, или моркови; за это же время он вымешивает два килограмма какого хотите теста; или приготавливает полтора—два стакана любого сока; или прокручивает в нежный фарш даже самое низкосортное мясо. Кроме того, кухонная машина может шинковать и резать разные овощи, молоть кофе, приготавливать хрен, кремы, муссы. Словом, эта универсальная электрическая кухарка — целое сокровище для хозяйки.

Как ни хороша «УКМ», выпускаемая Пресненским машиностроительным заводом, но главному конструктору ее, Т. Г. Гринбергу, пришлось в магазине яростно защищаться.

— Почему нет терочного приспособления для терки картофеля под оладьи? Раз комбайн, так должен все делать!

— Нельзя ли мясорубку обеспечить несколькими ножами?

— Почему сосуд тестосмесителя из стекла? Он может разбиться, а вещь-то дорогая.

Но самое главное, к чему сводились упреки покупателей в адрес «УКМ»,— это ее стоимость. Девятьсот пятьдесят рублей стоит комбайн. Надо надеяться, что усовершенствование технологии производства универсальной кухонной машины позволит снизить и ее цену и несколько уменьшить ее размеры.

Не успела появиться в числе новинок овощерезка с пятью дисками, как строгий потребитель тут как тут. «Самый мелкий диск плохо работает. Овощи в нем застревают. Кроме того, овощерезка малоустойчива и слишком низко посажена. Ее не приспособить к емкой посуде»,— записано в книге отзывов о выставке в адрес завода «Красный штамповщик».

«Давно не было чугунных ступок. Появились наконец. Очень хорошо. Но весит ступка... четверть пуда. Нельзя ли облегчить ее раза в полтора—два?» Справедливое требование, и надо думать, что ленинградский завод примет его к сведению.

Или еще: «Комбинированные мясорубки производства предприятий Мосгорсовнархоза никуда не годятся. Мясо с жилками не прокручивается. Тесто для печенья тоже нельзя провертывать. Очень неудобно, что винт находится впереди, а не сзади, на ручке. Обыкновенные старые мясорубки были лучше».

Кстати, об этих самых старых мясорубках. Купить их довольно сложно, завозятся они с Урала.

Странно, что Мосгорсовнархоз не может удовлетворить спроса москвичей на эту довольно нехитрую машину, которую знали еще наши прабабушки!

Но больше всего претензий у покупателей к тому, чего нет. Бесспорно, ассортимент приспособлений, механизмов и машин, облегчающих домашний труд, расширяется. Все время появляется что-то новое и для кухни, и для уборки помещений, и для других бытовых нужд. Однако спрос удовлетворяется все еще далеко не полностью.

В свое время на совещании, созванном журналом «Огонек», Всесоюзной торговой палатой и Главхозторгом Министерства торговли СССР, обсуждался вопрос о скороварках. Прошло три года. И все же этой простой и нужной кастрюли, берегущей наше время, в продаже нет.

— Скороварки рекламировались в журнале «Новые товары» еще в 1957 году. Где же они? — недоумевали покупатели, приглашенные в магазин на выставку.

— Мы хотим знать: когда же наконец появятся скороварки и эмалированные пароварки для приготовления пищи на пару? — спрашивал инженер Баринов.

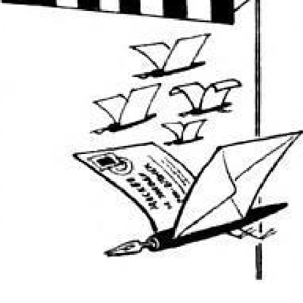
— Очень нужны валики для отжима белья. Их делают почему-то только в Риге, но нельзя же из-за валиков ехать туда! — справедливо возмущалась домохозяйка Панова.

Вспоминали и про так называемые «мелочи». Чего проще, к примеру, сделать ситечко-душик, которое можно надеть на бутылку с водой, для сбрызгиванья белья при глаженье? Мелочь, но удобно. А куда девался универсальный консервный нож?

Перечень «нет» и «почему» оказался весьма солидным. Выставка-продажа показала, что тут работы если и не непочатый, то, во всяком случае, мало освоенный край.

«ХОРОШО ЛИ ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ АЭРОПОРТЫ?»

Этому был посвящен изорепортаж, опубликованный в журнале «Огонек» № 31. Начальник Главного управления Гражданского воздушного флота генерал-полковник авиации Е. Логинов пишет нам, что факты, приведенные в «Огоньке», подтвердились.

Всем начальникам территориальных управлений и командирам авиагрупп Аэрофлота приказано проверить обслуживание пассажиров в аэропортах и принять меры к устранению серьезных упущений, указанных в журнале. Особо было обращено внимание начальников Московского управления транспортной авиации тов. Симонянца, Украинского территориального управления тов. Бебешко, командира Уральской отдельной авиагруппы ГВФ тов. Барабохина на плохое обслуживание пассажиров в аэропортах.

Тов. Е. Логинов сообщает о том, что, в частности, предпринимается для улучшения работы в аэропортах Киева, Свердловска, Челябинска, в Московском городском агентстве Аэрофлота, о которых шла речь в репортаже.

Главное управление Гражданского воздушного флота совместно с партийными и профсоюзными организациями проводит всесоюзный общественный смотр обслуживания пассажиров в аэропортах.

КРАСОТА ИЗ СТЕКЛА

Просто удивительно, что там, где происходят какие-нибудь чудеса, всегда есть стекло!

В далекие времена стекло было драгоценностью; потом появляются стеклянные окна, через которые врывается в дом свет; пробирка и реторта дают новые возможности химии; электрическая лампочка осветила ночь; линза приблизила к нам неизвестные миры; экран телевизора — сам по себе одно из последних чудес. И все это сделал человек, применив стекло.

Стекло имеет давнюю традицию. Знают его и древняя Азия, и Египет, и Рим...

Чехия стояла в центре культурной жизни стран старой Европы, а в области использования стекла часто превосходила их. Так, уже в XII столетии чехи широко используют в архитектуре витражи. Сохранилось письмо папы Пия II, относившегося недружелюбно к гуситской Чехии, в котором он с удивлением отмечает, что «в данную эпоху в Европе не существует королевства, где бы окна храмов были лучше украшены и были бы более красивы, чем в Чехии...»

Чешским стеклом украшены столы царских дворцов во многих странах. Стекло еще зеленовато, в нем много пузырьков воздуха. Это несовершенство, отвечающее средневековому уровню знаний в области химии и техники, для современного человека полно таинственного очарования.

Чтобы стекло не выскальзывало из рук, его всегда украшали всевозможными выступами. Эти грани, нанесенные вначале просто в силу необходимости, но сделанные с большим вкусом, создали удивительные декоративные украшения на стекле.

В эпоху Ренессанса был найден новый стекольный материал, кристально прозрачный и совершенный по пластике. Мир получает от венецианских стекольщиков сказочно красивые кубки, бокалы, чаши, люстры, зеркала, сделанные с абсолютным для того времени совершенством.

Чешские стекольные печи не потухли, они продолжают работать на новом стекольном материале. Чистота стекла уже достигнута, но пластичность все время разная. Однако ни одна работа не остается без последствий. В печах возникает новое стекло — чешский хрусталь, прозрачный, белый, твердый, как природный хрусталь, с большим преломлением света. Новые свойства дают и новые возможности.

В XVII столетии англичане создали изумительно сверкающее свинцовое стекло; однако чешские стекольщики нашли его рецепт и придали ему своеобразный характер — появилось знаменитое чешское граненое стекло, которое становится символом стекла во всем мире.

И это уже не только стекло королей — оно становится неотъемлемой частью каждого домашнего хозяйства, без него немыслим семейный уют.

Так, казалось бы, просто выглядит история чешского стекла вкратце. Конечно, действительность была много сложнее...

Чешское стекло всегда было современно. И теперь люди, которые творят из стекла, стремятся, чтобы оно естественно входило в жизнь: удобно расположилось в новых интерьерах комнат, где соответствовало архитектуре и мебели, чтобы украшения для женщин не расходились со стилем причесок и с модами платьев. Заботятся мастера о форме и фактуре технического стекла: оно тоже должно радовать людей, которые в своей работе будут применять изделия из него.

Обо всем этом: об истории стекла, о современном его использовании — наглядно рассказывает выставка чехословацкого стекла.

И всем, кто любит и ценит стекло Чехословакии, очень приятен успех выставки у требовательных советских людей.

Рене РОУБИЧЕК

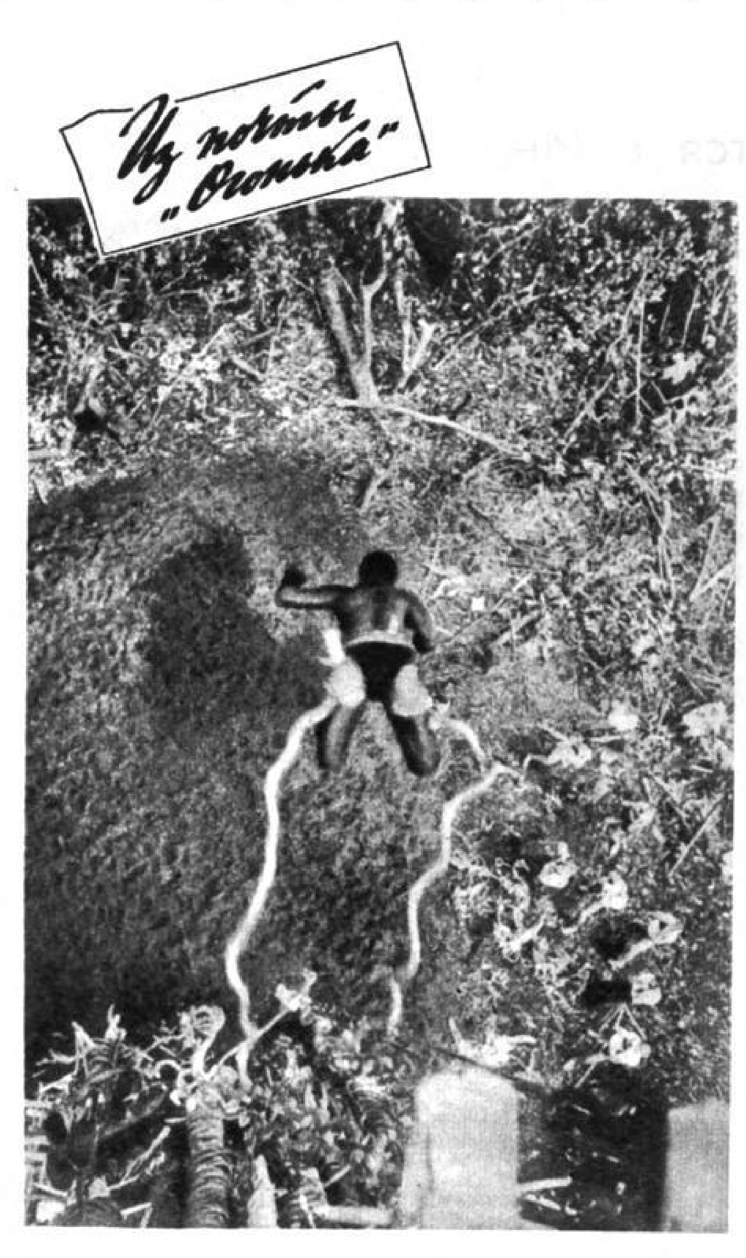

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Из почты «Огонька»

Прыгуны с лианами

К северо-востоку от Австралии, в Тихом океане, разбросана группа островов вулканического происхождения — Новые Гебриды. Острова эти холмистые, покрытые богатой тропической растительностью. Здесь происходят ежегодно необычные спортивные состязания. Выбрав подходящий склон холма, туземцы расчищают джунгли, вскапывают землю, тщательно выбирая из нее камни и корни, после чего растирают землю между пальцами. Оставив на расчищенной площадке дерево повыше, обрубают все его ветви, кроме верхних, на которые ставят помосты для прыжков.

Теперь представьте себе следующее. На самом верху двадцатипятиметрового сооружения появляется полуголый человек. Человек делает несколько шагов по нависшей доске и бросается вниз головой. Восторженные крики зрителей говорят о том, что бесстрашный прыгун, живой и невредимый, стоит на земле.

Как же это получается? Прыгун привязывает к лодыжкам ног концы длинных лиан, прикрепленных к доске-трамплину. В то мгновение, когда голова смельчака почти касается земли, лианы натягиваются до отказа и потом действуют, как пружина.

В соревнованиях участвует десятка два — три прыгунов. На вышке устанавливается столько же досок-трамплинов. Первыми прыгают дети, потом юноши и молодые мужчины. Если кто-нибудь, убоявшись, отказывается прыгать, за него непременно должен прыгать другой.

Народное предание гласит, что начало этим необычным состязаниям было положено такой историей. Некая женщина убежала от своего мужа с другим мужчиной. Спасаясь от погони, она забралась на вершину кокосовой пальмы. Обманутый муж, вскарабкавшись вслед за ней, хотел было схватить беглянку, но в это мгновение женщина бросилась вниз и была такова. Оказалось, что жива и здорова она осталась потому, что к лодыжкам ее были привязаны лианы, прикрепленные другими концами к дереву.

Смелость женщины поразила всех, но мужская гордость, и без того задетая, была уязвлена, и мужчины сказали себе: «Все, что умеет женщина, мы сумеем лучше». Сказано — сделано. С тех пор и повелось, что мужчины доказывают свою храбрость, прыгая с высоких деревьев.

Если лианы, привязанные к доскам-трамплинам, выпрямить, то они не достанут до земли примерно метра на два. Точно рассчитать длину лиан в каждом отдельном случае — вопрос жизни или смерти. Слишком длинные лианы не смогут сдержать удара, и прыгун сломает шею. Если лианы будут чересчур коротки, прыгун вывихнет себе ноги. Между тем скорость падения каждого из прыгунов различна, как различны и натяжения лиан. Поэтому, восхищаясь мужеством и отвагой прыгунов с Новых Гебридов, следует отдать дань их инженерному искусству и математической точности расчетов.

В. КУЗНЕЦОВ

Ленинград.

НОЧНАЯ МОЛНИЯ

г. Ахтырка, Сумской области. Фото А. Деревянко.

Танец ежа

Был жаркий летний день. В лесу все притихло. Только синицы копошились в зеленых кудрях берез да прыткие ящерицы шуршали в прошлогодней листве. Выбирая кратчайший путь через лес, я натknулся на ежа, который спешил к проселочной дороге. Колючий охотник, видимо, проголодался и, не дождавшись ночи, вышел поохотиться днем. Я решил проследить за охотничьим маршрутом зверька.

На перекрестке дорог еж круто повернул влево и остановился. Он почуял крупную добычу. Вблизи от него, на бугорке у самой дороги, свернувшись в клубок, лежала черная змея. Это была довольно крупная гадюка, принимавшая солнечные ванны.

Заметив ежа, змея насторожилась и приготовилась к обороне. Но что такое? Четырехногий охотник вместо нападения стал заигрывать с гадюкой. Он не спеша обошел ее, потом остановился и стал фыркать. Змея, как зачарованная, не трогалась с места и только пристально следила за действиями ежа, поворачивая голову и часто высовывая язык. Зверек сделал еще один круг около змеи и неожиданно пустился в пляску: он прыгал, кружился на месте, становился на задние лапки, топал ногами, фыркал, кувыркался.

При этом нетрудно было заметить, что танец ежа нагонял страх на гадюку. Казалось, она была готова в любую минуту скрыться от танцора, а пока терпеливо выжидала удобного случая. И такой момент наступил: с высокого дерева с шумом свалился толстый, но гнилой сук, краем задев ежа. Зверек, прервав танец, отскочил в сторону.

Гадюка моментально развернулась и торопливо поползла в кусты. Но еж успел схватить змею за хвост, торчащий из норы, и вытащить ее из подземного убежища. Гадюка извивалась, шипела. Но было поздно...

Оказывается, танец ежа имел отнюдь не развлекательную цель. Зверек просто старался спугнуть змею, так как ежи обычно нападают на движущуюся добычу и любят лакомиться «живым» мясом.

Ф. СМИРНОВ

Москва.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Фото П. Жаворонкова.

УЛИЦА ПРОХЛАДЫ

Садоводы Ялты в этом году приложили много усилий для озеленения города. «Улицей прохлады» можно теперь назвать самую солнечную Платановую улицу.

А. МИХАЛКОВ

Короткие сказки

Ф. КРИВИН

Лесные припевки

Барабанная Палочка не захотела делить славу со своими коллегами и сбежала в лес, чтобы организовать там оркестр под собственным руководством.

Но в лесу не оказалось настоящих музыкантов. Удручающую бездарность и безвкусицу проявляли соловьи и другие пичуги, все, за исключением Дятла, очень душевно и талантливо исполнявшего лесные припевки на своем удивительном инструменте.

Яблоко

Яблоко пряталось среди листьев, пока его товарищей срывали с дерева. Ему не хотелось попадать в руки человека.

«Попадешь, а из тебя еще, чего доброго, компот сделают! Приятного мало!»

Но и оставаться одному на дереве — тоже удовольствие небольшое. В коллективе ведь и погибать веселее.

«Так, может быть, выглянуть? Или нет? Выглянуть? Или не стоит?»

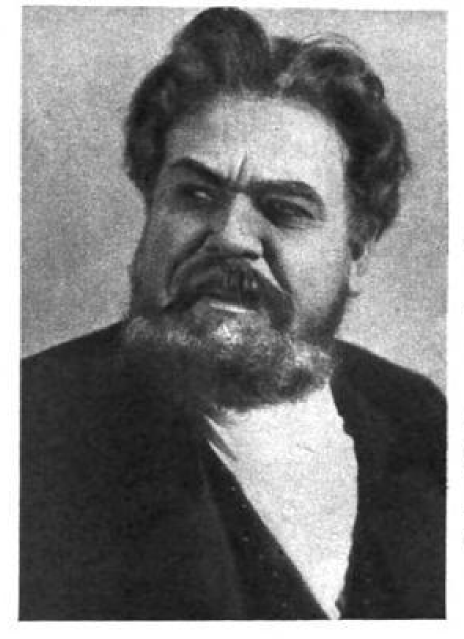
Яблоко точил червь сомнения. И точил до тех пор, пока от Яблока ничего не осталось.

Несправедливость

«Работаешь с утра до вечера,— сокрушался Здоровый Зуб,— и никакой тебе благодарности! А Гнилые Зубы — пожалуйста: все в золоте ходят. За что, спрашивается? За какие заслуги?»

Ужгород.

СПЕКТАКЛЬ «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ» В КУЙБЫШЕВЕ

← Куйбышевский драматический театр 12 сентября начал театральный сезон спектаклем «Дело Артамоновых».

Инсценировка романа принадлежит куйбышевскому литератору В. Мольно. Поставил спектакль режиссер П. Монастырский. Главную роль — Ильи Артамонова — исполнил С. Пономарев, заслуженный артист РСФСР.

А. ШИРОКОВ
Фото К. Суворова.

Эльмира учится в Индии

Эльмира Рагимова (в центре) со своими индийскими подругами.

Этот снимок сделан осенью прошлого года, когда азербайджанская певица Эльмира Рагимова познакомилась и подружилась с женщинами Индии в Дели.

Эльмира — первая в Советской стране исполнительница индийских песен. В ее семье не было профессиональных музыкантов, и никто из старших не подозревал о незаурядных вокальных способностях девочки. Талант Эльмиры раскрылся во время фестиваля индийских фильмов в Баку. Днем девушка смотрела эти фильмы, а вечером повторяла чарующие мелодии — песни простых людей Индии. Вскоре Эльмира в совершенстве разучила напевы народов, говорящих на языке хинди. Ее пригласили на радио, приняли солисткой в Азербайджанский государственный ансамбль песни и танца. Каждому выступлению молодой певицы сопутствовал большой успех.

Летом 1956 года в Баку на концерте Рагимовой присутствовал вице-президент Индии Радхакришнан. Высокий гость, очарованный искусством Эльмиры, пригласил ее в Индию обучаться классическому пению и танцам.

И вот Эльмира в далекой Индии. Она студентка музыкального заведения «Бишва Бхарати», основанного Рабиндранатом Тагором. Целый год трудолюбивая девушка изучает песни хинди, а также бенгальские песни, слова и музыка которых принадлежат великому писателю. На экзаменах она удостаивается самой высокой оценки, получив 90 баллов.

Через год Рагимову приняли на музыкальный факультет университета Барода. Здесь она разучивает цикл классических индийских танцев и пение хиндустани и вновь удивляет всех своими успехами. Талантливую вокалистку тогда же тепло принял Неру, а Радж Капур пригласил ее сниматься в новой картине.

Скоро Эльмира возвратится из Индии в родной Азербайджан.

Г. ПОГОСОВ

Баку.

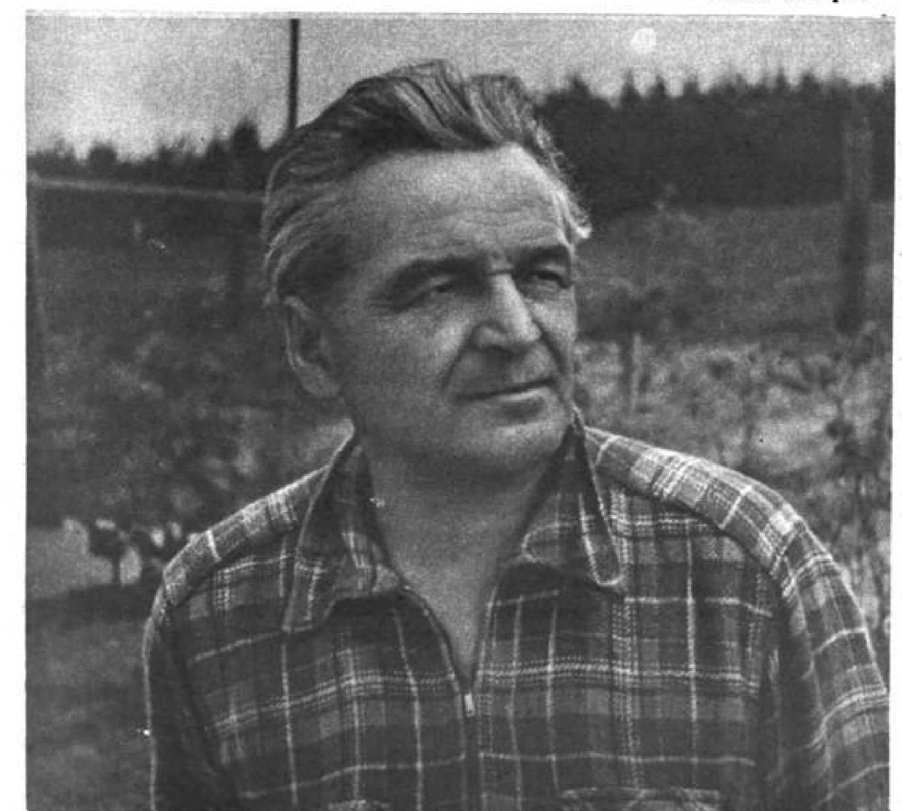
ДАР АКТЕРА

В. ПОНОМАРЕВ

Мелькают дома и домики минского дачного пригорода. Поселок, другой, третий... Вот и дача Платоновых — сборный щитовой домик на высоком фундаменте и небольшой участок.

Заслышав шум автомобиля, склоненная над грядой женщина поднялась, по-крестьянски, не дотрагиваясь перепачканными в земле пальцами, поправила сдвинувшийся на лоб платок, пригляделась внимательно из-под ладони и, признав своих, приветливо помахала рукой. Да ведь это Ирина Флориановна Жданович, одна из ведущих актрис театра. Вчера она не была занята в спектакле, приехала на дачу с вечера и теперь всецело поглощена своим садом и огородом.

Народный артист СССР Б. В. Платонов.
Фото автора.

Разглядывая каждое растение, радуясь каждому цветку и побегу, супруги, не торопясь, обходят «плантацию», а я тем временем все присматриваюсь к Борису Викторовичу. Ну разве дашь пятьдесят шесть лет этому стройному, гибкому, удивительно легкому в движениях человеку в клетчатой рубашке с короткими рукавами! Правда, в густых волосах уже много седины и в теплых карих глазах — свет мудрости, приходящей только с годами.

А Платонов остановился возле молодой яблоньки, потрогал ее тонкие веточки, словно приласкал кудрявую детскую головку, оглянулся вокруг:

— Бесподобно! Чрезвычайно хорошо!..

Вот он, дар актера! Ведь все вроде бы осталось в нем таким же, как было: и лицо без грима, и парика нет, и эта клетчатая рубашка... Но я отчетливо вижу перед собой не Платонова, а другого, великого человека, слышу его голос. И дело тут не в изменившейся вдруг тональности речи. Откуда-то возникла внутренняя, разительная качественная перемена. Она и делает человека совсем другим. Другим во всем — во всех бесчисленных тонкостях и мелочах поведения...

В «Третьей патетической», где Платонов играет Ленина, Ирина Флориановна Жданович выступает в роли Марии Ильиничны. Актриса чутко прислушалась, насторожилась, молча следя за мужем.

А Борис Викторович что-то пробовал, искал... Работал.

— Чрезвычайно хорошо!.. — повторил он и застыл, прислушиваясь к собственному голосу. Потом снова стал самим собой. Словно вернулся откуда-то...

После завтрака красили изгородь. А когда проглянуло солнце, отправились в хвойный лес, заговорили об актерском труде.

В детстве у Бориса Платонова об актерском даровании и речи не было. В семье замечали способности мальчика то к рисованию, то к музыке. Правда, эти способности и впоследствии не пропали. Но пригодились они уже после того, как для Платонова кончилась жизнь добровольца, участника борьбы с интервентами. Демобилизовавшись в 1921 году, юноша вернулся в родной Минск и подружился с юношами и девушками, все свободное время проводившими в клубе «Беларуская хатка». Там Борис писал декорации и афиши, пел, танцевал.

Сначала товарищи по клубу, потом жители близлежащих улиц — зрители самодеятельных спектаклей — отметили занятного паренька. Стали приходить с других концов города, чтобы посмотреть, как играет Платонов. Наконец его пригласили в труппу только что созданного тогда Первого Белорусского государственного драматического театра. С этим театром Борис Викторович связал свою судьбу на всю жизнь. Здесь он пережил трудности актерского становления, постиг «тайны» сце-

ЗАСЛУЖЕННАЯ СЛАВА

Четверть века существует в Малоярославце оркестр русских народных инструментов. Его создатель и бессменный руководитель Александр Николаевич Пожарский недавно получил высокое звание заслуженного артиста РСФСР.

Самодеятельный оркестр широко известен не только в районе и области, но и за пределами Российской Федерации. Он неоднократно одерживал победы на областных, республиканских и всесоюзных соревнованиях и конкурсах, был участником VI Всемирного фестиваля молодежи.

Оркестр вырастил во много раз больше музыкантов, чем городская, несколько лет существующая музыкальная школа. Многие из бывших участников оркестра теперь уже сами руководят самодеятельными музыкальными коллективами в различных городах страны.

Александра Николаевича Пожарского знают и в Малоярославце и во всей Калужской области как композитора, режиссера, артиста. Драматический коллектив при районном Доме культуры — тоже детище Пожарского.

Большим, незаурядным талантом наделен этот человек. Его неоднократно приглашали на работу в государственные театры и оркестры, но он отказывался от этих предложений, посвятив всю свою жизнь работе в районном центре, где воспитывает у людей любовь к искусству.

В. БЕСПАЛОВ

Малоярославец.

Дирижирует А. Н. Пожарский. Фото И. Великанова.

Скрипка украинского мастера

Оля Щиголева, ученица музыкального училища имени Гнесиных, летние каникулы проводила в Киеве. Днем девочка бывала на Днепре, а вечерами брала свою скрипку и принималась разучивать Концерт Венявского. В этот тихий час на бульваре Шевченко собирались любители музыки. У Оли появилось много друзей. Как-то скрипачка пожаловалась им на расстроившийся инструмент. Вездесущие ребята успокоили девочку:

— Неси к дяде Пехеньно. Он сам скрипки мастерит!

Алексей Степанович Пехеньно, радушно встретив девочку, предложил ей сыграть что-нибудь на любой из его двух новеньких скрипок собственной работы.

Оля исполнила «Мелодию» Глюка, «Романс» Глиэра, «Размышление» Чайковского — свои любимые произведения...

Через неделю старая скрипка девочки была отлично отремонтирована. Но разве можно было сравнить ее с той, новой, которая так полюбилась Оле!.. И Алексей Степанович решил подарить будущей скрипачке понравившийся ей инструмент.

— Только учись отлично, Оля,— дружески пожелал он школьнице-москвичке.

...Алексея Степановича Пехеньно часто можно видеть в читальном зале Публичной библиотеки Академии наук УССР. Он усердно изучает отечественную и мировую литературу о смычковых инструментах, знакомится с наследием Антонио Страдивари, Джузеппе Гварнери. Кроме того, он работает над созданием скрипичного лака и грунтовки, заготовляет выдержанную древесину ели и клена. Ночи напролет трудится он в своей домашней мастерской.

Не так давно скрипка А. С. Пехеньно прошла испытания на кафедре смычковых инструментов Киевской консерватории и получила высокую оценку. Теперь, готовясь к декаде украинской литературы и искусства в Москве, мастер решил создать квартет — две скрипки, альт и виолончель.

М. КОКТА

Киев.

Теперь эта скрипка — изделие украинского мастера — будет звучать в Москве, в училище имени Гнесиных.

Фото Я. Паволоцкого.

нического искусства, узнал и горести и радости любимого дела...

Сколько спектаклей было у Платонова, столько и характеров. Вот пан Адольф Быковский в пьесе Янки Купалы «Павлинка». Платонов-Быковский медленно входит в хату, стягивает с рук белые перчатки, кладет в свой шляхетский картуз и передает ослепленному панской спесью хозяину-мужику. Сняв галоши и не доверяя их никому, сам ставит на видное место. Поправляет фатовские усики, любуется собой в зеркальце, демонстративно вынимает из кармана часы с толстой цепочкой...

Зал так и покатывается добродушным смехом: что еще выкинет этот спесивый шляхтич?

Ухаживая за хозяйской дочкой Павлинкой, Быковский Платонова сам умиляется своей «деликатностью», позерствует. В каскаде суетных благоглупостей раскрывается панская никчемность, духовная нищета. И вот уже Адольф посрамлен и уничтожен. Зрители еще хохочут, но в трусливых и заискивающих глазках Быковского вспыхивают искорки лютой злобы. Теперь этот человек уже не столько смешон, сколько страшен. Он надеется отплатить за свое разоблачение. Он способен на любую подлость... Так Быковский Платонова помогает распознавать и ненавидеть мещанство во всех его обличьях...

Совсем иные актерские краски видим мы в образе знаменитого белорусского народного вожака, партизанского руководителя Константина Заслонова, которого играет Платонов в одноименной пьесе А. Мовзона. В этой роли Платонов спокоен, последователен. Герой его держится и с гитлеровцами и со своими независимо, уверенно. А нервы напряжены, душа волнуется...

Патриотический подвиг Константина Заслонова слишком хорошо известен, чтобы зритель хоть на мгновение усомнился в честности, преданности героя. Однако Платонов идет дальше сюжетных коллизий пьесы. Он раскрывает цельный, красивый, самоотверженный характер. И долго не утихают переживания, вызванные прикосновением к духовному миру чудесного человека, патриота. Артист создает характер, полный обаяния и чистоты...

А каков у Платонова Зелкин — правая рука матерого проходимца Горлохватского в пьесе «Кто смеется последним» К. Крапивы! Горлохватскому удалось пробраться на высокий пост директора геологического института. Но если можно быть хуже Горлохватского, то Зелкин хуже! Свой административный и научный «авторитет» этот грязный подхалим строит на шантаже и склочничестве, на зажиме неугодных ему людей, на разложении коллектива. Это настолько мерзкий человек, что даже связь своей жены с Горлохватским рассматривает с позиции житейского «благоразумия».

Актер показывает, что его персонаж — трус, духовный калека. Такой человек ничего общего не имеет с людьми, строящими новую, коммунистическую жизнь. Именно здесь — в гневном отрицании негодного, отжившего — Платонов находит художественную завершенность образа.

И вот, наконец, самая высокая вершина на пути актерского восхождения: образ Владимира Ильича в «Третьей патетической» Н. Погодина.

Обращение актера к образу Ленина было неожиданным даже для многих почитателей таланта Платонова. Но не для самого Бориса Викторовича. Он, сказать по правде, уже давно мечтал о воплощении образа великого вождя на белорусской сцене.

Отказавшись от всякой плакатности в трактовке роли Ленина, тщательно отработав внешний портрет и манеры Владимира Ильича, Платонов наполнил образ живым содержанием, глубокой мыслью. Мы видим не только гениального государственного деятеля, но и простого человека, которому присуще все человеческое... Перед нами Ленин в последний период жизни. Похудевший, больной, он по-прежнему рвется к активному участию в жизни и, зажигаясь, светится поленински ясно и горячо. Он говорит с людьми о большом и важном, но его философские и государственные размышления не оторваны от жизни народа.

Платонов не приземляет образ, но замечательно приближает к нам переживания и мечты Ленина. Особенно сильно чувствуется это в сценах, где Ильич беседует с революционером Дятловым, инженером Ипполитом Сестрорецким, Ириной... Здесь Ленин Платонова не только политический деятель, наделенный большими правами, не только мудрый человек, по-отцовски чуткий и внимательный,— у него есть свои сомнения, свои заботы... Ирина просит смягчить наказание брата, молодого чекиста, соскользнувшего на дурной путь. Девушка страдает. И как глубоко понимает Ильич мучительное состояние Ирины: он открыто сочувствует ей, ему тоже очень больно! Но тяжкую вину Валерия перед государством нельзя оставлять безнаказанной!..

— Работа над образом Владимира Ильича, конечно же, далека еще от завершения,— говорит Платонов.— Но я сам чувствую, как от спектакля к спектаклю ко мне приходят все новые и новые детали. Отыскиваешь их — и чувствуешь огромную радость, особое, непередаваемое счастье актера...

«Третья патетическая». Б. В. Платонов в роли В. И. Ленина.

Судно отправляют в Якутию

Как приятно любоваться с волжского откоса теплоходом, несущимся по реке на подводных крыльях! А еще приятней прокатиться на нем. В Горьком это сделать нетрудно.

С причала мы поднимаемся по трапу на верхнюю палубу теплохода, а потом спускаемся вниз. Открываем дверь — и перед нами просторный, залитый светом зал с шестьюдесятью шестью мягкими креслами. На какое ни сядь — отовсюду видно прекрасно. Тишину нарушает мерный шум мощного двигателя, судно чуть покачивается. Включается двигатель — и замелькали перед нами яхты и лодки, широко раскинулась волжская панорама.

Сотни экскурсантов совершают поездки на теплоходе «Ракета-2» с подводными крыльями. А теперь уже недалеко и до того времени, когда по воде пронесется «Ракета-3». Пока это судно направляется в далекую Якутию, где будет работать в Ленском пароходстве. Пойдет оно туда не своим ходом: его грузят на обычный теплоход.

Д. БАРАЧЕВСКИЙ

С различных глубин

Эта непрерывная струя, которая бьет из нехитрой железной трубы, зарождается на большой глубине. Температура источника — 26 градусов. Бьет он из-под земли в Крыму, в деревне Новожиловке, Зуйского района.

В последние годы геологи производили в Крыму изыскания водоносных горизонтов на различных глубинах. Попутно они вскрыли буровыми скважинами минеральные и термальные подземные воды. В некоторых скважинах, например, в деревне Ново-Андреевке, Октябрьского района, температура достигает 40 градусов.

Пресные воды уже используются в тепличном хозяйстве, а минеральные приобретают известность под именем «Крымский боржом».

В. САВЧЕНКО

ОТ КРАЯ

Академик Академии наук Белорусской ССР В. И. Шемпель (второй слева) беседует с венгерскими учеными Ш. Эгерсеги (слева), И. Лангом и И. Антолом.

Фото Ч. Мезина.

УРОЖАИ С ПЕСЧАНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Директор Белорусского института земледелия В. Н. Шемпель и венгерский профессор Ш. Эгерсеги — старые друзья. Они давно переписываются между собой, встречались на научных совещаниях в Москве и Варшаве, а теперь снова увиделись в Минске. Венгерскому ученому было очень приятно посмотреть, как разработанный им метод многослойной мелиорации песков применяется на Полесской опытной станции. Этот эффективный и рентабельный способ удобрения полей, позволяющий улучшить водно-воздушный режим почв и за короткое время в 3—4 раза повысить урожай, начал использоваться также в Польше, Германской Демократической Республике.

Надо сказать, что только в нечерноземной зоне Европейской части СССР 100 миллионов гектаров песчаных и супесчаных земель, а в Польше, ГДР, Венгрии и Румынии — еще столько же. Окультуривание их имеет огромное значение для дальнейшего развития сельского хозяйства. Этому и было посвящено недавнее совещание в Минске.

Белорусские и украинские ученые привели интересные данные о том, как влияют люпин и сераделла на повышение плодородия. Польские профессора Б. Свентоховский и М. Бирецкий, доктора Г. Мюллер и К. Рауэ из ГДР рассказали о новом комплексе обработки земель, углублении пахотного слоя. Внимание собравшихся привлек созданный польскими специалистами прибор для исследования ветровой эрозии земель.

Многое делается для облегчения трудной работы — удобрения песчаных почв. Зарубежные гости ознакомились с оригинальным плужным агрегатом, сконструированным белорусскими инженерами. Он поднимает полуметровый слой почвы, вносит под него нужное количество удобрений и кладет пласт на место. А вот и еще одна новинка — применение гидроторфа. Насосная установка по трубам подает на поле разжиженную торфяную массу, и она постепенно просачивается в глубь земли. Урожай зерна на песках возрастает до 18—20 центнеров с гектара.

Братское сотрудничество ученых социалистического лагеря позволит быстрее превратить сыпучие пески в цветущие, плодородные нивы.

Е. ГАЛКИН

Если бы каждый из нас...

В «краю тысячи озер», у самой финской границы между Колвас-ярви и Чуонас-ярви, за горами и лесами, лежит карельская деревушка Колвас-озеро. Живут в ней лесорубы. И Георгий Лукин рос там — валил лес, сплавлял его по речке Коди-Йоки, светлыми весенними ночами ходил с ружьем на глухарей. А потом новая жизнь увлекла его, потянула в город.

Только успел Лукин окончить педагогический институт, как началась война. Ушел Георгий на фронт. А в конце войны встретил на острове Сааремаа эстонскую девушку, женился да так и остался там, стал преподавателем истории в средней школе.

Но жажда к знаниям не утихла. И вот учится Лукин в аспирантуре при Ленинградском отделении Академии наук СССР, а по окончании курса начинает работать в Институте истории Академии наук ЭССР в Таллине.

А Колвас-озеро? Забыто?

Нет! Навещает родную деревушку Георгий Лукин. То клуб новый строит на досуге со своими земляками, то по-прежнему пробует силы на валке леса. И в прошлом году в отпуск приехал он в Колвас-озеро, когда там создавалось подсобное хозяйство при крупном леспромхозе. По-новому заговорили северяне — жители Карелии: «Неверно считать наш край потребительским. При современном развитии агротехники и у нас можно завести доходное сельское хозяйство. Будем развивать животноводство!»

«А кормовая база-то у них дедовская, клевер да тимофеевка,— подумал Лукин.— Надо помочь землякам!»

По возвращении в Таллин он посвятил все свое свободное время делу новому, незнакомому, но очень увлекательному — агротехнике.

И вот сидит историк в лаборатории агронома, проводит опыты по изучению почвы, записывает сведения о морозоустойчивых кормовых травах. Задумывается и над тем, как выращивать в Колвас-озере сады...

Когда куплен билет для поездки на родной север, в кабинете лежат подарки землякам: двенадцать килограммов семян белого донника, пятнадцать — люпина, шесть — люцерны да полкилограмма семян чудесного морозоустойчивого растения — кормовой капусты. Все это для будущих опытных участков в Колвас-озере. И еще едут с Лукиным на север саженцы «белого налива», «боровинки», «антоновки», местного эстонского морозоустойчивого «крюгеровского» сорта — всего тринадцать штук. Первые тринадцать «пионеров» северного садоводства! Ведь до сих пор границей яблонь в Карелии считается Петрозаводск. Предстоит продвинуть эту границу на пятьсот километров к северу.

На Балтийский вокзал в Таллине Георгия Лукина пришли провожать эстонские друзья.

Они машут вслед поезду и, расходясь, говорят о том, что если бы каждый из нас, покинувший когда-то родные села, в дни отпуска, в часы досуга посадил бы там по десятку деревьев, то какие чудесные сады шумели бы теперь по всей стране!..

Н. ХРАБРОВА

Далеко на север везет Г. Лукин саженцы яблонь и семена трав.

Фото С. Розенфельда.

В СТО ТРИ ГОДА...

Взгляните на руки этой стотрехлетней труженицы, и вы сразу определите, что так бездеятельно они сложены у нее только на время фотографирования. А как только съемка закончилась, старушка вновь принялась за работу.

Марья Васильевна Коменчиди, 1856 года рождения, имела одиннадцать детей. Шесть из них живы. Десятки лет Марья Васильевна проела на просторах кубанских полей, работая в сельском хозяйстве. Сейчас она живет у своей шестидесятипятилетней дочери в Геленджике, по улице Тельмана, дом 27. Мы, соседи, часто слышим, как дочь говорит матери: «Уходи с огорода, я сама доделаю». Тогда старушка берет веник, начинает мести, вытирает всюду пыль, моет посуду, а затем садится вязать шерстяные носки, которыми она наделяет свою большую родню.

Пожалуйста, напечатайте в журнале ее фотографию. Труженица заслуживает, чтобы о ней знали многие.

Е. ОРХИДЕЯ

г. Геленджик.

ДО КРАЯ

Золотая медаль Мэри

В августе 1956 года в № 32 журнала «Огонек» было рассказано о девочке Раисе Тевелевой. Ослепнув в результате тяжелой болезни, Рая не оставляла учения и вместе со своими сверстницами окончила десятилетку. Рае был выдан аттестат зрелости с отличием.

Заметку о Раисе Тевелевой прочитали вслух Мэри Голимбарской, слепой от рождения. В Одессе, где она живет, ей сделали операцию, вернувшую ей только 0,02 процента зрения.

Для Мэри, которая и раньше преклонялась перед жизненным подвигом Николая Островского, Алексея Маресьева, пример Тевелевой стал поворотным пунктом в жизни. Она решила учиться так же упорно. Мэри окончила школу-семилетку для слепых детей, параллельно — музыкальную школу по классу баяна.

Что делать дальше? В Одессе нет средней школы для слепых.

Девочку включили в список учениц обычной, массовой школы. Она становится активной комсомолкой, принимает участие в художественной самодеятельности.

Наконец окончен 10-й класс. Аттестат зрелости ей решили выдать без экзаменов: ведь она все годы была отличницей. Врачи предупреждали, что чрезмерное напряжение опасно.

Но Мэри настояла на своем:

— Я ведь знаю не меньше других, чего же мне бояться!

Хорошо подготовленная девочка прекрасно сдала экзамены и получила золотую медаль.

Нельзя не сказать о тех, кто помог Мэри. Это и директор школы Олейникова, и педагоги Яковлев, Севастопольский, и товарищи по классу.

Сейчас Мэри на пороге большой самостоятельной жизни. Она хочет стать преподавателем музыки.

Пожелаем ей успехов в жизни!

Архитектор И. ПОРТНОЙ,
инженер Н. КЕСЛЕР

Павильоны ярмарки.

ЯРМАРКА В БРНО

31 государство прислало изделия машиностроительной промышленности на международную ярмарку в Брно (Чехословакия).

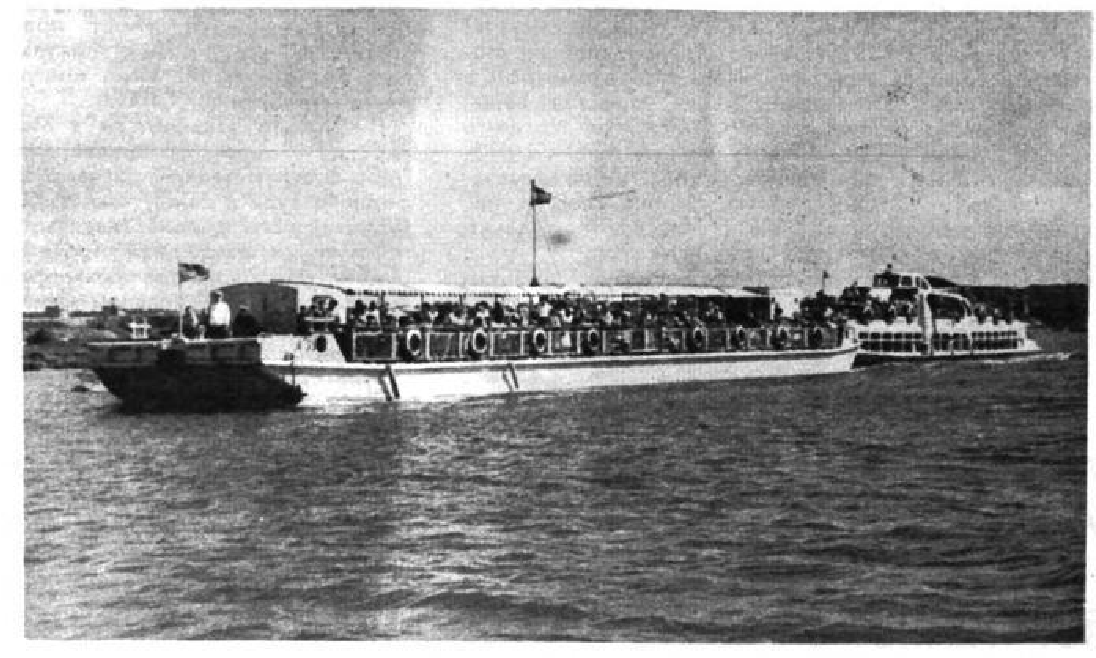
14 сентября ярмарку посетили президент Чехословацкой Республики, первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный и другие руководители Чехословакии.

Гости побывали в советском павильоне. Здесь выставлены образцы советского машиностроения. Среди них — угольный комбайн «Кировец», гидромонитор «Донбасс», оптические, измерительные и другие приборы. Товарищ А. Новотный сделал следующую запись в книге отзывов: «Благодарим советский народ, рабочих, ученых и техников за прекрасный успех — запуск ракеты на Луну. Это новый успех советского народа в борьбе за мир».

→ У советского павильона.
Фото Е. Пардубского.

НЕОБЫЧНЫЙ РЕЧНОЙ СОСТАВ

Новый речной состав на Канале имени Москвы.

В один из погожих осенних дней от московской пристани Крымский мост в Рублевский лес отправился необычный речной состав: впереди шла площадка-веранда с тентом, а за ней речной трамвай, который толкал ее.

Такие составы на реках нашей страны появились впервые. Они очень удобны для отдыха на воде. Стоит только передвинуть двухместные диваны, и веранда превращается в площадку для игр и танцев. На веранде могут удобно разместиться 250 пассажиров, да еще теплоход берет 150 человек. Если вы любите солнце, вы можете сидеть на диванах, расположенных по обоим бортам. Хотите отдохнуть в тени — забирайтесь под бело-голубой полосатый тент.

Эти веранды-прицепы изготовляет Каширская судостроительная верфь по чертежам Московского агентства и ремонтно-эксплуатационной базы флота.

Вел состав капитан Александр Дмитриевич Нагорский. Но никто из пассажиров и не догадывался, что в рубке стоит один из создателей этого необычного судна, вызвавшего общее одобрение. Второй автор проекта — инженер Е. А. Шмушкович.

Такой состав можно с успехом использовать не только для экскурсий и прогулок, но и для перевозки грузов: пассажирский салон теплохода превратится в жилое помещение для команды, а веранда примет 150 тонн груза.

В будущую навигацию несколько таких составов выйдут на голубую дорогу столицы.

А. РУБИНА

Матч-турнир претендентов на первенство мира по шахматам.

НА ОЗЕРЕ И ВОКРУГ НЕГО

Блед — это маленькое озеро, окруженное горами, между которыми то тут, то там проглядывают долины, населенные словенами. Прозрачное зеркальное озеро, да и вся окружающая природа напоминают нашу Рицу, но здесь климат более мягкий, и в сентябре еще можно купаться. На озере стоит тишина, нарушаемая только боем башенных часов. Моторным лодкам запрещено плавать по озеру, плавают лишь гондолы, парусники и яхты. Курортное местечко Блед едва насчитывает четыре тысячи человек постоянного населения, а летом собирается здесь значительно больше туристов.

Когда советская шахматная делегация прибыла в Блед и разместилась в отеле «Топлица», к нам подошел весьма приветливый мужчина средних лет и представился:

— Директор гостиницы Видиц. Я был участником знаменитого международного турнира 1931 года. Тогда мне было пятнадцать лет и я расставлял шахматы чемпиону мира Алехину, — с гордостью сказал он. — Разрешите, я вам покажу, где происходил тогда турнир.

И он повел нас в ресторан, где было отведено место для семи шахматных столиков, за одним из которых сидел гениальный русский шахматист Алехин.

Отель «Топлица» еще раз вошел в шахматную историю. В нем живут претенденты на матч с чемпионом мира Ботвинником гроссмейстеры Смыслов, Керес, Петросян, Таль, Глигорич, Фишер, Бенко, Олафссон. Может быть, кто-нибудь из них будет чемпионом мира. Только неизвестно, кто и когда...

Первым приехал в Блед Бенко, последним — Фишер. Перед началом генерального сражения у всех было бодрое настроение.

Конечно, все понимали, какое предстоит трудное соревнование, и отнеслись к нему с большой серьезностью. Шутка ли сказать, каждому предстоит двадцать восемь партий!

Чемпион США Фишер со времени Цюрихского турнира живет в Европе. Его тренировал датский гроссмейстер Ларсен. За несколько месяцев до начала соревнования Фишер приезжал в Блед: он осваивался с обстановкой на месте.

Гроссмейстер Керес со своим тренером заслуженным мастером Микенасом, чтобы привыкнуть к озерному воздуху, готовился на Святом озере, близ Тарту. Бенко избрал секундантом югославского мастера Марича, учитывая, что он хорошо знает местные условия. Глигорич с женой и тренером приехал в Блед задолго до начала борьбы. Олафссон, повидимому, не рассчитывающий на свои силы, прибыл с тремя тренерами...

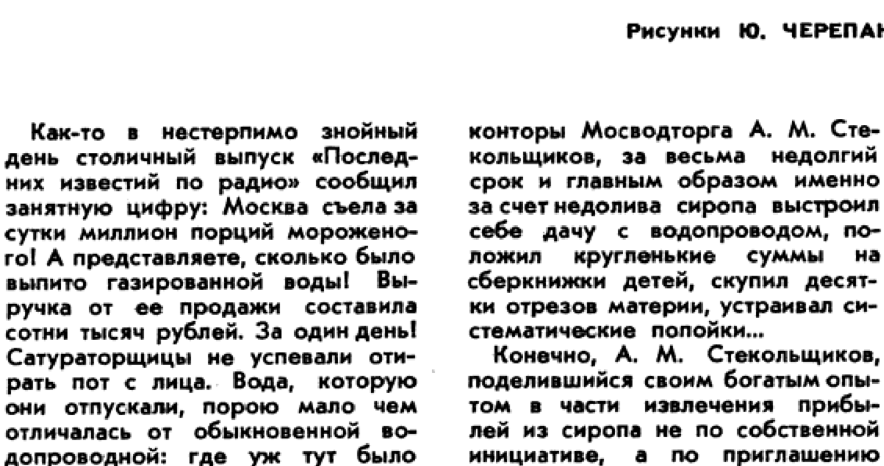
Перед турниром Смыслов и Таль совершали прогулки вокруг озера. Смыслов точно измерил это расстояние: оно равно, по его шагометру, пяти километрам.

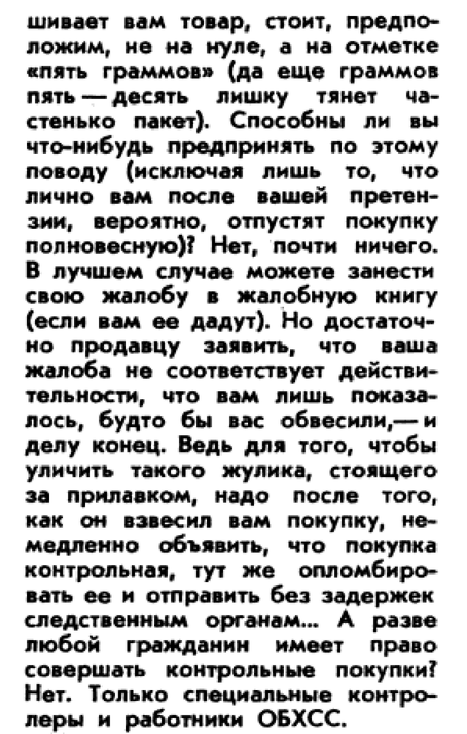
Петросян нашел стол для игры в пинг-понг и здесь тренировал себя в агрессивной манере.

Керес подолгу стоит на берегу озера и наблюдает за поведением рыбы. Вода в озере настолько прозрачна, что озеро представляет собой как бы грандиозный аквариум.

Таковы бытовые подробности. Что касается хода самого матч-турнира, то каждодневные его результаты известны, а к общей картине мы обратимся попозже.

В. РАГОЗИН
г. Блед.

Фельетон

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Как-то в нестерпимо знойный день столичный выпуск «Последних известий по радио» сообщил занятную цифру: Москва съела за сутки миллион порций мороженого! А представляете, сколько было выпито газированной воды! Выручка от ее продажи составила сотни тысяч рублей. За один день! Сатураторщицы не успевали отирать пот с лица. Вода, которую они отпускали, порою мало чем отличалась от обыкновенной водопроводной: где уж тут было газировать ее как следует! На них наседали очереди и очереди, и если какой-нибудь придира смел пожаловаться на то, что ему не долили сиропа в стакан, его обрывала не только продавщица, но и вся очередь:

— Копеечник! Крохобор! Гоните его вон! Из-за гроша людей задерживает!

Как же, всему миру известны наш размах, широта нашей натуры! Считание копеек сплошь и рядом презрительно отождествляется у нас со скаредностью, ну, а скаредность, право же, в нашем представлении — едва ли не самая омерзительная черта характера. Скажите, пожалуйста, сиропа не долили! Да сколько его не долили! Как не стыдно вообще затевать об этом разговор!

Впрочем, если задать вопрос: на сколько можно не долить сиропа? — не риторически, а заинтересоваться им по-деловому, то ответ, пожалуй, заставит и призадуматься.

Такой крупный авторитет в этом деле, как, например, директор Бауманской межрайонной конторы Мосводторга А. М. Стекольщиков, за весьма недолгий срок и главным образом именно за счет недолива сиропа выстроил себе дачу с водопроводом, положил кругленькие суммы на сберкнижки детей, скупил десятки отрезов материи, устраивал систематические попойки...

Конечно, А. М. Стекольщиков, поделившийся своим богатым опытом в части извлечения прибылей из сиропа не по собственной инициативе, а по приглашению прокуратуры и суда и получивший теперь пять лет лишения свободы, не лично залезал к потребителю в карман за двугривенным. Он сидел в кабинете — «руководил». Мелкую воровскую работу выполняли за него другие, с которых он вымогал взятки. Но зато уж они ее выполняли исправно! Из тридцати, сорока или сорока пяти копеек, которые платил покупатель за утоление жажды, минимум половина уходила в их карман и на постройку дачи Стекольщикова. Кое-какие сатураторщицы и буфетчицы не отставали от директора: они тоже приобретали дачи, чтобы отдыхать там от тяжких трудов в душной Москве... Как видите, они неплохо знали нашу психологию и неплохо играли на знании того, что наш человек предпочтет трижды отмахнуться от такого пустяка, как недолив сиропа на гривенник, недовес колбасы на пять граммов, обсчет на полтинник — другой...

Правда, кроме психологии, есть еще одна причина, по которой мы часто не желаем заниматься «копеечными делами». Как это ни странно, но иной раз доказать, что вор есть вор, неимоверно трудно. Вот вы, допустим, видите, что та же сатураторщица наливает сиропа в стакан не двадцать граммов, как положено, а десять. Что вы можете сделать? Практически ничего. Чтобы доказать, что она вас обжулила, мало вашего утверждения, мало подтверждения этого факта другими свидетелями (хотя бы их был десяток!). Надо, чтобы тут же, на месте, порция налитой воды была проверена сахарометром — специальным прибором, которого и в продаже-то днем с огнем не сыскать! Да и какой рядовой человек станет разгуливать с сахарометром в кармане! А такая простая вещь, как, скажем, табличка, когда-то висевшая на каждой тележке с газированной водой и показывавшая, сколько сиропа следует наливать на стакан, давным-давно исчезла из обихода.

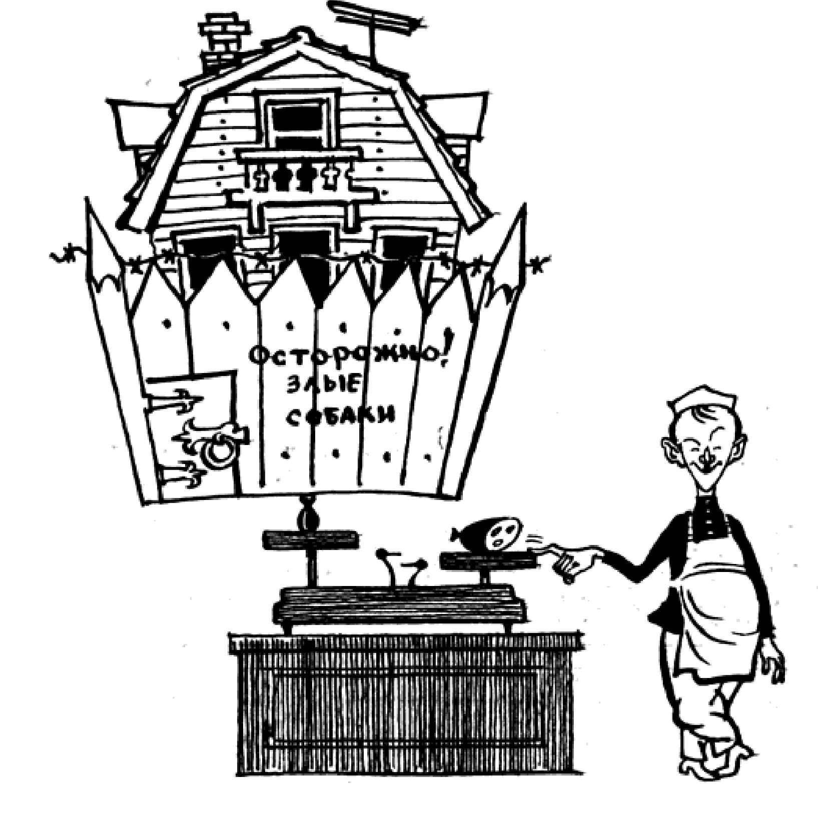
Или стрелка на пружинных весах, на которых продавец взвешивает вам товар, стоит, предположим, не на нуле, а на отметке «пять граммов» (да еще граммов пять — десять лишку тянет частенько пакет). Способны ли вы что-нибудь предпринять по этому поводу (исключая лишь то, что лично вам после вашей претензии, вероятно, отпустят покупку полновесную)? Нет, почти ничего. В лучшем случае можете занести свою жалобу в жалобную книгу (если вам ее дадут). Но достаточно продавцу заявить, что ваша жалоба не соответствует действительности, что вам лишь показалось, будто бы вас обвесили, — и делу конец. Ведь для того, чтобы уличить такого жулика, стоящего за прилавком, надо после того, как он взвесил вам покупку, немедленно объявить, что покупка контрольная, тут же опломбировать ее и отправить без задержек следственным органам... А разве любой гражданин имеет право совершать контрольные покупки? Нет. Только специальные контролеры и работники ОБХСС.

Не успело закончиться в Мосгорсуде дело Стекольщикова (Мосгорсуд оставил приговор народного суда в силе), как ОБХСС Фрунзенского района Москвы на протяжении двух дней проверил работу продовольственных торговых точек на Московской ярмарке. Место бойкое. И что же обнаружилось? Проверили тринадцать сатураторщиц. Но лишь две из них налили сироп правильно. Остальные одиннадцать не долили кто тринадцать с половиной граммов из двадцати, кто десять с половиной граммов, кто чуть поменьше. При наибольшем недоливе покупателю недодали сиропа на двадцать семь копеек из сорока, при наименьшем — на три копейки из сорока пяти.

Проверили отпуск и более крепких напитков. В закусочной «Финиш» инспектор райторготдела заказал продавцу Бушнаревой 200 граммов коньяку и 300 граммов портвейна. Ему не долили 10 граммов коньяку и 20 граммов портвейна. У него на лбу не написано же, что он инспектор!

Проверили отпуск продуктов в павильоне № 200 Мосхлебторга (заведующий Чижиков, продавец Колчанова). Колчанова не довесила 25 граммов пряников, 25 граммов карамели, а вместо сдачи расплатилась конфетами, причем и из этой операции извлекла барыша 17 копеек. В общей сложности только на одной покупке Колчанова обсчитала покупателя на рубль тридцать восемь копеек.

К 250-летию со дня рождения А. Д. Кантемира

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ САТИРИК

Этот человек, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свел поэзию с жизнью...
В. Г. Белинский.

Необычайна судьба нашего первого сатирика.

Родиться в Константинополе, двух лет быть привезенным в Россию, полюбить новую родину, почувствовать себя ее гражданином и патриотом, стремиться к просветительской деятельности в России, больше всего желать принести ей пользу своим талантом писателя — сатирой выжигать общественные пороки, в двадцать три года быть отправленным в почетную ссылку, сначала в Англию, потом во Францию, и умереть в Париже...

Сложен и внутренний облик писателя: он не сомневался в неизбежности и разумности самодержавно-крепостнического строя, но он первый выступил в литературе с обличением его пороков; далекий от неверия, он без оглядки обрушился на церковное ханжество и лицемерие и перед самой смертью писал своей сестре Марии, пожелавшей уйти в монастырь: «О том вас прилежно прошу, чтоб мне никогда не упоминать о монастыре и пострижении вашем, я чернцов весьма гнушаюсь и никогда не стерплю, чтобы вы вступили в такой гнустной чин, или буде то противно моей воле учините, то я ввек уже болше вас не увижу».

Кантемир написал всего девять сатир: «На зависть и гордость дворян злонравных», «О различии страстей человеческих», «О опасности сатирических сочинений», «На человеческие злонравия вообще», «О воспитании» и другие. Перед нами проходит галерея образов его современников: «злонравных» дворян, жуликов-купцов, выжиг-подьячих, святош-ханжей. В каждом слове Кантемира звучат горечь и скорбное негодование:

Знаю, что правду пишу и имен не значу,
Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу...

Кантемир старается расширить кругозор своих читателей. Он не жалеет времени и труда на примечания к своим произведениям; разъясняет иностранные слова или вводимые им самим термины, отсутствовавшие в русском языке; дает исторические и историко-литературные справки. Например:

«Компас есть ящичек, в котором в средине втвержена спичка медная, а на ней поставлена иголка железная, на камень магнит потертая таким образом, что на спичке та игла свободно лежать и оборачиваться может. Магнит такую силу в себе имеет, что той иглы один конец направляет всегда к северу, другой — к полдню».

Иногда примечание разрастается в небольшую статью популярно - просветительного характера, например, к сатире 1-й: «Солнце ль движется, или мы с землею».

Сатиры Кантемира написаны простым, разговорным языком, в них много пословиц и поговорок. Цензура задерживала издание сатир, они вышли через 18 лет после смерти автора, в 1762 году. Но и при жизни Кантемира они были широко известны: они ходили по рукам в списках.

Слишком едкого сатирика высылают из России. Назначают резидентом в Лондон, а затем — посланником в Париж.

Но где бы Кантемир ни был, он думает только о России, работает для нее. Не считаясь со слабым здоровьем, с болезнью глаз, предпочитая уединение шуму и развлечениям блестящего двора Людовика XV, русский поэт дни и ночи напролет проводит за книгами, за работой, имея одну цель — быть полезным родине.

Он перерабатывает сатиры, пишет оды, песни, басни, эпиграммы; переводит на русский язык песни Анакреона, письма Горация, сатиры Буало, «Персидские письма» Монтескье.

До самой смерти продолжает он свою просветительскую деятельность. Он понимает значение своего труда: «Все, что я пишу,— пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может».

К. ПАВЛОВА

«Реактивная Галина»

В 1952 году 20-летняя москвичка Галя Виноградова пришла в «большой спорт». Однако поначалу успехи студентки Московского медицинского института были скромны: 62-я на стометровке, 20-я на дистанции 200 метров и 19-я в прыжках в длину с результатом 5 метров 54 сантиметра.

Но уже вскоре, на чемпионате СССР в Киеве, москвичка вышла в первые ряды наших спортсменок, соревнующихся по прыжкам в длину. Помнится, тогда же дружный коллектив легкоатлетов «Медика» пригласил нас на помолвку студентки Галины Виноградовой и врача Сергея Попова — отличного барьериста и хорошего бегуна. Так москвичка Галина Виноградова стала ленинградкой Галиной Поповой, сменив заодно и место учебы. Она перешла в Институт физкультуры имени П. Ф. Лесгафта.

...Поздней осенью 1955 года в Тбилиси разыгрывалось очередное первенство легкоатлетов СССР. И к концу дня 18 ноября под гром аплодисментов экспансивных тбилисских болельщиков ленинградка Галина Попова установила новый мировой рекорд в прыжках в длину — 6 метров 31 сантиметр!

Прошло меньше года, и на I Спартакиаде народов СССР 10 августа 1956 года Попова установила еще один рекорд — на сей раз всесоюзный — в беге на дистанцию 100 метров. Время было 11,5 секунды. Итак, молодая спортсменка с 62-го места перешла на первое. А для этого нужно было «сбросить» целую... секунду. Таков фактор времени в современном «большом спорте»!

С той поры мощные прыжки и стремительный бег Галины видели не только советские любители легкой атлетики, но и зрители стадионов Китая, Англии, Румынии, Польши, Австрии и других стран. Конечно, не все порой бывало гладко: Попова, например, к сожалению, неудачно выступила в Мельбурне на XVI Олимпийских играх.

Однако нынешний год замечательная спортсменка ленинградского общества «Буревестник» проводит отлично: она была одним из «авторов» всесоюзного рекорда сборной команды СССР в эстафете 4 × 100 метров во время матча с командой США в Филадельфии. Она завоевала три золотых медали на II Спартакиаде народов СССР. Она снова получила три памятных медали на матче СССР — ФРГ и две таких же медали на недавней встрече с британцами.

Юр. ВАНЬЯТ

А сколько покупок она отпускает за день! Вполне достаточно, чтобы она или стекольщиковы строили себе дачи...

Но попробуйте сказать ей в глаза, что она обкрадывает покупателя, — ого, что вы услышите в ответ! Или попробуйте без церемоний назвать кражей поступок И. Д. Бронштейн, дважды по всем правилам (с сахарометром!) уличенной в том, что она не доливает то тринадцать с половиной граммов из двадцати, то двенадцать граммов. Или обвинить в воровстве Л. И. Максимову, не доливающую с точностью автомата восемь раз аккуратно по десять с половиной граммов сиропа из двадцати. Или В. С. Караннову из буфета № 4, во Дворце спорта, не доливающую по 40—45 граммов пива на кружку. Чего доброго, они еще вас к судебной ответственности привлекут, если только не постараются уничтожить акт, уличающий их во всех этих художествах, как изорвала акт об обвесе и пересортице и. о. зам. зав. магазином № 12 на улице Льва Толстого, 2, Виноградова. Колбасу «новую» магазин выдавал за «любительскую» (а «новая» дешевле на 2 рубля 90 копеек за килограмм); кроме того, при отпуске сливочного масла продавщица Авдеева не довесила 40 граммов. Когда же, после того, как Виноградова изорвала акт, был составлен второй, она пыталась всучить инспекторам 200 целковых взятки!

Не пора ли называть вещи своими именами: кражу — кражей, вора — вором?

Закон обязан оберегать невинного — это безусловно. Закон обязан предоставлять каждому человеку все возможности защищаться от возводимых на него обвинений — это также неоспоримо. Но закон ни под каким видом не должен превращаться в свою противоположность — в щит, которым может прикрыться жулик: вот, мол, немыслимо по закону доказать, что я вор, пока за руку меня не схватит непременно сотрудник ОБХСС!

Следует шире развить у нас общественный контроль над торговлей, и больше прав ему должно быть предоставлено. Какую громадную пользу в этом деле смогли бы принести, скажем, домашние хозяйки! Ну кто уж больше них сталкивается с продавцами и методами торговли! И разве какой бы то ни было непорядок, какое бы то ни было безобразие способно было бы ускользнуть от миллионов их глаз! А ведь эта кипучая общественная сила почти не используется у нас...

Больше прав следует предоставить и товарищеским судам, причем товарищеский суд, разбирающий дела работников торговли, должен, возможно, состоять не только из самих же работников торговли, но и из покупателей. Не обязательно сажать человека в тюрьму, если он совершил преступление. Конечно, и обмер, и обвес, и обсчет — это преступление. Но если продавец, которого заметили в этом впервые, у которого это еще не стало системой, предстанет перед сотнями своих каждодневных покупателей, как перед судьями, и если этот товарищеский суд строго предупредит его, вряд ли продавец после этого снова совершит обвес! Да и весь коллектив магазина куда строже станет следить за работой каждого из своих товарищей.

Я не собираюсь перечислять здесь все меры, которые могут и должны быть проведены в жизнь, чтобы мы наконец избавились от позорной язвы обвеса, обмера, обсчета. Наметить такие меры — дело всей общественности. И избавимся мы от этих родимых пятен проклятого купеческого прошлого только тогда, когда каждый задумается: а действительно ли копеечное дело — обвес на копейку?

Как-то я случайно узнал о такой истории. Иногда к моему сыну в числе других его одноклассников заходил и Петя К. Но вот я заметил, что очень давно уж что-то Петя не появлялся у нас. Спросил сына, что случилось. И услыхал следующее.

Мать Пети — буфетчица (отца у него нет: погиб на войне). Недавно Пете исполнилось шестнадцать лет. Внимательно приглядевшись к тому, сколько мать расходует на хозяйство, он спросил ее:

— Мама, какая у тебя зарплата?

Она ответила. Зарплата была примерно такая же, как у среднего рабочего.

— А откуда же ты берешь деньги на то, чтобы расходовать на жизнь в три — четыре раза больше?

Мать усмехнулась:

— Все так живут!

И тут Петя — я знал этого мальчика, — тихий, вежливый, взорвался.

— Лжешь! — сказал он матери с жестокостью юности, не выбирающей выражений.— По-твоему, выходит, все воры?

О сцене, которая разразилась у них после этого, мой сын рассказал мне с Петиных скупых слов, только в самых общих чертах. Когда спустя некоторое время Петя назвал мать просто воровкой, она разрыдалась и бросила ему в ответ, что только из-за него, может быть, и держится за свой буфет.

— Тогда уйди из него! — сказал он ей.

— Ну, это уж ты глупости говоришь! Куда я уйду?

Разговор этот происходил утром. А вечером мать Пети, вернувшись с работы, обнаружила аккуратно сложенными у своей кровати все подарки сыну: фотоаппарат, часы на браслете, три нейлоновые апашки, два выходных костюма. И даже велосипед, который преподнесла ему к шестнадцатилетию, был притащен сюда же.

А самого Пети не было. Он оставил ей короткую записку: «Уехал. Жить с тобой больше не хочу. Не ищи меня. Все равно не вернусь».

Товарищам по школе Петя пишет; работу он себе нашел. А матери не пишет ни слова. Не знаю, какие выводы она для себя сделает, я с нею незнаком. Но сына она пока что потеряла.

Вот ведь как порою оборачиваются «копеечные дела»!

ЛЕСНАЯ ПОЛИКЛИНИКА

Исцеление от грудной жабы. У дантиста.

Рисунки **Вл. Гальба**.

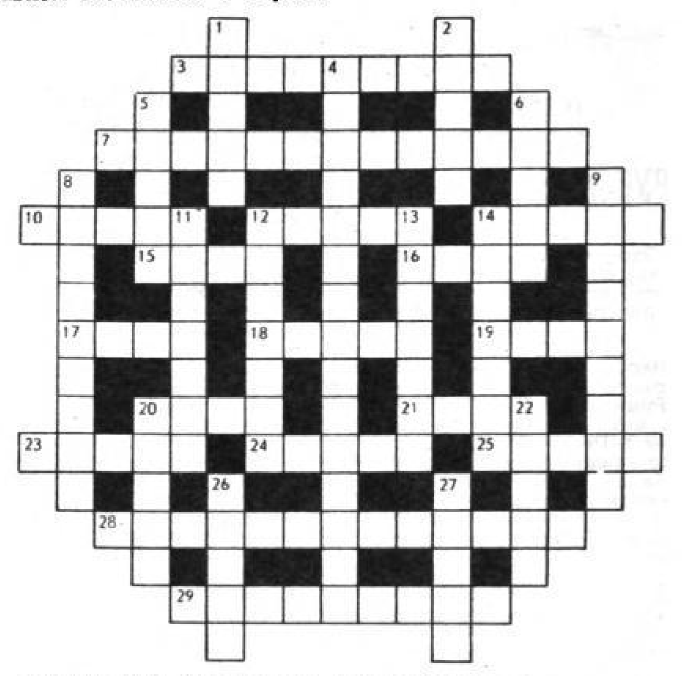
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Рассказ А. П. Чехова. 7. Составление словарей. 10. Народный духовой инструмент. 12. Древнее метательное оружие. 14. Ушастый тюлень. 15. Снимок на кинопленке. 16. Груз, перевозимый на спине животного. 17. Тонкий плавающий лед. 18. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 19. Приток Днепра. 20. Мясное блюдо. 21. Гористый остров в Средиземном море. 23. Народный поэт Белоруссии. 24. Шахматная фигура. 25. Хлопчатобумажная ткань. 28. Сельскохозяйственное орудие. 29. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

По вертикали:

1. Игра в обруч. 2. Литературный жанр. 4. Стихотворение В. Маяковского. 5. Отверстие в улье. 6. Плод пальмы. 8. Глубоководная рыба. 9. Настольные часы. 11. Столица государства в Южной Америке. 12. Атака, штурм. 13. Птица, ведущая ночной образ жизни. 14. Неожиданность. 20. Горизонтальные строки, видимые на экране телевизора. 22. Герой швейцарской народной легенды. 26. Буква латинского алфавита. 27. Учение о морали.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

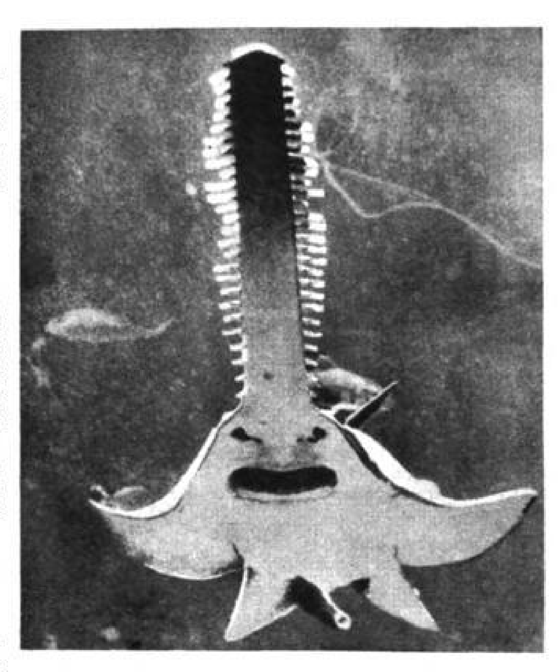
1. Киплинг. 4. Живица. 6. «Разлом». 9. Пушнина. 10. Лекало. 11. Натрий. 12. Надежда. 13. Доватор. 16. Алканна. 20. Оникс. 22. Аристофан. 23. Миссисипи. 25. Афиша. 26. Татария. 30. Пингвин. 33. Терраса. 34. Анабас. 35. Натура. 36. Марокко. 37. Тондзе. 38. Лавина. 39. Насадка.

По вертикали:

1. Капонир. 2. Ланцетник. 3. Граната. 4. Железо. 5. Вакула. 7. Лирика. 8. Майдан. 13. Деканат. 14. Вариант. 15. Тротуар. 17. Капитан. 18. Нахимов. 19. Антиген. 20. Опара. 21. Слива. 24. Гипербола. 27. «Алмаст». 28. Афгани. 29. Яхтсмен. 30. Пианола. 31. Гафури. 32. Игуана.

ПЯТИМЕТРОВАЯ «ГИТАРА»

Пила-рыба напоминает гитару длиною до пяти метров. Обитает пила-рыба преимущественно в теплых морях. Пилообразный нос служит в основном для добычи пищи или копания в иле и песке. Иногда рыба использует свою «пилу» для нападения на больших рыб, отхватывая при этом изрядные порции мяса.

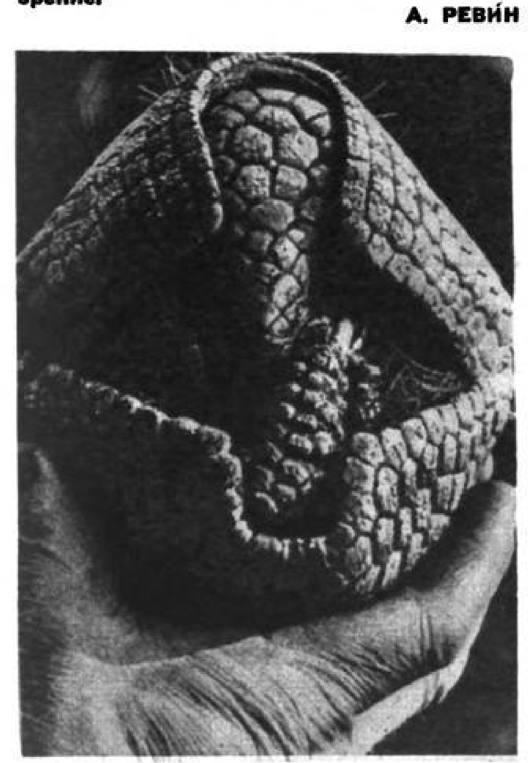
ТРУС В ПАНЦИРЕ

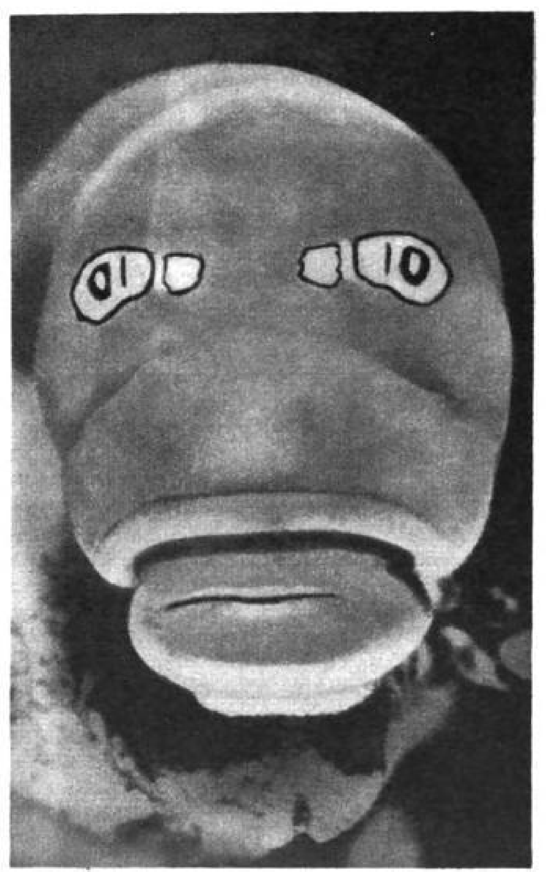
Заранее хотим предупредить читателя, что на снимке не кактус, а броненосец (снимок внизу слева). Броненосцы населяют степи, пустыни, саванны и опушки лесов Южной и Центральной Америки. Длина тела их иногда достигает полутора метров. У них острые когти, тяжелый хвост и почти до ста зубов во рту. Однако эти броненосцы — порядочные трусы и предпочитают обороняться пассивно. В случае опасности они моментально свертываются, пряча в свой прочный и гибкий панцирь голову, хвост и лапы.

ПОЛУСЛЕПАЯ

На первый взгляд — «шедевр» какого-нибудь художника-абстракциониста, а на самом деле — передняя часть свернувшейся гусеницы. «Глаза» — это лишь своего рода орнамент. Настоящие же глаза, число которых достигает пяти, не видны на фотографии. Несмотря на такое количество глаз, гусеница остается полуслепой и в поисках пищи больше полагается на свое обоняние, чем на зрение.

А. РЕВИН

«Сура»

В лаборатории Пензенского часового завода стоит большой шкаф, наполненный тиканием и таканием: там держат конкурсные экзамены новые образцы часов. Недавно испытывался новый образец часов, которые названы «Сура» — по имени реки, протекающей через Пензу. Посмотрите на снимок: все это типы, или, как говорят часовщики, «калибры», часов, освоенные Пензенским заводом. Слева — знакомая всем «Победа», далее — «Звезда», «Заря», «Комета», затем «Весна», пришедшая на завод в январе. А справа пристроилась к своим заслуженным предшественникам «Сура».

Часы «Сура» изящны и миниатюрны; они снабжены центральной секундной стрелкой; особое антиударное устройство в механизме гарантирует им долголетие. Добавим к этому, что инженеры В. А. Зайцев и К. Д. Николаевская, конструируя «Суру», разработали несколько вариантов корпуса часов и много разных рисунков и расцветок циферблата.

Но придет время, когда и «Сура» состарится. Поэтому конструкторы решили разработать за семилетку еще несколько типов часов. В частности, намечено выпустить часы с автоматическим доводом пружины от взмаха руки. Такие часы смогут безостановочно идти до двух суток. А в скором будущем в продаже появятся пензенские часики величиной с копейку!

Ап. ПЕТРОВ

Пенза.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08407. Подписано к печати 16/IX 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1307. Заказ № 2120

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Помощь на дому.
— Понюхайте, это очень помогает от гриппа.

Из дальних странствий возвратясь...

Осенние мотивы.

Тысяча и один лист.

Наперекор стихии.

